

Анекдот - короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае; байка, баутка.

(В. Даль)

Провинциальный анекдот

Выпуск III

Шуя, 2003

Шуйский государственный педагогический университет
Шуйский историко-художественный и мемориальный музей

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Чтения по региональной казуальной истории

Выпуск третий

Шуя 2003

В сборнике представлены материалы IV (2002 г.) Чтений по региональной казуальной истории, проводимых совместно ШГПУ и ШИХММ.

Авторов сборника – историков, литературоведов, краеведов и музейных работников объединяет не только «пространство-время» – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX – начале XX вв., но и общие представления о значимости истории повседневности, «микроистории» для знания о нашем историческом прошлом.

Раздел сборника «Записки провинциалов: век XX» содержит свидетельства шуян о прошедшем XX веке, новый раздел «В уездном городе N» знакомит с уездной жизнью соседних губерний.

Книга адресована широкому кругу читателей.

*В оформлении обложки использован фрагмент вырезки
Капитона Воробьева – уроженца д. Тепляково Шуйского уезда.*

*Печатается по решению редакционно-издательского отдела
Шуйского государственного педагогического университета*

Рецензенты:

*доктор исторических наук В.А. Евсеев
кандидат исторических наук А.А. Пахров*

© Шуйский государственный педагогический университет, 2003

© Шуйский историко-художественный и мемориальный музей, 2003

Е.С. СТАВРОВСКИЙ
(г. Шуя)

ШУЙСКОЕ ФИАСКО АРХИТЕКТОРА МАРИЧЕЛЛИ

Речь пойдет о первом, «итальянском», периоде строительства колокольни Шуйского Воскресенского собора. Из общедоступных источников об этом времени информации совсем немного. Известно, что звонница была заложена в 1810 г., что в 1819 г. она обрушилась и была достроена в 1832 г. по проекту и под наблюдением владимирского архитектора Евграфа Яковлевича Петрова (1789-1839). Материалы государственных архивов Ивановской и Владимирской областей позволяют дополнить эту скудную информацию некоторыми небезынтересными деталями.

Начало строительства колокольни связано с именем архитектора Маричелли (или Маричелло), которого в разных источниках называют то Иванов Ивановичем, то Яковом Яковлевичем. И все известные источники считают его итальянцем. Но, как известно, Иваном Ивановичем на Руси обычно именовали всех иностранцев. К тому же, он, оказывается, и вовсе не итальянец. По данным ивановского краеведа Л.А. Шлычкова, ныне покойного, нашего героя звали Гауденцио Маричелли, родом он из Швейцарии, хотя архитектурному искусству учился в Италии. В Шую он приехал достаточно известным и опытным архитектором, имевшим несколько удачно воплощенных проектов на территории Костромской и Владимирской губерний¹.

Проект шуйской колокольни был с самого начала грандиозен, в особенности если учитывать провинциальный характер нашего города. Для сравнения, построенная в 1810 г. в губернском Владимире колокольня Успенского собора имела высоту «всего» 56 метров. Владимирский губернатор князь И.М. Долгоруков, много раз посещавший наш город, писал о Шуе: «...При мне еще граждане застроили огромной вышины колокольню, которая им станет тысяч в 200, но купцы любочестивы и ничего не шадят, дабы капиталы свои прославить...»².

Главные инициаторы строительства уникального архитектурного сооружения – шуйские купцы Яков Григорьевич Носов (1777-1820), выполнявший обязанности строителя колокольни, и его двоюродный брат Кирилл Иванович Носов (1773-1841), являвшийся помощником строителя.

Постройка звонницы под руководством «иностранным архитектором по контракту» Маричелли продолжалась успешно до начала осени 1819 г. За эти 9 лет колокольня была доведена до основания 4-го яруса. Но во второй половине сентября 1819 г. совсем неожиданно на отдельных колоннах 2-го яруса появились трещины, которые с каждым днем заметно увеличивались. Колонны начали постепенно обваливаться, ситуация стала до такой степени

угрожающей, что шуйский городничий П.С. Шульгин вывел жителей из близлежащих к колокольне домов и выставил караул вокруг «нашей Пизанской башни». Вот как это описывает в своем рапорте сам Шульгин.

«Сего сентября 29 числа находящиеся при строении в здешнем городе Шуе соборной колокольни комиссионеры оного собора протоиерей Алексей Никитский и благочинный Иван Флоринский и строитель купец Яков Носов пригласили меня для освидетельствования оной колокольни, обваливающихся со второго этажа колонных столбов, куда по приезде моем замечена мною опасность к падению оной колокольни, и потому взял я сию предосторожность – поблизости оной колокольни жителей из домов вывел, вытребовал от инвалидной команды караул, расставил оный для охранения проходящих и проезжающих людей... И при мне оная колокольня в 3 часа пополудни обрушилась до первого этажа, не причиня никакого вреда ни жителям, ни их строениям...»³

Действия городничего, как видно из рапорта, были очень своевременны, именно это спасло шуян от жертв во время падения колокольни. Расследованием этого чрезвычайного происшествия занимался упомянутый господин Шульгин. Им были опрошены все ответственные лица, имевшие отношение к данному строительству. Одним из главных «подозреваемых» в случившемся был назван Маричелли. С него была взята подписка в том, что он «до решения дела о разрушении соборной колокольни никуда из города Шуи не отлучится без позволения»⁴, то есть обыкновенная подписка о невыезде.

Обрушение колокольни Маричелли объяснил «тяжестью накладенных нынешним летом третьего этажа и цоколя до четвертого этажа, а до окончания нынешнего лета работы никаких трещин не было»⁵. Остается, к сожалению, неясным главный вопрос, - кто же являлся автором первоначального проекта шуйской колокольни. В своем объяснении Маричелли говорит, что он подрядился «класть означенную каменную колокольню сообразно имевшемуся у строителя плану и фасаду, утвержденному начальством»⁶! На первый взгляд может показаться, что Маричелли не имеет никакого отношения к составлению проекта шуйской звонницы, а является только подрядчиком этого строительства. Но, вероятнее всего, эту фразу нужно понимать так, что ответственность за разрушение несет не только руководящий строительством колокольни Маричелли, но и владимирское начальство, которое утверждало проект. Вероятно, именно поэтому дело о расследовании так затянулось и не получило должного завершения. На извечный российский вопрос: «кто виноват?» - следствие не ответило...

Сначала долго искали план и описание строящейся колокольни. Наконец, материалы были найдены, но затем началась многолетняя переписка между канцелярией владимирского губернатора и Шуйским уездным судом о «скорейшей» отсылке всех имеющихся материалов о колокольне во Владимир на экспертизу губернскому архитектору.

В 1821 г. с разрешения властей Маричелли покинул Шую, хотя расследование дела о разрушении колокольни еще не окончилось. (Это опять косвенно свидетельствует о том, что, возможно, «наш» итальянец не был автором проекта, а только являлся руководителем строительства.) Формально Маричелли оставался под следствием вплоть до 1826 г., когда дело было закрыто по Высочайшему манифесту от 22 августа того года.⁷

Справедливости ради отметим, что Маричелли имел и успешные проекты в нашем крае: старообрядческая и Троицкая церкви в Иванове, Гостиный двор в Шуе, некоторые постройки в Николо-Шартомском монастыре.⁸

Да и существующая ныне колокольня, построенная подрядчиком Михаилом Саватеевым (из крестьян Владимирского уезда) под наблюдением владимирского губернского архитектора Е.Я. Петрова, имеет, по убеждению уже упомянутого Л.А. Шлычкова, некоторые черты стиля Маричелли – например, характерные для него утопленные обрамления арок 3-го яруса звонницы. Вероятно, после разрушения колокольни Е.Я. Петров разрабатывал не совсем новый проект, а только скорректировал (переработал) старый. Чтобы проверить эту версию нужно найти хоть какие-то материалы, имеющие отношение к проекту колокольни. К сожалению, до настоящего времени ни один из проектов (ни «маричеллиевский», ни «петровский») не обнаружены...

Напомню, что колокольня Воскресенского собора имеет высоту (от основания до оконечности креста) 49 сажень 2 аршина. В переводе на современные единицы измерения высота колокольни составляет почти 106 метров. Из всех православных построек Воскресенская звонница уступает по высоте лишь колокольне Петропавловского собора в Санкт-Петербурге (высота ее около 120 м)!

Как сложилась в дальнейшем жизнь Маричелли? Вероятно, из Шуи он уехал в торговое село Лежнево, поскольку там находится последняя из известных в нашем регионе его построек – изящная четырехъярусная каменная колокольня. По словам современников, лежневская колокольня считалась одной из красивейших среди сельских звонниц нашего края. Этой постройкой швейцарский зодчий взял своеобразный реванш (хотя, конечно, неполный, частичный) за обидную неудачу в Шуе. Дальнейшая его судьба неизвестна...

¹ Демидов С.В., Кудряшов Е.В. *Нерехта*. – М.: «Отчий дом», 1996. С. 82-84.

² Долгоруков И.М. *Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 г.* // *Ивановский архив: Альманах*, 1996, № 1. – С. 7.

³ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 1507. Л. 1-1об.

⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1507. Л. 1об.

⁵ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1507. Л. 1об.

⁶ ГАИО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 1484. Л. 4.

⁷ ГАИО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 1484. Л. 46.

⁸ Тихомиров А.М. *Храмы Иваново-Вознесенска*. – Иваново: Издательство МИК, 1996. – С. 30, 45; ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 17.

ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА В ШУЙСКОМ УЕЗДЕ: КАК ЭТО БЫЛО

Становление начальной церковной школы как особой ветви народного образования было тесно связано с общим процессом формирования системы духовного образования.

Духовные учебные заведения вели начало от времен Петра I, когда «Духовный регламент» предписал учреждать сословные училища при архиерейских домах и монастырях. Курс большинства подобных школ ограничивался грамматикой, чтением букваря, арифметикой. С 1730 г. архиерейские школы стали преобразовываться в духовные семинарии. В дальнейшем неудовлетворительная постановка учебного дела в семинариях, их материальная «скудость» в конце XVIII в. вызвала мысль о необходимости реформы. Реформа была проведена в 1808-1814 гг. Особым комитетом по усовершенствованию духовных училищ были составлены уставы, по которым все духовные учебные заведения делились на четыре разряда: 1) духовные академии для высшего духовного образования священнослужителей и наставников духовной школы, 2) духовные семинарии для приготовления священников, 3) духовные училища уездные для подготовки к семинарии, 4) духовные училища приходские для подготовки к уездным училищам.

Четвертый разряд учебных заведений считался начальным звеном в системе духовного образования. На протяжении XIX в. оно претерпевало изменения. Это позволяет выделить в развитии начального звена несколько периодов.

В первый период – с 1808 по 1836 гг. – шло возникновение приходских училищ. К 1825 г. в России появилось около 170 подобных учебных заведений¹. Во Владимирской губернии они открываются с 1806 г. За 11 лет их возникло около 35.² В Шуйском уезде, по данным Владимирской духовной консистории, в 1816 г. дьяконом Иваном Зефировым была предпринята попытка открыть такую школу в с. Дунилове. Но общество села «запротестовало против такого училища», наговорив дьяку «грубостей и дерзостей». О случившемся было доложено Преосвященному. На докладе по этому делу он написал резолюцию: «Как Зефиров определен к настоящей должности из учеников философии, и в худом поведении замечен не был, то и быть ему приходским учителем, буде прихожане будут согласны, препятствия не предвидится...»³.

К сожалению, в делах Духовной консистории не сохранилось сведений об окончательном разрешении этой ситуации. Но по отсутствию данных об этой школе в материалах последующих годов и косвенным данным можно с уверенностью предположить, что приходское училище в с. Дунилове так и не было открыто. Известно, что только в 1843 г. в этом селе при Покровской церкви будет учреждена школа грамоты (ШГ).⁴

Сведений о возникновении других школ в Шуйском уезде за это время нет.

Во второй период – с 1836 по 1879 гг. – школы при церквях и монастырях получили начало своего официального существования. В 1836 г. последовало повеление по всему духовному ведомству о приглашении и поощрении всего православного духовенства к повсеместному заведению при церквях и монастырях школ для наставления детей поселян в Законе Божьем, чтении, письме и других познаний. 19 октября того же года Св. Синод дал в руководство духовенству «Правила касательно первоначального обучения поселянских детей».

Благодаря активной деятельности духовенства в 1865 г. в России было открыто 21420 церковных школ.⁵ Во Владимирской губернии с 1843 по 1879 гг. были учреждены 33 церковно-приходские школы (ЦПШ), 5 из них находились в Шуйском уезде.

Известно, что первая ЦПШ в уезде была открыта в 1843 г. дьяконом при Шуйском Воскресенском соборе (в собственном доме и на личные средства) для 12 мальчиков и 11 девочек. Вторая школа появилась в 1857 г. в с. Георгиевском (ныне с. Егорий) на средства приходского священника. 4 мальчика и 2 девочки обучались в церковной сторожке. Третья была учреждена в 1863 г. в с. Юрчакове, местным дьяконом (на личные и отчасти земские средства) в собственном доме для 12 мальчиков и 4 девочек. Четвертая начала действовать в 1868 г. в с. Сенникове Богородском (ныне в Родниковском районе) при пособии частного благотворителя г. Гарелина. Пятая появилась в 1874 г. в погосте Ильинском-Телешеве (ныне с. Ильинское). Это была одна из самых обеспеченных школ в уезде. Она имела собственный капитал в 2400 р., пожертвованный уроженцем погоста архиепископом Волынским Агафангелом. Обучение 22 мальчиков проводила учительница под наблюдением священника. Школа находилась в церковном доме.⁶

В третий период – с 1879 по 1884 гг., который можно выделить условно, применительно только к Владимирской губернии, – церковные школы получили «некоторое единство» в организации и управлении со стороны местного Братства Александра Невского, созданного в 1879 г. С этого времени школы открывались не только по личной инициативе духовенства, но и «указанием Братства».

В Шуйском уезде без помощи Братства в 1880 г. были открыты церковно-приходская школа в с. Сарском (ныне в Комсомольском районе) и школа грамоты в д. Большое Среднево.⁷

В четвертый период – с 1884 по 1917 гг. – происходило «узаконивание» церковных школ и возникновение их новых типов. «Правила» 1884 г. давали юридическую санкцию на существование ЦПШ, а циркуляр 1891 г. – ШГ.

Начался быстрый рост церковных школ в России. За 5 лет по стране их число увеличилось втрое, а за 14 лет – в семь раз.⁸

В Шуйском уезде в 1890-91 гг. насчитывалось 21 ЦПШ и 6 ШГ, в 1895-96 гг. – 27 ЦПШ и 18 ШГ, в 1900-01 гг. – 32 ЦПШ и 7 ШГ, в 1908-09 гг. – 35 ЦПШ и 5 ШГ, в 1915 г. – 36 ЦПШ.⁹

Статистические данные показывают, что в уезде преобладали ЦПШ. Число ШГ, за исключением середины 90-х гг. XIX в., было незначительным.

Быстрое уменьшение ШГ, особенно после 1895-96 гг., объяснялось несколькими причинами: недостаточностью финансирования, переименованием ШГ в ЦПШ вследствие неудовлетворения населения этим низким типом церковных школ (например, Бильдюхинской, Кохомской, Ерлыковской, Маршевской, Сидоровской), заменой их на правильно организованные церковно-приходские или земские школы по планам всеобщего обучения.

В Шуйском уезде ЦПШ в основном были одноклассные. Двухклассных ЦПШ существовало только две: Кирилло-Мефодиевская в г. Иваново-Вознесенске и в с. Кохме. Последняя была преобразована в 1904 г. из одноклассной и через три года снова реорганизована в первоначальный тип.¹⁰

Действовали в уезде и 2 женские воскресные школы: в г. Шуе (с 1898 г.) и в д. Захарове (с 1903 г.).¹¹

подавляющая часть церковных школ располагалась в сельской местности. В городской черте находились 6 ЦПШ (3 в г. Иваново-Вознесенске: Кирилло-Мефодиевская, Крестовоздвиженская, Успенская при кладбищенской церкви и 3 в г. Шуе: Крестовоздвиженская, Всехсвятская (при единоверческом женском монастыре), Воскресенская) и одна воскресная школа в г. Шуе (в первом земском училище).

Источниками содержания школ были прежде всего местные средства. По данным отчета Братства за 1885-86 г., ЦПШ Шуйского уезда содержались на средства: полученные за обучение (2 шк.), учителя (1 шк.), учащихся (2 шк.), Братства (3 шк.), церкви (4 шк.), волостного правления (1 шк.).¹²

В последующие годы необходимые для школ средства в Шуйском уезде поступали также от земства, городов, железнодорожных, кредитных и страховых обществ, фабрик и заводов, процентов с капиталов и других местных источников.

Значительную долю вложений в дело церковного начального образования в Шуйском уезде составляли средства от попечителей. Так, от них поступило в 1900 г. – 11330 р. 13 к., в 1908-09 г. – 2706 р. 40 к.¹³

Попечители были у большинства церковных школ уезда. В 1908-09 г. из 30 ЦПШ 6, а из 5 ШГ – 3 не имели попечителей.¹⁴

До 1894 г. поступления казенных средств на церковные школы Владимирской губернии были незначительны. Епархиальный училищный совет губернии на 350 ЦПШ и более 200 ШГ получал лишь 3350 р.¹⁵ С 1895 г. правительством стали отпускаться довольно крупные суммы, которые возрастали с каждым годом. В 1895-96 гг. церковные школы Владимирской губернии получили 13000 р., а уже в 1908 г. – 139566 р.¹⁶

Но по-прежнему местные средства оставались основным источником содержания школ духовного ведомства. Так, в 1904 г. на нужды церковных школ Шуйского уезда поступило 12077 р. местных и лишь 6926 р. государственных средств.¹⁷

В церковных школах Шуйского уезда обучали как духовные, так и светские лица. В первое время все занятия вели приходские священники или другие члены притча. После 1884 г. в начальных учебных заведениях стали преподавать учителя, имевшие специальную педагогическую подготовку. Это были выпускники духовных семинарий, женских епархиальных училищ, гимназий. Обучали детей в школах и те, кто получал звание учителя по особому экзамену. Учителя с таким образованием работали в основном в ЦПШ.

Учителями ШГ могли быть лица, окончившие курс второклассной школы (ВШ). ВШ появились в России с 1896 г. Во Владимирской губернии подобных школ возникло 7. Одна ВШ находилась в с. Горицы Шуйского уезда. Она была открыта в 1900 г. С 1902 г. по 1908 г. Горицкую школу окончило 44 человека.¹⁸

Согласно данным отчетов Владимирского епархиального училищного совета, ни один из 12 в 1913 г., из 5 в 1914 г. и 6 в 1915 г. выпускников этой школы не был определен на учительское место.¹⁹

Во Владимирской губернии за 10 лет ВШ подготовили 350 кандидатов на учительскую должность, но лишь 4 % работали в ШГ.²⁰

Такое положение дел объяснялось крайней материальной необеспеченностью и неустойчивым положением ШГ.

Лучшие ученики ВШ сдавали экзамены на звание учителя ЦПШ или продолжали образование, поступая на педагогические курсы, в учительские семинарии или церковно-учительские школы. Последний тип учебного заведения появился в России в начале XX в. В них готовили только к педагогической деятельности в начальной школе. Во Владимирской губернии такое учебное заведение отсутствовало. Выпускники ВШ поступали либо в Хреновскую (мужскую) Костромской губернии, либо в Нижегородскую (женскую) церковно-учительские школы. Так, из Владимирской губернии в Хреновскую церковно-учительскую школу поступили в 1902 г. – 1, в 1903 г. – 8, в 1904 г. – 10, в 1905 г. – 9 человек.²¹ Известно, что из Горицкой школы Шуйского уезда в 1904 г. поступило 2 юноши: Приклонский и Каржавин.²² Зато в 1905 г. ни один ее выпускник «не был удостоен приема вследствие неудовлетворительного исполнения письменной работы по русскому языку».²³

По данным училищного при Св. Синоде Совета за 1909 г в России из окончивших ВШ продолжали обучение только 15 % юношей (преимущественно в церковно-учительских школах) и 15,5 % девушек (в церковно-учительских школах и в женских гимназиях).²⁴

Число окончивших церковно-учительские школы и работавших в учебных заведениях было еще меньше. В Шуйском уезде в 1908-09 гг. только 4 человека с таким образованием работало в ЦПШ.²⁵

Таким образом, в России в последней трети XIX – начале XX вв. духовным ведомством было создано 6 разрядов церковных школ. Они делились на две категории: начальные и учительские. В Шуйском уезде Владимирской губернии было представлено 5 типов (4 начальные и 1 учительская) церковных школ. Вместе с тем они образовывали единую, достаточно стройную систему начального духовного образования с общим административным управлением и соответствующими правилами организации, просуществовавшую без существенных изменений до 1917 г.

¹ Козлов М. Духовное образование в России в XVII – XX вв. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 412.

² Владимирские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1902. № 21. С. 715-721, № 22. С. 759-767, № 23. С. 799-806.

³ ВЕВ. 1902. № 23. С. 801-802.

⁴ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 869. Оп. 1. Д. 29. Л. 5.

⁵ Церковные ведомости. 1894. №39. С. 1372.

⁶ ВЕВ. 1887. № 3. С. 57-60.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ ВЕВ. 1904. № 13. С. 376., 1902. № 16. С. 510.

⁹ Отчет о деятельности Православного Братства Св. Бл. Вел. Кн. Александра Невского за 1890-91 год. Владимир, 1892. С. 6; Отчет... за 1895-96 год. Вязники, 1897. С. 270-271, 346-352; Отчет... за 1900-1901 год. Вязники, 1902. С. 13, 17; Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 450. Оп. 2. Д. 54. Л. 14, 16; Владимирские епархиальные ведомости. 1916. прил. к № 31. С. 2.

¹⁰ Добронравов В. Исторический очерк церковных школ Владимирской Епархии с 1884 по 1909 гг. Владимир, 1909. С. 126.

¹¹ Там же. С. 134-135.

¹² Отчет... за 1885-86 год. Владимир, 1887. С. 58-61.

¹³ ГАВО. Ф. 450. Оп. 2. Д. 14. Л. 17; Оп. 2. Д. 54. Л. 14, 16.

¹⁴ ГАВО. Ф. 450. Оп. 2. Д. 54. Л. 14, 16.

¹⁵ Добронравов В. Указ. соч. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 150-151.

¹⁷ ВЕВ. 1905. прил. к № 12. С. 362-363.

¹⁸ Добронравов В. Указ. соч. С. 97.

¹⁹ ВЕВ. 1914. прил. к №30. С. 4-5, 1915. прил. к № 32. С. 4-5, 1916. прил. к № 31. С. 4-5.

²⁰ ВЕВ. 1907. № 15. С. 242.

²¹ ВЕВ. 1904. № 18. С. 539-540, 1905. № 19. С. 536.

²² ВЕВ. 1904. № 18. С. 539.

²³ ВЕВ. 1905. № 19. С. 536-537.

²⁴ ВЕВ. 1909. № 35. С. 559.

²⁵ ГАВО. Ф. 450. Оп. 2. Д. 54. Л. 14.

«ПОУЧИТЕЛЬНО ВСЯКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВСТВЕННОСТЬ НАРОДНУЮ»

«Жительство имею в сельце Дорожаеве, прихода Зименковского, от сел: Лежнева 30, Всегодич или Стегалиц 25, Алексина 12, Хотимля 12, Шижегды 12, Воскресенского (что при речке Шижегде на большой дороге между Шуей и Ковровом 6 верст)» или «Андрей Чихачев (близ города Шуи)», - так подписывал некоторые из своих 27 корреспонденций во «Владимирские губернские ведомости» зименковский помещик Андрей Иванович Чихачев¹. Корреспондентом газеты он состоял с конца 1847 г. до середины 1865 г.

А.И. Чихачев (1798 – после 1875) – представитель древнего дворянского рода Чихачевых, одна из ветвей которого в 1805 году была внесена в VI часть Дворянской родословной книги Владимирской губернии. Подпоручик Дворянского полка, он в ноябре 1818 года выходит в отставку и поселяется в своем имении в сельце Дорожаеве Зименковского прихода Ковровского уезда. В 1835-1838 гг. избирался ковровским уездным судьей². Помимо активной хозяйственной деятельности в своем имении, Андрей Иванович вел достаточно разностороннюю общественную жизнь. Известно, что он являлся основателем первой во Владимирской губернии бесплатной общественной библиотеки в селе Зименки.

Особого внимания заслуживают его публикации во «Владимирских губернских ведомостях», где он начал печататься с 1847 года. Материалы эти весьма разноплановы, что свидетельствует о широте интересов их автора и о том, насколько активную жизнь он проводил.

Условно корреспонденции помещика Чихачева можно поделить на несколько направлений.

Первое, – пожалуй, самое многочисленное по числу публикаций. Это публикации касательно создания «Справочной книги по уезду». Мысль о создании подобной книги, по словам самого автора, зародилась у него в 1848 году и стала делом всей его жизни. Уже с конца этого года он начал регулярно и с завидным постоянством печатать материалы относительно данной книги не только в ВГВ, но и в общероссийской «Земледельческой газете»³. По мнению инициатора проекта, книга должна была, во-первых, нести просветительскую и воспитательную нагрузку: «Просвещение, распространяя во всех слоях общества любознательность и новые потребности, порождает не только желание, но и самую необходимость, ближе, подробнее, яснее, знать тот округ, в котором живем, в котором жили наши родители, предки»⁴. Во-вторых, будущая книга должна была служить справочником для занимающихся хозяйством в своих имениях и для предпринимателей: «...книга, которая бы вместила в себя самое подробное статистическое описание города и уезда, с приложением к ней карт, таблиц, ведомостей, алфавитных списков, чертежей, рисунков, была бы не только

всякого сословия любознательному человеку руководством к изучению, но для многих настольною, для всякой выправки. Польза подобной книги многосторонняя:

1. Владельцы, узнав имение один другого, могут делать взаимно-выгодные предложения.
2. Узнав хорошо всякий промысел уездный, каждый по мере своих надобностей, получает желаемое прямее, скорее, обеспеченнее.
3. Сбыт хозяйственных произведений облегчается.
4. Земские повинности узнаются яснее, судить о них будут большее число лиц и основательнее.
5. Вновь поступающие на службу уездную, не употребят напрасно время для ознакомления с местностью, особенно в тех должностях, по которым случаются расписания уезда на части.
6. Общее движение увеличивается: видите церковное празднество, ярмарку, торговый день, достопримечательное на пути вашем, или вашего посланного и им воспользуетесь.
7. Отсутствующие скорее сближаются с постоянно-живущими, и тогда кратчайшим путем дознают то, что без ведома их делается. <...>
8. Можно надеяться на сотоварищество в предприятиях.
9. Покупка и продажа имений облегчится: та и другая сторона ясно увидит последствия своей решимости.

И сколько других непредвиденных полезных случаев представит эта книга, будучи, так сказать, живою картиною целого уезда!...»⁵

А.И. Чихачев начал активно собирать материалы для книги, и поэтому с полным правом его можно считать первым ковровским краеведом. К сожалению, идея его не нашла должного числа сторонников, чтобы быть воплощенной, не удалось ему преодолеть инертность и косность тогдашнего ковровского общества. Но, думается, утешением ему послужил факт выхода в свет в 1862 году первой Владимирской памятной книжки или Владимирского историко-статистического сборника, в котором воплотились многие идеи Чихачева.

Вторая тема, которая занимала много места в корреспондентской деятельности Чихачева, — это тема «воспитания, просвещения и хозяйства». «Жить надобно и по опыту и по умозрению. Одна практическая сторона недостаточна: с нею одною человек вполнину исполнил бы свое предназначение, вполнину был бы счастлив», — так оценивал роль знаний провинциальный помещик Чихачев⁶. И, когда пришло известие об учреждении в 1849 году училища сельского хозяйства для потомственных дворян, он ответил на это событие большой приветственной статьей в ВГВ⁷.

Помимо образования, А.И. Чихачев «почитал воспитание самым важным делом в быту нашем». В этом вопросе он был достаточно патриархален, полагая, что «надобно так расположить воспитательную систему, чтобы, отслужив термин Царю и отечеству, вотчинник не задумывался в избрании себе рода жизни, и оставался в полной уверенности,

что обязан продолжать дело устарелого или в вечную жизнь отшедшего своего родителя»⁸.

Вопросы воспитания осмысливал не только на теоретическом уровне, но предлагал и практические решения. Например, изобрел познавательную детскую игру, в основу которой положил предполагаемую книгу об уезде, назвав ее «Географическое лото»⁹.

Руководящую роль в воспитании Чихачев отдавал вере, отсюда его статьи-рекомендации об обязательном прочтении тех или иных религиозных книг или с наставлениями для паломников¹⁰.

Практически каждая публикация Чихачева в газете — еще и ценный источник информации по самым разным вопросам: сельского быта, уклада жизни, организации помещичьих и крестьянских хозяйств, взаимоотношений между помещиками и их крепостными, народных обычаев и примет.

«В нашей стороне все кланяются: вы не встретите ни старика, ни мальчика, который, при встрече с вами, не снял бы шапки, и не поклонился».

«Обрекши себя, во избежание долгов и бесполезной суетности, на жизнь безвыездно-сельскую, мы с простолюдином давно сблизились; друг друга знаем хорошо и видим существенные, обоюдные наши выгоды».

«Тридцать один год трус я между серокафтаниками, и должен отдать полную им справедливость, что они нашего брата оценивают безошибочно. Я здесь разумею круг их стариков, трезвых, деятельных, снискавших уважение своих собратьев; в здешнем краю они не редки».

«У всякого свой способ хозяйствования: у меня, работою люди заняты-три дня на барщине, три дня дома, а седьмой в неделе должны посвящать на славословие Божие, что свято сохраняется»¹¹.

В одном из номеров в разделе «Смесь» Чихачев опубликовал даже собственный рецепт от зубной боли. Приведем его дословно, он помогал всему семейству Чихачевых, может поможет и нам. «Из одного листа простой писчей бумаги свернуть трубку, к одному концу шире, вершка полтора в поперечнике, а к другому уже в $\frac{1}{4}$ вершка, и чтоб, по сделании таким образом трубки, угол листа пришелся как можно ближе к узкому концу; этот угол связать ниткой, чтоб трубка не развернулась, и уставить его в чайную чашку, опрокинутую набок несколько отвесно, зажечь широкий конец трубки, которую держат не совсем горизонтально, а, чтоб широкий конец был немного ниже узкого. Дым, стремясь со всею силою чрез узкое отверстие трубки в верхний бок чайной чашки, произведет в ней копоть, которая в виде густого, черного, смолистого сока или масла потечет на нижний бок чашки. В этот сок обмакнуть хлопчатую бумагу, величиною в горошину, положить на большой зуб и спускать слюну»¹².

Конечно же, не мог А.И. Чихачев не писать о своей библиотеке, рассказывая о ее книжных сокровищах и призывая «делать приношения для обогащения оного книгохранилища»¹³. О библиотеке А.И. Чихачева опубликована отдельная брошюра ковровскими краеведами Фроловыми в 2000 году.

В целом публикации А.И. Чихачева во «Владимирских губернских ведомостях» являются ценным источником по истории жизни провинциального дворянства России первой половины XIX века.

- ¹ *Владимирские губернские ведомости (ВГВ). 1850. № 23; 1851. № 47.*
- ² *Фролов Н.В. Владимирский родословец. Вып. 1. Ковров, 1996. С. 150-152.*
- ³ *ВГВ. 1849. № 40; 1850. № 23; 1851. № 16; 1851. № 18; 1851. № 12; Земледельческая газета. 1850. № 53.*
- ⁴ *Чихачев А.И. Мысль о составлении справочной книги в уезде // ВГВ. 1849. № 40.*
- ⁵ *Там же.*
- ⁶ *Чихачев А.И. Два слова о воспитании, просвещении и хозяйстве // ВГВ. 1849. № 49.*
- ⁷ *Чихачев А.И. Патриотическое сочувствие к училищу сельского хозяйства для потомственных дворян // ВГВ. 1849. № 52.*
- ⁸ *Чихачев А.И. Несколько мыслей сельского жителя // ВГВ. 1850. № 46.*
- ⁹ *Чихачев А.И. О детских играх // ВГВ. 1850. № 40.*
- ¹⁰ *Чихачев А.И. Несколько слов о книге: Письма о богослужении восточной католической церкви // ВГВ. 1849. № 46; Несколько слов для желающих помолиться в Киеве // Там же. 1851. № 47.*
- ¹¹ *См. прим. 8.*
- ¹² *ВГВ. - 1847. - № 41.*
- ¹³ *Чихачев А.И. Сельская библиотека в селе Зименках, близ города Шуи, в Ковровском уезде // ВГВ. 1856. № 26; Древности Российского государства. // Там же. 1857. № 9.*

Г.П. МУРАВЬЕВА
(г. Иваново)

ИВАНОВСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-СТАРООБРЯДЦЫ ГОЛОВИНЫ, ПРОХОДЯЩИЕ ПО ДЕЛУ О ПОЙМАННЫХ ИНОКАХ (1855 год)

В 1846 году произошло событие, знаменательное для российских старообрядцев-поповцев: их чаяния об обретении архиерея, подкрепленные многолетними хлопотами, сбылись: австрийское правительство дало разрешение учредить архиерейскую кафедру для старообрядческого Белокриницкого мужского монастыря на Буковине. 28 октября 1846 года босносараевский митрополит Амвросий присоединился к старообрядчеству; тем самым в старообрядческой церкви была восстановлена трехчинная иерархия. Для правительства российского императора Николая I, прилагавшего немалые усилия к полному изведению старообрядческого священства, это событие было крайне нежелательным: кадры священников могли теперь пополняться за границей. По требованию Николая I митрополит Амвросий был отправлен в пожизненную ссылку в город Цилли, но он успел поставить себе преемников. Белокриницкий митрополит Кирилл, преемник Амвросия, 3 февраля 1853 года рукоположил священноинока Антония (Андрея Ларионова Шутова) в архиепископа Владимирского и Московского; на следующий день Антоний отправился в Россию. Так в 1853 году была основана Московская старообрядческая Архиепископия. За поимку Антония правительство назначило награду в 12000 рублей, было задействовано множество сыщиков, но архиепископ оставался неуловим. Ночуя на чердаках и сеновалах, переходя из деревни в деревню, Антоний только за первые два года своей деятельности поставил около 50 священников. Некоторые из них были арестованы полицией, но оставшиеся продолжали исполнять требы у старообрядцев.

В 1855 году и в селе Иванове имел место арест священника, рукоположенного Антонием. Благочинный о. Афанасий Лепорский получил письменный донос, в котором аноним сообщал, что вечером 14 июня у крестьянки Енафии Гарелиной остановился на ночлег «раскольнический поп» иннок Конон, беглый крестьянин деревни Жары Нерехтского уезда Костромской губернии Козьма Андреев, а утром он проедет к себе в деревню. Неизвестный добавлял: «Присмотреть и донести начальству в вашем распоряжении, а только он вольно очень у вас живет»¹. В три часа утра в доме Гарелиной был произведен обыск, у Конона обнаружили походную церковь и другие предметы богослужения; у Енафии оказался еще один постоялец: крестьянин села Серета-Упино Петр Яковлев, по иночеству Павел; арестованных отправили в шуйскую тюрьму. Конон сразу предположил, что донос написан числившимся в бегах ивановским крестьянином Осипом Ивановым Головиным, в иночестве Ионой, позавидовавшим священству Конона; позднее подозрения эти подтвердились.

27 июня Конон показал, что 4 года назад в Комаровском скиту его постриг в иноки настоятель скита инок Ефрем, в беличестве крестьянин Ефим Иванов Головин, старший брат Ионы, что он, Конон, был рукоположен архиепископом Антонием в иереи 25 января 1854 года, а Ефрем стал священником в 1855 году; в июне 1855 года в деревне Большой Двор Богородского уезда архиепископ Антоний дал освященную походную церковь Ефрему, а на другой день – Конону, после чего Ефрем и Конон поехали в деревню Кузнецы, откуда Ефрем отправился в Москву за братом Ионой, а Конон – домой в Жары через Иваново, где и был схвачен. Конон добавил также, что 12 июня сестра Ефрема и Ионы Александра Иванова должна была выехать из Иваново в Москву за Ионой по его письму. Конон вечером 14 июня по приезде в Иваново зашел к матери Головиных Акулине Егоровой, но Александру уже не застал². Так следствие вышло на семейство Головиных.

Полицией Богородского уезда в деревне Большой Двор 29 июня был произведен обыск, который не дал результатов: ни Антония, ни следов его пребывания обнаружено не было. Были сделаны обыски и в доме Акулины Егоровой, матери Осипа и Ефима, и в доме Осипа³. Была опрошена и вернувшаяся в Иваново Александра Иванова. В доме Осипа были найдены два письма, им написанные, у Акулины же в сундучке ее дочери нашли два апостольника, пелену, подкладываемую под иконы, рисованные картинки, в том числе одну – с изображением трех летящих иноков. Акулина Егорова не числилась в раскольниках, но у исповеди и причастия не была больше десяти лет. Сыновья ее, женившись, отделились (в 1855 году Ефиму – 41 год, Осипу – 39, Александру – 37 лет). Около семи лет назад Ефим, овдовев, ушел в скиты Семеновского уезда Нижегородской губернии, стал игуменом. Иона позднее также поехал к брату и жил с ним в скиту; мать им доставала билеты от вотчинного начальства до 1849 года – тогда сыновья ушли из скита, и она потеряла с ними связь. Александра перешла в старообрядчество под влиянием тетки по матери – Марии Егоровой, в иночестве Манефы, также жившей в скиту, теперь уже умершей. Акулина ездила в Комаровский скит в то время, когда Ефим был там настоятелем. Александра жила в скиту с теткой и три года назад вернулась к матери. Александра показала, что вещи, найденные в сундучке, остались от ее тетки; сама она ездила в Москву и к Троице Сергию помолиться и полечиться, никаких писем от Ионы она не получала, где братья – не знает.

Министерство внутренних дел подключило к расследованию своего чиновника, специалиста по делам раскола: 20 июля чиновник особых поручений при министре П.И. Мельников (писатель А. Печерский) прибыл в Шую, а 21-го – в Иваново для наблюдения за ходом следствия и общего руководства им. Ему были предоставлены широкие полномочия и поставлены задачи: арестовать Антония, Ефрема и Иону, а также других раскольников, чьи «противоправные сектаторские» действия будут изобличены. Предлагалось и «прощупать» отношения старообрядцев к «Австрийскому

священству». По приезде П.И. Мельникова Енафия Гарелина и Александра Иванова, ранее отпущенные на поруки, были вновь заключены под стражу.

П.И. Мельников присутствует при допросах и часто руководит ими. Сведения об Антонии, Ефреме и Ионе чиновники, ведущие следствие, собирают и в Московской губернии, куда они выехали в конце августа, а также в Нижегородской губернии, куда они приезжают 19 сентября. Они производят обыски, иногда – аресты, допрашивают инокинь разоренных скитов, расселенных по деревням и другим скитам, и раскольников, сидящих в семеновской и нижегородской тюрьмах. Новые показания дают Павел и Конон, хорошо знавший Иону. Оказалось, что во время жизни Ефрема и Ионы в Комаровском скиту Иона пьянствовал, «другого такого озорника не выдвали» и, поссорившись с братом, бросил иночество, уехал в Москву, торговал, продолжал разгульную жизнь, чем лишил себя возможности стать священником, ибо «впавших в блуд невозможно поставить в иереи». Брат вынужден был приехать в Москву и увести Иону обратно в скиты. «Инок Иона грамоту и устав церкви знает хорошо, лучше брата его Ефрема, поэтому давно, как стало известно о заграничных архиереях, стал искать иерейского сана, но он недостойн... Не покидала Иону мысль сделаться иереем и он просил архиепископа Антония, но тот его не посвятил. Не находя милости у архиереев, пребывающих в России, Иона нарочно отправился летом 1854 года в Белую Креницу, ходил также в Молдавию и Валахию, но нигде не мог найти такого архиерея, который посвятил бы его. Он набрал денег рублей более 700, но ведь наши архиереи не то, что Великороссийские: за мзду Благодать Святого Духа не дают, и потому Иона возвратился в Россию»⁴. На обратном пути близ Киева он был схвачен полицией, отдал все бывшие у него деньги, после чего его отпустили. Завидуя Конону, получившему священство, Иона стал писать Антонию доносы на Конона – о том, что Конон ругал митрополита Амвросия. Антоний доносам не внял. В июне, когда Антоний, Ефрем и Конон были в д. Большой Двор, приехал туда и Иона, но Антоний его до себя не допустил и в самой резкой форме отказал Ионе в иерействе. Тогда-то раздосадованный Иона и написал донос благочинному села Иванова.

Как выяснилось, братья покинули Комаровские скиты после их уничтожения и переселились в келью около Федосеевского скита, ибо в Федосеевском скиту жили их единомышленники: «федосеевские» одними из первых приняли «Австрийское священство». Тогда же, в 1849 году, братья перестали брать паспорт и стали числиться в бегах. Они ходили по раскольническим деревням Семеновского уезда, Иона – под видом лекаря, а Ефрем исправлял у крестьян духовные требы. «Ефрем всех уговаривал признать Австрийских архиереев и обещал привезти в Семеновский уезд церковь, говоря, что теперь есть в России Архиерей Антоний, у коего должны быть над началом все старообрядцы»⁵.

Полиция давно разыскивала Ефрема и Иону, о чем свидетельствует письмо семеновского исправника от 30.10.1855 года П.И. Мельникову,

ознакомившему исправника с содержанием обнаруженных в Иванове писем Ионы: «...По содержанию письма к жене его: «Для нас исправник около Семенова городу обыски делать, да уверился, что нас нет, оставили, а который человек обещался нас отыскать, да не знает, где нас и взять, так за это его исправник очень больно розгами высек...». Что же касается до поисков в 14 деревнях, то этого хотя и не было, и никакого человека я розгами не сек, но меры со стороны моей к отысканию подобных бродяг принимаются секретные постоянно.... Розыски о Ионе и Ефреме постоянно по темным слухам делаются мною секретно как по селениям, так и по лесам»⁶.

Архиепископ Антоний, Ефрем и Иона так и не были найдены. Конона и Павла шуйский суд приговорил к лишению всех прав состояния и ссылке в Закавказье; Енафия Гарелина и Александра Иванова за недоказанностью улик были отпущены. А 2 февраля 1859 года в доме крестьянина Семеновского уезда деревни Кондратьево Василия Петрова становым приставом Поломского уезда был взят без письменного вида крестьянин Осип Иванов Суздалкин, он же – Головин, иннок Иона. По его словам, после исчезновения Ефрема Осип три года оставался в его келье, потом ушел, желая быть в Семенове, и был задержан⁷. В 1862 году шуйский суд приговорил Иону за бродяжничество без письменного вида к штрафу 88 рублей 50 копеек, за самовольную отлучку – к наказанию розгами 20 ударами, после чего следовало отослать Иону к духовному начальству для увещания к оставлению раскола. Как сообщила шуйскому суду Духовная Консистерия 30 августа 1862 года, Осип-Иона, хотя он и не числился в записных раскольниках, на увещевании в Духовной Консистерии своих раскольнических заблуждений оставить не согласился.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 291. Оп. 1. Д. 3737. Л. 14-18.

² ГАИО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 3736. Л. 479-484.

³ Там же. Л. 110-114.

⁴ Там же. Л. 503-504.

⁵ Там же. Л. 179.

⁶ Там же. Л. 152-155.

⁷ ГАИО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 4267. Л. 472.

«ПИЛИГРИМ К ПРОГРЕССУ», «ВЛАДИМИРСКАЯ НЕЗАБУДКА» И ДРУГИЕ

Около 1882 г. на улицах Шуи появился странного вида человек 20-22 лет, всегда босой. «Его одеяние состояло только из рубахи и портов в обтяжку, и то и другое было сшито из грубой домотканой сарпинки синего цвета; что-то вроде древнегреческой тоги покоилось у него на плечах, спускаясь вниз некрасивыми складками. Всмотревшись пристальнее, можно было установить, что эта «древнегреческая тога» представляла из себя ничто иное, как самую обыкновенную простыню больших размеров. На этой «тоге», на спине, можно было различить вышитые черными нитками начальные буквы слов: «Друг народа. Сметкин-демократ, циник-эпикурец. Раб непринужденности и братской откровенности»¹. Это был Яков Иванович Рассадина, внучатый племянник шуйского предпринимателя Амплеля Павловича Сметкина-Рассадина, очень рано уверившийся в «несправедливости жизни в условиях лучших, чем те, в каких живет последний из бедняков»². Такие убеждения и цель, поставленная им перед собой – «освобождение народа от политического гнета»³ – привели его вскоре к знакомству с целой группой людей – гимназистов, студентов, учителей, служащих, входивших в состав конспиративного кружка, невольной причиной раскрытия которого он и стал летом 1884 г.

Кстати сказать, при обыске в доме дяди Я. Рассадина была найдена фотографическая карточка: Яков предстал перед фотографом в описанном выше виде. Отчетливо читались надписи на плаще-«тоге». Под фотографией было написано: «Пилигрим к прогрессу. Демократ»⁴. Кто в эти годы в Шуе мог фотографировать Рассадина? Пожалуй, Ю.Э. Вейнерт (1876-1897), о которой я рассказывала на Шуйских чтениях 2000 г. Как ни странно, работа по изучению истории фотографии Владимирской губернии вывела меня и на шуйский противоправительственный кружок начала 1880-х гг.. Подробно о его возникновении и деятельности в четвертом выпуске «Трудов Иваново-вознесенского губернского научного общества краеведения» рассказал Н.Д. Агриков, опиравшийся на собственные воспоминания, воспоминания здравствовавших еще тогда очевидцев и дела из архива канцелярии владимирского губернатора, найти которые, кстати, мне пока не удалось. Однако, разыскивая в архиве информацию об одном из владимирских фотографов (его фамилию я назову позднее), я нашла другие дела, позволяющие внести в рассказ Агрикова некоторые дополнительные штрихи, которые, возможно, будут интересны любителям истории Шуи.

Итак, коротко о том, что сообщил в своем труде Н.Д. Агриков. Возникнув как кружок самообразования, объединивший вокруг «общественной» библиотеки думающую учащуюся и работающую молодежь Шуи, шуйский кружок постепенно трансформировался (во всяком случае

этого хотелось его организатору И.П. Предтеченскому) в революционную организацию, целью которой было распространение среди народа революционных идей путем устной пропаганды и раздачи соответствующих книг и газет. Кстати, именно для этой работы как нельзя лучше, с точки зрения организаторов, подходил Яков Рассадин. Кружок поддерживал связи с товарищами в Москве, но особенно тесные контакты установились у него с владимирским кружком, группировавшимся вокруг известного писателя-народника Н.Н. Златовратского, племянник которого вместе с другими членами владимирского кружка не раз приезжал в Шую на собрания, проходившие в квартире Предтеченского.

В Шуе и ее окрестностях членами кружка распространялись журнал «Союз», издававшийся Московским «Общестуденческим Союзом» и издания партии «Народная Воля». Так, в апреле 1884 г. для распространения была получена прокламация исполнительного комитета последней, выпущенная по поводу мероприятий правительства, направленных на обнаружение лиц, убивших «знаменитого в то время революционного палача, жандармского подполковника Судейкина». Размножив прокламацию на гектографе, в ночь на 8 апреля 1884 г., во время пасхальной заутрени, кружковцы расклеили ее на памятниках городского Троицкого кладбища; остальные экземпляры были разосланы в Шуе и Иваново-Вознесенске по почте заранее намеченным лицам. Летом 1884 г. последовали обыски, допросы кружковцев и арест Рассадина, который под воздействием варварского тюремного режима начал давать показания. В результате в Курске, где он тогда находился, был арестован И.П. Предтеченский, препровожден в шуйский тюремный замок, а затем во Владимирскую тюрьму.

Долгое пребывание Предтеченского и Рассадина в тюрьме не дало ничего нового слишком затянутому следствию, однако пагубно отразилось на здоровье заключенных: 19 марта 1886 г. Рассадин был освобожден из-под стражи «как признанный страдающим расстройством умственных способностей», примерно в это же время от открывшейся вновь чахотки умер И.П. Предтеченский. В день получения в Шуе известия о его смерти друг Предтеченского Крутовский в канцелярии подполковника Завьялова на глазах у всех обозвал того мерзавцем и дал ему увесистую пощечину. Крутовский был немедленно арестован и в административном порядке сослан на 3 года в Березов.

Гибель и неизлечимая болезнь двух главных, как, вероятно, тогда считала полиция, вдохновителей шуйского дела вынудила власти принять наконец решение и по остальным его участникам. И хотя наказание было значительно мягче, чем следовало ожидать, дело это не прошло бесследно для многих его участников. Так, за кружковцами старшего поколения был установлен полицейский надзор: сначала гласный – на год, а затем и негласный сроком еще на 1 год (1886-1888). Именно это обстоятельство и позволяет нам проследить за судьбой, по крайней мере, тех из участников шуйского дела, кто после его завершения остался жить на территории

Владимирской губернии. В конце работы Агриков поместил список лиц, привлекавшихся по делу о шуйском противоправительственном кружке: 27 фамилий, напротив каждой из которых приведены скупые биографические данные. Я остановлюсь на четырех фамилиях из этого списка: Ильина, Буякович, Яковлев, Бальмонт. Думаю, что те сведения, которые я приведу, тем более интересны, что биографическая справка двух из этих людей практически обрывается на факте привлечения их к дознанию по делу 1884 г.

Так, например, Агрикову не удалось узнать, как сложилась судьба М.И. Барановой, московской мещанки, молодой вдовы, работавшей во время интересующих нас событий кастеляншей в шуйской земской больнице. Что стало с ней после того, как в июле 1888 г. с нее был окончательно снят полицейский надзор, мы также не знаем. Однако по документам архивного дела можно сделать вывод, что с 1884 по 1888 гг. ей пришлось нелегко: работу она потеряла и безвыездно жила в Шуе при родителях – здешних мещанах, не получая пособия от казны⁵.

Значительно проще было, конечно же, второй из двух дам-участниц кружка, двадцатилетней шуйской мещанке Марии Васильевне Ильиной, дочери содержателя гостиницы «Лондон» в Шуе. Она могла позволить себе, как отмечали в полицейских документах, «жить на средства отца» (хотя и имела звание домашней учительницы и еще в 1884 г. училась на высших курсах в Москве при 3-й гимназии)⁶. Отсутствие стесненности в средствах сказалось и на образе жизни Марии Васильевны: полиция все время негласного надзора вынуждена была отмечать даты ее бесконечных отъездов и возвращений.

Отличалась Мария Васильевна от соучастницы по делу и характером: была значительно менее сдержанна, можно даже сказать экстравагантна. Недаром ее письма к Предтеченскому, найденные у него при обыске, получили у жандармов такую характеристику: «Оба письма к делу не относятся, но совершенно ясно характеризуют направление Ильиной, безнравственность, бесстыдство и ту распушенность, которой всегда отличаются нигилисты и в особенности женщины нигилистического направления»⁷. Также характеризует ее и манера поведения, которая сквозит за строками полицейских документов. Рассказывая на допросе об одном из кружковых собраний, Рассадин не забыл упомянуть, что Ильина «во время прений сидела на столе, поджав калачем ноги». Интересен и другой факт. Во время обыска у ее брата, гимназиста Федора Ильина, Мария Васильевна успела послать Николаю Листратову и Константину Бальмонту записку следующего содержания: «Николка и Коська! Берегитесь! У брата обыск». А после обыска, произведенного у нее самой, – такую записку брату: «Федька! был обыск – и нашли кукиш с маслом!»⁸.

В материалах дела о надзоре за Ильиной есть одна небезынтересная деталь. Констатируя, что поднадзорная «ничем не занимается», полиция, тем не менее, отметила: «Специальное занятие – драматическое искусство»⁹. Знатоки истории Шуи уже могут догадаться, о ком речь пойдет дальше.

Конечно же, о Вере Николаевне Бальмонт. Как писал Агриков, Вера Николаевна «отличалась незаурядным умственным развитием; обладала сценическими способностями, часто принимала участие в любительских спектаклях, которые ею же большей частью и устраивались. Будучи довольно независимого образа мыслей, всю жизнь проявляла сочувственное отношение к политическим поднадзорным, принимала участие в устройстве их служебного и общественного положения и нередко оказывала им и материальную помощь»¹⁰. Кстати, М.В. Ильина, вспоминая позднее об обстоятельствах появления в Шуе «чахоточного поднадзорного» И.П. Предтеченского, писала: «Я думаю, что вскоре он и умер бы с голоду, не обрати на него внимания исключительная по тому времени женщина Вера Николаевна Бальмонт»¹¹. Из материалов следственного дела известно, что в 1881 г. Предтеченский исполнял роль суфлера благотворительных любительских спектаклей, устраивавшихся В.Н. Бальмонт¹², а также переписчика пьес и ролей. С этой ролью ему пришлось примириться после того, как Вера Николаевна предприняла несколько неудачных попыток устроить его на службу. Позднее ей это все же удалось: во время интересующих нас событий он уже был смотрителем земской больницы¹³.

Но вернемся к М.В. Ильиной. 26 сентября 1886 г. шуйский уездный полицейский исправник обратился к губернатору со следующим рапортом: «Жена Председателя Шуйской Земской Управы Вера Николаевна Бальмонт желает учредить спектакль в пользу Благотворительного общества в городе Шуе с участием состоящей под гласным надзором Шуйской полиции Шуйской мещанки Марьи Васильевой Ильиной, которой, как состоящей под гласным надзором, на основании 24 ст. 5 пункта Положения о полицейском надзоре, воспрещается участие в публичных сценических представлениях, но, принимая во внимание, что Ильина своим безукоризненным образом жизни и поведением может быть освобождена от некоторых стеснительных мер надзора, я, на основании 30 ст. того же Положения, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить Ильиной участие в публичных сценических представлениях в гор. Шуе»¹⁴. 4 октября 1886 г. Департамент полиции участие в спектаклях Ильиной разрешил¹⁵. Надо отметить, что, задействовав М.В. Ильину в любительских спектаклях, Вера Николаевна, возможно, помогла ей, что называется, найти себя. Когда в апреле 1888 г. шуйская полиция, обратив внимание на бесконечные отлучки поднадзорной Ильиной в Москву, «отобрала» у нее подписку «о невыезде в столицы и столичные губернии», М.В. Ильина обратилась к прокурору Московской судебной палаты с ходатайством о снятии этого воспрещения «в виду предстоящей ей необходимости поселиться в августе месяце текущего года в столице, где она состоит на службе при одном из частных театров»¹⁶. Между прочим, Агриков в биографической справке Ильиной (в замужестве Листратовой) отмечал: «Одно время служила на сцене, выступая в гор. Москве, где живет и ныне вместе с своим супругом»¹⁷.

Неудивительно, что при таком сочувственном отношении к политическим поднадзорным матери в рассматриваемом нами деле был замешан и сын Константин Дмитриевич Бальмонт. На допросе он, как и остальные его товарищи, сделал признания самые невинные: о кружке «с целью выписки дозволенных цензурою книг для самообразования» он знал, но к нему не принадлежал и в совещаниях его не участвовал; фразу же из письма Предтеченского Крутовскому от 5 февраля 1884 г. «Бальмонт и Ильин выбыли из организации» ничем объяснить не может¹⁸. Тем не менее, К.Д. Бальмонт наравне с другими гимназистами-участниками этого дела подлежал переводу в другую гимназию и отдаче «под особый надзор гимназического начальства»¹⁹. Это и было сделано: Бальмонт был исключен из Шуйской гимназии и закончил курс в гимназии губернского центра, прожив, по его же словам, «как в тюрьме полтора года под надзором классного наставника (Седлака)»²⁰. «Гимназию я проклинаю всеми силами, - признавался впоследствии поэт. - Она надолго изуродовала мою нервную систему»²¹. Однако на этом кошмар шуйского дела для него не закончился, его отголоски настигли К.Д. Бальмонта много позднее, когда он учился в Московском университете.

Вот теперь самое время перейти к рассказу о тех людях, значительную роль которых в становлении шуйского кружка как организации противоправительственной следствию доказать не удалось, и они, как все кружковцы негимназического возраста, на первых порах отделались лишь полицейским надзором. Однако в то время, когда все остальные участники дела, пережив треволнения 1884-1886 гг., искали себе место, так сказать, в мирной жизни, предписание владимирского губернатора о замене гласного негласным надзором за Барановой, Ильиной и Буюковичем в июле 1887 г. застало последнего во владимирском тюремном замке.

В письмах Предтеченского Крутовскому не раз проскальзывало недовольство «слабым развитием революционного элемента в деятельности шуйского кружка»²². В попытках оживить эту деятельность он немалые надежды возлагал на владимирских товарищей, неоднократно приезжавших в Шую на кружковые собрания. Наиболее ярким из них было собрание 29 декабря 1883 г., на котором, помимо прочих владимирцев, присутствовали Дмитрий Иванович Яковлев и Владимир Никандрович Буюкович, в своем выступлении говоривший о «необходимости собирать сведения о народе по фабрикам и по деревням и представлять эти сведения во владимирский кружок для напечатания их в гектографированных подпольных изданиях»²³.

Согласно Агрикову, Буюкович, единственный из всех замешанных в деле, имел конспиративную (довольно странную для молодого человека) кличку «Владимирская незабудка». Деталь небезынтересная, если учесть еще и то, что 21-летнего Владимира ничуть не смутило пристальное внимание полиции: 2 октября 1884 г. он уже участвовал в студенческой демонстрации, с 15 октября по 16 ноября содержался под стражей²⁴ (что сочли достаточным наказанием в том числе и за шуйское дело) и затем был исключен из

Московского университета²⁵. А в ночь с 14 на 15 марта 1887 г., во время следственных мероприятий по делу о посылке с изданиями «Народной воли», направленной из Владимира в Дерпт, поднадзорный студент уже Харьковского университета В. Буякович был обнаружен полицией во Владимире, на многолюдной сходке на квартире Д.И. Яковлева, также находившегося под надзором полиции по делу о шуйском кружке. При обыске, как и за 3 года до этого, были найдены документы, изобличающие Владимира в сборе средств в пользу противоправительственных организаций. Письма же с адресом в Дерпте находились у его брата, 17-летнего Георгия Буяковича. К 19 марта касимовский мещанин Яковлев, сын писаря Тейковского волостного правления Шуйского уезда, и дворяне, сыновья окружного акцизного чиновника, статского советника Буяковича, Владимир и Георгий, были заточены во Владимирскую тюрьму²⁶.

Изучая связи Буяковичей, полиция установила, что они состояли в переписке с рядовым 5-го Калужского полка Кудрявцевым, находившимся тогда в Симбирске (для Агрикова судьба Г.Ф. Кудрявцева после 1884 г. осталась неизвестной²⁷); высланным в Архангельскую губернию Петром Моисеенко (один из руководителей знаменитой Морозовской стачки 1885 г.)²⁸; а также со студентами Московского университета Листратовым и Бальмонтом²⁹. Не терял Владимир Буякович связей и непосредственно с Шуей. Так, из заточения он писал в Шую Клеопатре Новожиловой, очевидно, матери своей невесты Александры Александровны. Александра, кстати, в начале апреля 1887 г. на несколько дней приезжала в Шую, где, по свидетельству ротмистра Добржанского, «была в постоянных сношениях со студентами Московского университета, прибывшими сюда на праздник Святой Пасхи». Ротмистр спрашивал Владимирское губернское жандармское управление (ГЖУ), «не следует ли учредить за Новожиловой секретное наблюдение, тем более, что в 1886 году она была в близких отношениях с лицами, привлекавшимися к дознанию о Предтеченском и других, Листратовым, Бальмонт, Ильиным, Барановой...»³⁰. Впоследствии Александра Новожилова станет женой Владимира Буяковича и последует за ним в место ссылки.

К сожалению, в деле нет документов, рассказывающих о результатах обысков и допросов, произведенных у Листратова и Бальмонта по просьбе ГЖУ. Известно только, что К. Бальмонта, помимо всего прочего, требовалось допросить, «получил ли он посылку денежную на 5 руб., адресованную на имя учителя Седлак..., что заключалось в посылке, говорил ли он Г-ну Седлаку, что посылка была на его имя с передачею Б. или скрыл, какая причина заставила его умолчать»³¹. Вот так шуйско-владимирский кошмар снова вернулся в жизнь К.Д. Бальмонта.

Что же касается Яковлева и Буяковичей, то их дело в ноябре 1887 г. было «разрешено административным порядком» следующим образом: Д. Яковлев подлежал высылке под надзор полиции в Западную Сибирь на 5 лет, Владимир Буякович – в Сольвычегодск Вологодской губернии на 4

года, а временно выпущенный в июне из тюрьмы на поруки отца юный Георгий – тюремному заключению на 3 месяца с дальнейшим «подчинением гласному надзору полиции в доме родителей на три года»³².

Благодаря педантичности полиции судьбу и Д.И. Яковлева, и В.Н. Буяковича удается проследить вплоть до 1893 г. 18 мая 1893 г. административный ссыльный Акмолинской губернии Яковлев был освобожден от гласного надзора полиции, однако заботами МВД «пребывание в столицах, столичных городах, Твери, Нижнем Новгороде и Владимирской губернии в течение трех лет» ему было запрещено³³. Владимиру Буяковичу повезло больше. В мае 1891 г. ему до окончания гласного надзора полиции (18 ноября 1891 г.) был разрешен отпуск к матери во Владимир, после чего за ним был установлен негласный надзор³⁴. В течение полугода освободившийся от гласного надзора Владимир Буякович тщетно искал работу. «Крайне нуждаясь в средствах для содержания себя и своей жены», 23 мая 1892 г. он обратился к губернатору «с просьбою об исходатайстве ему разрешения поступить на службу в одно из правительственных или общественных учреждений в г. Владимире». Возможно, Владимир Никандрович работу все же получил, поскольку, обращаясь к Министру внутренних дел, губернатор писал, что, находясь под гласным надзором полиции, Буякович «вел себя безукоризненно», ввиду чего губернатор считал его ходатайство «заслуживающим уважения»³⁵. Последним известием о Владимире Буяковиче стало сообщение ГЖУ о том, что 8 февраля 1893 г. он выбыл в Нижний Новгород³⁶.

В заключении хочу сказать несколько слов о том, что же заставило меня заняться делом о шуйском противоправительственном кружке. 31 декабря 1891 г. разрешение на открытие фотографического заведения во Владимире получил дворянин Никандр Владимирович Буякович³⁷. Однако на бланках нескольких дошедших до нас работ фотографа с такой фамилией значится «Г. Буякович». Очевидно, отец, желая чем-то занять сына, не имевшего возможности вернуться к учебе в Муромском реальном училище, дать ему средства к существованию и зная, что человеку политически неблагонадежному не позволят открыть фотомастерскую, зарегистрировал последнюю на свое имя. Спасать сына действительно было надо: с марта 1887 г. по сентябрь 1889 г. он лишь с незначительными перерывами все время находился в тюрьмах: три срока во владимирской и 6 месяцев одиночного заключения в петербургской. Избавившись в сентябре 1891 г. от гласного надзора полиции³⁸, Георгий проявил большую активность: часто выезжал из Владимира в Нижний, гостил у своей тещи в Переславском уезде. В июне 1892 г. меленковская полиция сообщила в ГЖУ, что Г.Н. Буякович «прибыл в Гусь на завод Г. Нечаева Мальцева..., где открыл фотографию»³⁹. Последним документом, подшитым в дело, стало сообщение полиции о том, что 21 января 1894 г. Г.Н. Буякович «выбыл в г. С. Петербург»⁴⁰.

Казалось, его следы безнадежно терялись во времени. Каково же было мое удивление, когда благодаря сведениям, любезно предоставленным мне

А.П. Поповым, Георгий Никандрович Буякович после 1894 г. предстал передо мной совсем другим человеком. Выяснилось, что, еще находясь во Владимире, с 1892 г. он начал посылать статьи в журнал «Фотографический вестник», сотрудником которого потом состоял вплоть до 1897 г. Перебравшись в Петербург, Георгий Никандрович становится постоянным корреспондентом нескольких специализированных журналов, причем, по оценкам А.П. Попова, фотографа-профессионала с многолетним стажем, «техническая сторона» статей Буяковича практически безукоризненна. Начиная с 1897 г. в свет выходят его большие, серьезные работы. Георгий Никандрович пишет рецензию на книгу Ф. Штоле «Искусство увеличения на бумагах и пластинках», переводит с немецкого книги по практической фотографии Ф. Шмидта, Э. Кемпке, К. Шиндля, становится составителем книги «Спутник копировщика. Новейшие способы печатания с фотографических негативов». Оказалось, что фотография не была для Г.Н. Буяковича случайным занятием, и вроде бы бесповоротно сбитый с пути молодой человек превратился в серьезного и довольно известного теоретика фотографии.

В свете рассказанного о шуйском кружке чрезвычайно интересно, что на единственном дошедшем до нас портретном снимке работы Г.Н. Буяковича, датированном 1892 г., изображен Н.Л. Сергиевский⁴¹ – тот самый, что в августе 1893 г. сопровождал В.И. Ленина от владимирского вокзала на встречу с революционером нового поколения, марксистом Н.Е. Федосеевым. Но это уже история для нового рассказа.

¹ Агриков Н.Д. Шуйский противоправительственный кружок 80-х годов прошлого столетия // Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Вып. 4. – Иваново-Вознесенск, 1926. – С. 25.

² Там же. С. 27.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 5. Д. 642. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 30.

⁷ Агриков Н.Д. Указ. соч. С. 41.

⁸ Там же. С. 39.

⁹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 642. Л. 30.

¹⁰ Агриков Н.Д. Указ. соч. С. 66.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 32.

¹⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 642. Л. 34 – 34 об.

¹⁵ Там же. Л. 40.

¹⁶ Там же. Л. 70, 71.

¹⁷ Агриков Н.Д. Указ. соч. С. 64.

¹⁸ Там же. С. 49.

¹⁹ Там же. С. 57.

²⁰ Овсянников А.Н. Из школьных лет К.Д. Бальмонта – история увольнения его из Шуйской гимназии (1884 год) // Труды Иваново-вознесенского губернского научного общества краеведения. Вып. 4. – Иваново-Вознесенск, 1926. – С. 68.

²¹ Там же.

²² Агриков Н.Д. Указ. соч. С. 34.

²³ Там же. С. 53.

²⁴ ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 49. Л. 28.

²⁵ Агриков Н.Д. Указ. соч. С. 65.

²⁶ ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 49. Л. 2-2 об.

²⁷ Агриков Н.Д. Указ. соч. С. 65.

²⁸ ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

²⁹ Там же. Л. 60.

³⁰ Там же. Л. 108.

³¹ Там же. Л. 16.

³² Там же. Л. 223.

³³ ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1507. Л. 85.

³⁴ Там же. Л. 1.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 84.

³⁷ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 836. Л. 24.

³⁸ ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1507. Л. 59.

³⁹ Там же. Л. 79.

⁴⁰ Там же. Л. 90.

⁴¹ Маркова Т.Е. Владимирские фотографы конца XIX – начала XX вв. // Материалы научно-практической конференции ВСМЗ. – Владимир, 1999. – С. 77.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО К.Д. БАЛЬМОНТА К М.А. ЛОХВИЦКОЙ

Мирра Александровна Лохвицкая (в замужестве – Жибер) – одно из самых ярких имен в русской «женской поэзии», прямая предшественница М.И. Цветаевой и А.А. Ахматовой¹. Ее часто называли «русской Сафо», подчеркивая лишь одну сторону ее лирики – чувственную любовь и цитируя при этом стихотворную строку: «Счастье – это сладострастье». На самом деле ее творчество и шире, и значительней. По-своему оно смыкалось с «новой поэзией», нарождавшейся в 90-е годы XIX века: поэтессу привлекали в ней культ красоты, повышенное чувство личности, острота ощущений и переживаний, тяготение к миру мечты, к мифу, противостояние так называемой «идейной поэзии» либерально-народнического толка. Импрессионистическая зыбкость стиха, экзотизм, мотивы чувственной любви-страсти, колдовства, кошмаров и в то же время призыв к свету, к солнцу (стихотворение «К Солнцу!») сближали ее с Бальмонтом. В критике ее даже иногда относили к «школе Бальмонта», хотя в действительности в ее поэзии много самобытного, далеко не укладывающегося в понятие этой школы.

С Бальмонтом у нее возникли и личные, и творческие отношения. Поэт вспоминал в автобиографии 1903 года, что с Лохвицкой познакомился после выхода сборника «Под северным небом» (1894). 27 февраля 1896 года поэтесса подарила Бальмонту свою первую книгу «Стихотворения» (М., 1896) с надписью «Константину Дмитриевичу Бальмонту от его читательницы и почитателя. М. Жибер»². Много позднее, в середине 1920-х годов, поэт вспоминал, что встречался с нею в Одессе и Крыму в 1896 году, летом³. Но тут, видимо, его подвела память – там он был годом раньше, о чем свидетельствуют его письма к матери⁴.

Начиная с 1898 года, поэты обменивались стихотворными посвящениями. Лохвицкой адресованы такие стихотворения Бальмонта: «Я знал», «До последнего дня», «Однодневка», «Звездный ландыш». Ее имя значится также среди тех, кому он посвятил первое издание книги «Будем как Солнце»: «... художнице вдохновенных видений, русской Сафо, М.А. Лохвицкой, знающей тайны колдовства». Ей же посвящено стихотворение «Мирра», написанное в 1905 году после ее смерти, и такое четверостишие:

О, какая тоска, что в предсмертной тиши
Я не слышал дыханья певучей души,
Что я не был с тобой, что я не был с тобой,
Что одна ты ушла в океан голубой⁵.

Память Лохвицкой, талантливой поэтессы и человека чуткой души, Бальмонт хранил всегда. Он назвал в честь ее Миррой свою дочь, родившуюся от Е.К. Цветковской.

Лохвицкая посвятила Бальмонту множество стихотворений, довольно откровенных по выражению чувств. Среди них наиболее известно «Лионель», названное так по псевдониму Лионель, которым иногда подписывал свои стихи Бальмонт.

Публикуемое ниже письмо Бальмонта – одно из свидетельств их творческого общения.

Париж. 12 мрт. 1900.

Не сердитесь на меня, что так долго не писал Вам. Но в сущности последнее Ваше письмо было не письмом. Благодарю Вас за прелестную Вашу карточку. С нетерпением буду ждать Ваших стихов. В ноябре буду писать о Вас в английском «Аменеуме»⁶. Мой адрес: España, Sevilla, posrestante⁷.

Через час покидаю Париж. Получили ли Вы Гауптмана?⁸ Каковы впечатления?

Ваша поэма в «Деннице»⁹ (кстати, что за убогий этот альманах) оставила меня холодным. Нравятся Ваши стихи в «Неделе»¹⁰. Хорошее заключение. Я тоже пишу стихи по части колдуний и дьяволов. Ими будет полна моя книга, которую я напишу в Испании¹¹. Впрочем, я больше занят чтением.

Отчего Вы так неохотно пишете мне? Нехорошо.

До свиданья. Всего лучшего.

К. Бальмонт¹².

¹ О ней см.: Кулман К. А. Лохвицкая Мирра (Мария) Александровна // Русские писатели: 1800 – 1917 / Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 395; Макашина В. «Чайная роза» русской поэзии // Лохвицкая М. Стихотворения. СПб., 1997. С. 5 – 18.

² Автограф опубликован: Шевцова Т.Ю. Поэтическое мироощущение М. Лохвицкой и К. Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Иваново, 1999. Вып. 4. С. 34.

³ Разговор с К.Д. Бальмонтом: Письмо из Франции // Сегодня / Рига. 1926. № 246. Подписано псевдонимом Бальмонта – Мстислав.

⁴ РГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 127. Письма за 7 июня и сентябрь 1895 г.

⁵ Бальмонт К.Д. Стихотворения. Л., 1969. С. 473.

⁶ «The Athenaeum» – английский еженедельный журнал, в котором в 1898 – 1900 годах печатались бальмонтские обзоры русской литературы. В номере за 7 июля 1900 г. (№ 3793) Бальмонт писал о Лохвицкой: «Она обладает значительной лирической силой, её стихосложение музыкально и богато красками. У нее много счастливой дерзости в настроениях, и она всегда искренна. Жаль, что она не самокритична и наряду с превосходными стихотворениями печатает много слабых вещей». – Цит. по: Ильев С.П. Годовые литературные обзоры К.Д. Бальмонта // Серебряный век русской литературы: Проблемы, документы. М., 1996. С. 127. См. также отзывы Бальмонта в его книге статей «Горные вершины» / М., 1904. С. 73/.

⁷ Испания, Севилья, почта до востребования.

⁸ Гауптман Г. Драматические сочинения. Перевод, ред. и предисл. К. Бальмонта. М., 1900.

⁹ В альманахе «Денница» опубликована стихотворная «Сказка о принце Измаиле, царевне Светлане и Джемали Прекрасной».

¹⁰ В журнале «Книжки «Недели» (1900, № 1) напечатано стихотворение «Заклинание XIII века».

¹¹ Речь идет о стихах, которые войдут в книгу «Будем как Солнце».

¹² Рукопис. отд. ИРЛИ. Ф. 486. Ед. хр. 14. Л. 1 Печатается по копии, предоставленной П.В. Куприяновскому В.Г. Макашиной, за что ей выражается благодарность. Письмо цитировалось в указ статье Т.Ю. Шевцовой, с. 42.

ИЗ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ ТРЕЗВОСТИ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

У большинства наших современников борьба с пьянством ассоциируется с антиалкогольными кампаниями времён Ю.В. Андропова и М.С. Горбачёва. При этом обычно вспоминаются «водка с двух часов», «отлов» любителей спиртного у винных магазинов, принудительная запись в общества трезвости, показательные безалкогольные свадьбы, заметки о вреде кефира для младенцев и другие забавные эпизоды. Однако мало кто знает, что активная борьба с пьянством началась ещё в дореволюционной России, причём в те далёкие времена эта кампания также не обходилась без курьёзов.

О пристрастии русского человека к спиртному говорится ещё в «Повести временных лет». Так, в уста князя Владимира I летописец вложил следующие слова: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть»¹. В начале XX века один из провинциальных журналов России напечатал следующее стихотворение:

Мчатся сотки², выются сотки
Без конца и без числа.
Миллионы вёдер водки
Ты в себя, о Русь, влила.

...
Где ни взглянешь - с водкой столик
(Эго самый модный стиль).
Что ни дом - то алкоголик,
Перед ним стоит бутылка.
Русь родная в жертву водке
Всё буквально принесла.
Мчатся сотки, выются сотки
Без конца и без числа.³

В начале прошлого столетия пьянство достигло наибольшего размаха в центральных районах страны. По потреблению спиртного на душу населения Владимирская губерния занимала «почётное» третье место, уступая лишь Московской и Ярославской⁴. Особо «пьяными» слыли такие промышленные города и сёла, как Шуя, Иваново-Вознесенск, Киржач, Кохма, Тейково, Орехово, Южа и другие.

По сведениям фабричного инспектора В. Дадонова, в начале XX века главными статьями расхода в небогатом бюджете рабочих-текстильщиков были одежда и водка⁵. Очевидно, сказывались тяжелый труд и низкий уровень культуры мастеровых, их неумение приспособиться к условиям жизни при фабрике, дефицит «разумных развлечений» и прочие факторы.

На многих предприятиях губернии существовала традиция

«магарычѣй», заключающаяся в том, что каждый новичок был обязан «напоить» своих «старших товарищей». Уклонявшиеся от «прописки» подвергались «ругательствам, высмеиванию, клевете, а нередко и кулачной расправе». Интересно, что старые фабричные рабочие за своё вымогательство были прозваны в народе «глотами»⁶.

В России по примеру Запада инициатива борьбы с пьянством принадлежала обществам трезвости, которые появились в конце XIX столетия. Все эти организации условно можно разделить на светские (подчинявшиеся МВД) и церковные (находившиеся в ведении Священного Синода). Во Владимирской губернии общества трезвости работали как в городах (Владимире, Шуе, Иваново-Вознесенске, Киржаче, Коврове, Меленках, Суздале), так и в сёлах (Пестяках, Юже, Орехове, Ставрове и т.д.)

Светские организации обычно открывались по инициативе снизу. Правда, иногда это происходило совершенно случайно. Например, так вышло с Иваново-Вознесенским обществом трезвости, у истоков которого стоял некто И.И. Иванов, бывший, по разным сведениям, «кустарём-водопроводчиком» или владельцем бетонной мастерской.

Иван Иванович проживал в местечке Ямы Шуйского уезда, которое слыло одним из самых «пьяных» и криминогенных пригородов Иваново-Вознесенска. Однажды Иванов заметил на борту сюртука своего заказчика жетон Казанского общества трезвости. Заинтересовавшись тем, нельзя ли стать «казанским трезвенником на дому», житель местечка отправил в Казань 5 руб. и через некоторое время получил устав, жетон и членский билет организации. Эти документы и навели Ивана Ивановича на мысль о создании аналогичного общества в Иваново-Вознесенске. Однако земский начальник Куломзин, ведавший Ямами и ничего не имевший против трезвости, и слышать не хотел об открытии организации. «Пока я здесь ... начальник, я никогда этого не допущу», - заявил он незадачливому учредителю. Делу помог случай. Однажды в вагоне поезда, который следовал в Шую, встретились трое: городской судья Иваново-Вознесенска С.П. Шестернин и наши старые знакомые - Иванов и Куломзин. Между последними вспыхнул прежний спор, в который эффектно вмешался Шестернин. «Мещанин Иванов, я к вашим услугам, ... заходите ко мне на квартиру, и мы ... поговорим о вашем деле», - сказал он. Вскоре после этого единомышленники встретились снова. Они разработали устав, проект которого был утверждён МВД 16 октября 1897 г. Так возникло одно из старейших в губернии Иваново-Вознесенское общество трезвости⁷.

В отличие от светских организаций церковные объединения обычно открывались по инициативе сверху. В конце XIX - начале XX веков Синод неоднократно рекомендовал епархиям поощрять учреждение приходских обществ по борьбе с пьянством. Как правило, во главе таких организаций стояли местные священники⁸.

Провинциальные общества объединяли представителей самых разных сословий: дворян, духовенство, купцов, мещан и крестьян. Стремясь вовлечь

в свои ряды как можно больше соотечественников, местные трезвенники часто прибегали к хитрости. Они умышленно зачисляли в общества некоторых пьющих граждан в надежде на их исправление. Однако жизнь вносила суровые коррективы в планы организаторов, и после первых лет деятельности состав объединений заметно сокращался.

Светские общества обычно выступали против «чрезмерного» употребления спиртных напитков. Церковные же организации, напротив, часто боролись за *полный отказ* от них. Это тем более удивительно, что общества, состоявшие в ведении Синода, как правило, находились в сельской местности, где пьянство и по сей день самое крепкое. Вступая в организацию православных трезвенников, каждый прихожанин, стоя перед иконой небесного покровителя общества, давал обет «воздержания». Вот его типичный текст: «Господи! Я раб Твой (имя), сознав всю скверну пьянства и грехов, от него происходящих, даю обет перед иконою Святого Великого Иоанна Предтечи и Крестителя Твоего не пить в продолжение (трех, шести месяцев, года и более) [кто сколько выдержит - *А.Д.*] никаких охмеляющих напитков. Боже милосердный! Помоги мне ... выполнить ... обещание для спасения моей души и благого примера другим. Аминь». Употребление спиртного разрешалось только в трех случаях: по предписанию врача или фельдшера, во время обрядов венчания и причащения⁹. Если прихожанин дважды нарушал обет, то священник налагал на него епитимью¹⁰. После третьего раза следовало исключение из организации. Кстати, такое же наказание ожидало и тех членов объединения, которые вели трезвый образ жизни, однако нерегулярно присутствовали на литургии, редко исповедовались и причащались¹¹.

В то же время активисты светских и церковных обществ справедливо полагали, что одними карательными мерами искоренить пьянство нельзя, ибо главная его причина - «неразвитость народа». В результате в качестве основных средств по борьбе с «зелёным змеем» стали рассматривать просвещение и организацию досуга для обывателей.

Большинство обществ содержали безалкогольные чайные-столовые и бесплатные библиотеки-читальни. Некоторые объединения устраивали праздники, детские игры, лекции и другие мероприятия.

Обычно безалкогольные заведения организаций выгодно отличались от своих конкурентов - частных трактиров и закусокных. Сообщая об открытии чайной в Иваново-Вознесенске, «Владимирские губернские ведомости» писали, что собравшаяся публика была приятно удивлена «при виде чистых и светлых комнат с рядами столиков, покрытых белыми клеенчатыми скатертями»¹². А. Ноздрин, часто посещавший одно из подобных заведений, вспоминал: «Сюда приходили все, кто хотел жить по-иному, почеловечнее, потрезвее»¹³. Однако так было отнюдь не везде и не всегда. По свидетельству корреспондента «Владимирского края»¹⁴, чайная ореховской организации после смерти её основателя изменилась до неузнаваемости: «Везде - грязь, обеды и закусок - и в помине нет, газеты не выписываются, посещают

- «коты»¹⁵. Кстати, эта картина очень напоминает ту, что изобразил на страницах своей книги известный костромской краевед В. Бочков. Он, в частности, упоминал, что «безалкогольное» заведение Костромского общества трезвости слыло одним из самых значных мест в городе, т.к. спиртное здесь подавали в чайниках¹⁶.

Данная статья не претендует на исчерпывающий анализ деятельности провинциальных организаций по борьбе с пьянством. В ней сделан акцент на *курьёзных моментах* в работе таких объединений. На наш взгляд, главная заслуга обществ трезвости состояла в том, что они предоставляли людям возможность интересно проводить свободное время. Благодаря таким организациям у российского обывателя появился выбор: пойти в кабак или в чайную, заглянуть к вечно пьяному соседу или в библиотеку-читальню, принять участие в кулачных боях или посетить театр. Другое дело, что в условиях российской действительности многие благие начинания часто приобретали забавные черты.

¹ Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 176.

² В данном контексте «сотка» - 1/100 часть ведра.

³ Дым. 1913. № 9. С. 11.

⁴ Черневский В. А. К вопросу о пьянстве во Владимирской губернии и способах борьбы с ним. Владимир, 1911. С. 11.

⁵ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-281. Истпарт Ивановского губкома ВКП(б). Оп. 1. Д. 42. Л. 39.

⁶ Там же. Л. 39-40.

⁷ ГАИО. Ф. П-281. Оп. 1. Д. 248. Л. 1-2; Шестернин С.П. Пережитое. Иваново, 1940. С. 156.

⁸ Владимирские губернские ведомости (ВГВ): Неофициальная часть. 1909. 26 июня, 16 октября; ГАИО. Ф. 4. Полицейское управление г. Иваново-Вознесенска. Оп. 1. Д. 1369. Л. 45; Государственный архив Владимирской области (ГВАО). Ф. 14. Канцелярия владимирского губернатора. Оп. 4. Д. 3660. Л. 1, 3; Д. 3911. Л. 1; Д. 3915. Л. 14.

⁹ Григорьев Н.И. Русские общества трезвости, их организация и деятельность в 1892-1893 г. СПб., 1894. С. 11 - 26; Устав Предтеченского братства трезвости в селе Досчатом заводе Меленковского уезда Владимирской губернии. Выкса, 1910. С. 4.

¹⁰ Епитимья - церковное наказание, налагаемое духовником (посты, длительные молитвы).

¹¹ Устав Серафимовского общества трезвости при церкви села Волокобина Шуйского уезда Владимирской губернии. Шуя, 1908. С. 3-4.

¹² Захарова О.М. Чайная для трезвенников // Рабочий край. 1993. 30 июля.

¹³ ГАИО. Ф. П-281. Оп. 1. Д. 248. Л. 3.

¹⁴ Владимирский край. 1906. 14 ноября.

¹⁵ Во Владимирской губернии «котами» обычно называли опустившихся людей. Так, начальник Владимирского губернского жандармского управления Н.И. Воронов писал в начале XX в., что среди рабочих с. Орехова проживает «несколько сот человек, не имеющих определенных занятий, большую часть это пьяный сброд, нравственности ... испорченной, а сами рабочие называют их «котами». (Записки Н.И. Воронова о событиях Владимирской губернии. Владимир, 1907. С. 38).

¹⁶ Бочков В. Старая Кострома. Кострома, 1997. С. 26.

«КРАМОЛА» В СТЕНАХ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

В 60-70-х гг. XIX в. в результате реформ Александра II в стране стали десятками, а затем и сотнями возникать самые различные учебные заведения - начиная с земских школ и кончая университетами. Власти и общественность уделяли значительное внимание не только мужскому, но и женскому образованию. Приметой времени было открытие в провинции женских гимназий, которые давали полноценное по тому времени среднее образование. В 1878 году возникло такое учебное заведение и в безуздном городе Иваново-Вознесенске.

Гимназии изначально были учебными заведениями привилегированными. Достаточно высокая плата за обучение закрывала в них дорогу малообеспеченным слоям населения. Здесь обучались дети в основном из дворянского и купеческого сословий, из зажиточных мещан. Казалось бы, это должно было обеспечивать благонадежность питомцев учебных заведений, однако на всякое правило находились свои исключения. Ветер перемен, подувший над страной в конце XIX - начале XX вв., заносил в чопорные учебные заведения семена «крамолы». Не избежала этого и иваново-вознесенская женская гимназия.

Нашим современникам из ее учениц лучше всего известна Ольга Афанасьевна Варенцова. Она была дочерью небогатого текстильного предпринимателя, купца Афанасия Алексеевича Варенцова, владевшего небольшим отделочным предприятием в деревне Куликово современного Ивановского района. Двухэтажный дом Варенцовых стоял в центре так называемой «посадской» части города. А.А. Варенцов особой общественной активностью не отличался, в благотворительности тоже был не замечен, но известно, что с 1880 г. он являлся членом попечительного совета женской гимназии. Скорее всего, его участие в этом органе объяснялось личными мотивами, как раз в начале 80-х гг. его дочь оканчивала это учебное заведение.

Впрочем, первые уроки грамоты она прошла у местной старообрядки, затем поступила в городское училище и, окончив его, после двухлетнего перерыва поступала сразу в третий (по другим сведениям - во второй) класс гимназии, будучи, таким образом, старше многих из своих одноклассниц.

Училась Ольга отлично. Она постоянно находилась среди учениц первого разряда. В целом, как свидетельствуют мемуары революционерки, в гимназии ей нравилось, особенно привлекало то, что здесь была богатая библиотека, которую она запоем перечитывала¹. Ольга окончила последний по счету 7-ой класс в 1882 г. В ее аттестате по всем предметам стояли оценки «5», только знания по физике немного хромали и были оценены на «4». Об этом свидетельствуют документы, сохранившиеся в ее личном деле в бывшем

областном партийном архиве. Она имела полное право на золотую медаль, но ей дали только серебряную, т.к. это была бы третья золотая медаль в классе, что противоречило существовавшим тогда правилам. После окончания иваново-вознесенской гимназии О.А. Варенцова уехала во Владимир и закончила там 8-й педагогический класс губернской гимназии, намереваясь стать учительницей². Позже она поехала в Москву и поступила там на высшие женские курсы.

В дальнейшем она примкнула к революционному движению. Сначала ее привлекла идеология революционных народников, а затем она перешла на идейные позиции марксизма. В начале XX в. Варенцова являлась одним из руководителей иваново-вознесенской организации большевиков. После Октябрьской революции 1917 г. Ольга Афанасьевна Варенцова работала на руководящих постах в Иваново-Вознесенске и Москве³. Памятник ей стоит в областном центре на проспекте Ленина возле Дворца культуры текстильщиков. 30-я школа в Иванове, которая находится в здании бывшей женской гимназии, носит имя Варенцовой.

В ивановской гимназии училась еще одна известная деятельница революционного движения - Вера Каравайкова, дочь местного купца средней руки Алексея Каравайкова. О ее революционной деятельности в гимназии узнали совершенно неожиданно, когда на стол начальницы легла бумага от иваново-вознесенского полицмейстера. В ней говорилось, что в ночь с 8 на 9 января 1908 г. на окраине города была обнаружена полицией нелегальная сходка рабочих, участники ее (11 человек) тут же были задержаны. В числе их были 10 рабочих и одна гимназистка выпускного класса - Вера Каравайкова⁴. Скандал вышел небывалый - купеческую дочь арестовали, застав ее ночью с десятком рабочих и изъяв при этом вещественные доказательства в виде нелегальной литературы. Совершенно пристыженный отец подал прошение начальнице гимназии с просьбой отчислить дочь из учебного заведения «по домашним обстоятельствам», хотя в них ничего «домашнего» не было, а была замешана только «политика»⁵.

Даже если бы отец не забрал Веру из гимназии, ей пришлось бы все равно покинуть ее, т.к. она была привлечена к следствию по делу об иваново-вознесенской организации РСДРП и затем заключена в тюрьму во Владимире. В дальнейшем до революции ее не раз арестовывали, отправляли в сибирскую ссылку. В 1917 г. она стала секретарем Иваново-Вознесенского городского Совета, членом горкома партии, затем трудилась на руководящей работе в Москве⁶. В Иванове именем Каравайковой названа улица в местечке Соснево.

Бывали в гимназии и случаи, которые иначе как анекдотическими не назовешь. Так, вскоре после окончания первой российской революции нелегальная литература была обнаружена у гимназистки Левенец, которая была дочерью местного жандармского ротмистра. Однако какого-то крупного скандала не последовало. По всей вероятности, дело объяснялось просто - девочка взяла со служебного стола отца запрещенные книжки и принесла в

гимназию, чтобы похвастаться перед подругами «нелегалщиной». Хотя дело дошло до попечителя Московского учебного округа, но было в дальнейшем забыто, т.к. всем было ясно, что злого умысла в действиях девочки обнаружить было нельзя⁷.

Большим уважением среди коллег и гимназисток пользовался преподаватель истории Евгений Андреевич Мороховец, который в 1907-1909 гг. работал в гимназии «по найму» (т.е., выражаясь современным термином, в качестве «почасовика»), а с 1909 по 1911 г. - уже как штатный преподаватель⁸.

Он родился в 1880 г., окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1904 г. с дипломом 1-й степени. В 1906 г. Мороховец приехал в Иваново-Вознесенск и некоторое время трудился преподавателем общеобразовательных дисциплин в местном механико-техническом училище. По своей сословной принадлежности он был дворянином.

Все это, на первый взгляд, свидетельствовало о том, что Мороховец был человеком солидным и верноподанным. Поэтому осенью 1911 г. как гром среди ясного неба всю гимназию поразило известие о том, что Е.А. Мороховец арестован по обвинению в принадлежности к «преступному сообществу» - большевистской партии.

Действительно, Мороховец вел в Иваново-Вознесенске двойную жизнь. Днем он, стоя за учительским столом, преподавал девушкам историю, а вечером превращался в партийного функционера, ходил на подпольные собрания, хранил и распространял нелегальную литературу, более того - дворянин Мороховец являлся членом Иваново-Вознесенского комитета РСДРП.

Он был опытным конспиратором, и прямых улик против него полиция не нашла. Поэтому карательные органы ограничились тем, что выслали педагога из Иваново-Вознесенска в административном порядке (т.е. без решения суда). Гимназистки устроили торжественные проводы своему учителю. Толпа молодежи - около трех сотен человек - явилась на вокзал к отходу поезда. Многие, провожая его, плакали⁹.

В дальнейшем, после революции 1917 г., Е.А. Мороховец активно занимался научной работой, преподавал в Московском университете на кафедре русской истории. Он являлся ученым секретарем Института истории РАНИОН, преподавателем Коммунистического университета им. Свердлова. В 1935-1941 гг. Мороховец работал научным сотрудником Института истории АН СССР. Он стал в 20-30-х гг. одним из крупных отечественных специалистов по аграрной истории. Им написаны такие монографии, как «Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции» (М.-Л., 1926), «Аграрные программы российских политических партий в 1917 г. (Л., 1929)», «Крестьянская реформа 1861 г.» (М., 1937). Кроме того, им подготовлены к печати весьма ценные сборники документов «Крестьянское движение 1827-1869 гг.» в 2-х выпусках (М., 1931) и

«Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права» в 2-х частях (М.-Л., 1949). Статья о Мороховце включена в такое фундаментальное справочное издание, как «Советская историческая энциклопедия»¹⁰.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-282. Оп. 3. Д. 187. Л. 6, 54.

² Там же. Д. 187а. Л. 7.

³ Революционеры текстильного края. Ярославль. 1980. С.49-52.

⁴ ГАИО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 167. Л. 1.

⁵ Там же. Л.2.

⁶ Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ч.1. Иваново, 1963. С. 477.

⁷ ГАИО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 164.

⁸ Там же. Д. 163. Л. 1, 3. Д. 9,11.

⁹ Русское слово. 1911, 15 октября.

¹⁰ Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. Стб.700.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТИТЕЛЯ

Купечество в России XIX века играло важную роль во всех сферах жизни. Представители этого сословия явились видными общественными деятелями, меценатами и щедрыми жертвователями, поддерживавшими «всякое благое начинание». Причем зачастую купеческую благотворительность вполне можно расценивать как следствие их истовой религиозности, или, как они сами говорили, «набожности».

Одним из известных в Шуйском уезде купеческих родов был род Поповых, три поколения которого считались весьма удачливыми предпринимателями и промышленниками, а также активными общественными деятелями. Кроме того, Поповы были щедрыми церковными жертвователями, чья благотворительность была известна далеко за пределами не только уезда, но и губернии¹.

Последним представителем этого купеческого рода являлся Иван Иванович Попов (1836-1910). Его деятельность протекала уже целиком на общественном поприще². Однако же, продолжая благочестивую семейную традицию, Иван Иванович всегда находил возможность делать пожертвования в разные обители России.

Но духовная жизнь этой семьи не сводилась только к благотворительности. Поповы вели обширную переписку с духовенством тех монастырей, куда они посылали пожертвования. Вероятно, Поповы бывали в этих монастырях в паломнических поездках. География этой переписки охватывает практически все крупные российские обители того времени.

В письмах Поповы, очевидно, обращались к духовным наставникам за советами, как поступить в той или иной житейской ситуации, прося их молитвенного участия в разрешении своих проблем. Ответные письма духовенства к Поповым сохранились в фондах Шуйского историко-художественного и мемориального музея. Они приходили преимущественно на имя супруги Ивана Ивановича – Евдокии Ивановны Поповой³. Одно из них не только позволяет судить о содержании и характере этой переписки, но и является свидетельством благодатного и спасительного общения Поповых со своими духовными наставниками.

«Глубокоуважаемая о Господе Евдокия Ивановна!

Призывая на Вас и семейство Ваше Благословение Божие и предстательство угодника Божия святителя Тихона Задонского чудотворца и молитвенно желаю Вам здравия и всякой милости от Господа. При сем уведомляю Вас о получении вашего письма и пре оном 18 р на поминовение рабы Божией Натальи, которую я записал на годовое поминовение на Божественной литургии и на панихидах, каждодневно будит поминаться

течении года. О здравии же записаны на молебнах при св. мощах Николая, Иоанна и Евдокии тоже каждой день на первом молебны поминаем и на проскомидии я частички вынимаю, приношу вам глубокую благодарность за вашу добрую память и доброе ваше усердие.

Кланяюсь Вам и остаюсь с истинным Высокопочитанием, спасения Вам желаю. Готовый к вашим услугам Смиренный богомолец Иеромонах Тимофей.

Посылаю Вам на благословение Св. перчаточку, которую я сейчас с ручки снял св. Тихона,
1905 г. (ср) марта 2»⁴.

У письма нет обратного адреса, но с определенной долей вероятности мы можем предположить, что оно было послано из обители, где почивали мощи преподобного Тихона Задонского⁵, о котором здесь упоминается. До революции мощи находились в Богородицком мужском монастыре города Задонска Воронежской губернии. С этим монастырем семья Поповых имела давние связи. В частности, дед Ивана Ивановича, Федор Герасимович Попов, выступал меценатом постройки в этой обители Владимирского собора⁶.

Как видим, в письме иеромонах Тимофей благодарит Евдокию Ивановну за пожертвование и уведомляет об исполнении ее просьбы о годовом поминовении Наталии – матушки Евдокии Ивановны, и о поминовении о здравии Николая, Евдокии и Иоанна – собственно семьи Поповых⁷.

Это, вполне обычное на первый взгляд, письмо снабжено в конце припиской: «Посылаю Вам на благословение св. перчаточку, которую я сейчас с ручки снял Св. Тихона»⁸. Посланное благословение Святителя Тихона присутствует, можно сказать, в материальном виде. На листе отчетливо виден маслянистый отпечаток кисти руки в имяславном перстосложении⁹ – особом жесте священнического благословения, имеющем свое символическое значение.

Встает вопрос, каким образом был сделан этот отпечаток? Вероятнее всего, он был сделан с лицевого шитья¹⁰ покрывала¹¹ раки (гробницы) преподобного Тихона. Следуя иконографическому канону, изображение святого на нем должно было быть с благословляющим жестом правой руки.

Предположения о том, что это за отпечаток, могут быть разные¹², но каждое из них останется лишь мнением, ибо: «Жизнь духовная – особый мир, в который не проникает мудрость человеческая»¹³.

⁴ В документальном фонде семьи Поповых, хранящемся в ШИХММ, имеется множество писем церковных старост, настоятелей разных обителей, обращавшихся за помощью к Поповым.

⁵ Он был председателем комиссии по устройству водопровода в городе Шуя и директором Шуйско-Ивановской железной дороги.

⁶ В числе ее адресатов, например, был оптинский старец Иосиф Литовкин, ныне канонизированный Русской Православной церковью (память 9 (22) мая и 11 (24) октября).

⁴ ШИХММ 2914/50. Сохранены орфография и пунктуация оригинала. Публикуется впервые.

⁵ Святитель Тихон (1724-1783), Епископ Воронежский, Задонский, чудотворец. Память его в Русской Православной Церкви отмечается 13 (26) августа.

⁶ См. ШИХММ 2479/526. Письмо настоятеля Задонского монастыря архимандрита Илария к Попову Федору Герасимовичу. В письме архимандрит Иларию просит пожертвовать на строящийся в обители по проекту архитектора К. Тона Владимирский собор.

⁷ Чета Поповых была бездетной; некто Николай, упоминаемый в письме, – это племянник Евдокии Ивановны, Николай Белаевский, к которому Поповы относились как к родному сыну.

⁸ Поскольку в письме иеромонаха Тимофея имеются грамматические погрешности, то, возможно, под словом «перчаточка» имеется в виду «печаточка» – отпечаток.

⁹ Сочетание пальцев при имяславном благословении передает имя Иисуса Христа в общепринятом сокращении (ИС. ХС.): прямой указательный палец обозначает букву I (И), полусогнутый средний – букву С, скрещенные безымянный и большой – букву Х, полусогнутый мизинец – букву С. Таким образом читается ИС. ХС. – Иисус Христос. См.: И.А. Припачкин. Иконография Господа Иисуса Христа. – М.: Паломник, 2001. – С.9.; Настольная книга священнослужителя. Т. 4. – М.: Издание Московской патриархии, 1983.

¹⁰ Лицевое шитье – произведения прикладного искусства, иконы, выполненные в технике вышивания, часто с применением золотых и серебряных нитей, канители, жемчуга, бисера и т.д.

¹¹ Покров – изображение святого, полагаемое на гробницу с мощами, обычно вышитое.

¹² В ответ на запрос автора касательно происхождения этого отпечатка, архимандрит Иосиф – благочинный Задонского Богородицкого мужского монастыря, прямолинейно предполагает: «Возможно, мощи Святителя в дореволюционное время источали миро (хотя не факт, об этом нигде не описывается) и это отпечаток пропитанной маслом или миром перчаточки». Как следует из письма упомянутого архимандрита Иосифа, «в данный момент мы не можем утверждать, был ли на раке Святителя в дореволюционное время шитый покров». (ШИХММ. Письмо архимандрита Иосифа – благочинного Рождество-Богородицкого мужского монастыря г. Задонска Воронежско-Липецкой епархии Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) ст. научн. сопр. ШИХММ Добычиной Т.А. от 11.03.03. Вх. № 16 от 15.04.03).

¹³ Свт. Феофан Затворник Вышенский. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. – М.: Правило веры, 1999. – С.295.

Ю.А. ИВАНОВ
(г. Шуя)

ДИНАСТИЧЕСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1913 г. В ШУЙСКОМ УЕЗДЕ

Подготовка к 300-летию династии Романовых началась в апреле 1910 г., когда особым постановлением Совета Министров был образован межведомственный комитет во главе с гофмейстером Двора, бывшим министром внутренних дел А.Г. Булыгиным. 28 мая 1910 г. владимирский губернатор своим циркуляром известил «председателей» дворянства, земств и городских управ о подготовке к торжествам. Но еще до этого шуйский уездный предводитель дворянства организовал сбор по всероссийской подписке на сооружение в Костроме памятника «в ознаменовании 300-летия Царствования Дома Романовых». Письма об участии в акции и оказании содействия тем «к осуществлению столь высокого патриотического и дорогого всем Русским людям дела» он разослал всем 117 дворянам-земледелцам уезда, откликнулось, собрав 160 рублей, только 15. В августе 1910 г. шуйская городская дума ассигновала 50 рублей на сооружение храма в Петербурге «в память трехсотлетия царствования дома Романовых»¹.

С 1911 г. началось планирование мероприятий на уездном уровне. Тогда же команду на подготовку к юбилейным празднествам по своей линии получили уездные полицейские власти и жандармы: секретным циркуляром Департамента полиции от 23 декабря 1911 г. они заблаговременно извещались, что император днем главного празднования «всероссийского праздника трехсотлетия Царствования Дома Романовых» определил 21 февраля 1913 г.²

За год до этой даты на заседании шуйской городской управы 29 февраля 1912 г. был практически полностью «сверстан» план гражданских городских торжеств. Кроме того, управа просила епархиальные власти разрешить служить благодарственное молебствие в день празднования не в Воскресенском соборе, а, из-за «тесноты соборного храма», на площади, чтобы могли присутствовать все желающие³. Значительные средства городская управа ассигновала на закупку литературы. В конце 1912 – начале 1913 г. было приобретено 600 экземпляров брошюры «Россия под скипетром Романовых», в книгоиздательстве И.Д. Сытина было заказано 20 названий юбилейных изданий – всего 500 экземпляров⁴.

Появились в уезде и предприимчивые люди, попытавшиеся в обход властей нажиться на торжествах. В Иваново-Вознесенске в декабре 1912 г. полиция безуспешно пыталась задержать неизвестного, торговавшего самодельными альбомами в память 300-летия династии. Но большее беспокойство властей, чем такие полукриминальные инциденты, вызывали попытки распространения в уезде литературы «контрпропагандистского» содержания, изданной за границей революционными партиями «в целях омрачения предстоящих юбилейных торжеств». В январе 1913 г. в уезде

появилась брошюра «Дом Самозвановых», изданная эсерами, и «Юбилей позора нашего (1613-1913) – триста лет Романовых и лже-Романовых», изданная социал-демократами. В ориентировке для шуйской полиции отмечалось, что в брошюрах «проводится одна общая мысль, что Самодержавная монархия, по характеру своего строения никогда не принимала мер на благо народа, а наоборот угнетала таковой»⁵.

В то же время местные подпольные организации социалистических партий, ослабленные арестами, никак не откликнулись на «историческое» событие, чего нельзя сказать о правых – это был их юбилей. В феврале 1913 г. шуйские «союзники» ездили «со знаменем» на юбилейные торжества в Петербург, а в апреле провели запись желающих быть «в охране государя» во время его поездки по России.

Уездные власти дистанцировались от этих мероприятий – у них были свои заботы. В честь юбилея управа дополнительно учредила 30 стипендий в двух городских начальных училищах «для взноса платы за право учения для беднейших учащихся» и сложила недоимки городского оценочного сбора с беднейших домовладельцев. Но это, по признанию городского головы, была «довольна ничтожная сумма»⁶. В то же время городские власти всячески подчеркивали, что ни в каком контексте на своих заседаниях не обсуждали проблему политической амнистии – вопрос, который в связи предстоящими торжествами широко обсуждался столичными политическими кругами и либеральной прессой.

Как и планировалось, основные торжества прошли в уезде 21 февраля. Кроме особых богослужений во всех городских церквях, был проведен крестный ход из собора на городскую площадь, где состоялся благодарственный молебен. На «экстренном» заседании шуйской городской думы был выработан текст «верноподданческой телеграммы» на имя Николая II, которая для передачи была представлена губернатору.

Культурная программа праздника включала раздачу брошюр и книг ученикам школ, проведение чтений о событиях 1613 г. В здании Благородного собрания мужская и женская гимназии совместно провели литературное «утро», где, в частности, хор учащихся исполнил «юбилейную кантату», слова которой принадлежали ученику 5 класса Орлову, а музыка – учителю пения М.Н. Тарасову. Кроме того, драматические сцены с пением в 6 картинах «Жизнь за Царя»⁷. Вечером был устроен платный концерт, а в городе – иллюминация. На площади перед думой играл военный оркестр и на особом экране показывали соответствующие случаю картины. 300-летний юбилей обошелся городу в 300 рублей. Торжества прошли по всему уезду и были аналогичны шуйским. На некоторых фабриках хозяева объявили 21 февраля нерабочим днем с сохранением зарплаты.

29 марта 1913 г. владимирский губернатор сообщил шуйскому городскому голове, что на докладе о верноподданнических чувствах, заявленных гласными думы и представителями правительственных и

общественных учреждений Шуи, император собственноручно начертал: «искренно всех благодарю»⁸.

Романовский юбилей, как и другие государственные праздники в провинции, наглядно свидетельствовал: искреннего «ликования народа» не происходит. Усталость режима передавалась местной власти: казенно-бюрократический подход был налицо. Формальность торжеств не оставляла места для спокойного и естественного празднования, что отмечали такие разные современники, как председатель совета министров В.Н. Кокотев и пролетарский писатель М. Горький.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 84. Оп. 2. Д. 25. Л. 1-2; Ф. 369. Оп. 1. Д. 2190. Л. 4.

² Государственный архив Владимирской области. Ф. 704. Оп. 1. Д. 874. Л. 1.

³ ГАИО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2190. Л. 78, 103.

⁴ Там же. Л. 104, 119, 120, 123.

⁵ Там же. Ф. 337. Оп. 1. Д. 37. Л. 78.

⁶ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2190. Л. 128-129.

⁷ Старый владимирец. 1913. 27 февраля.

⁸ ГАИО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2190. Л. 141-141 об.

«БЛАГОПРИСТОЙНЫЙ ЖИТЕЛЬ БЛАГОПРИСТОЙНОГО ГОРОДА»

Алексей Николаевич Овсянников известен ныне в основном как автор доклада «Из школьных лет К.Д. Бальмонта...»¹, прочитанного почти восемьдесят лет назад на заседании общества по изучению местного края. Однако краю нашему он отдал двадцать восемь с половиной лет из семидесяти отпущенных.

Родился Алексей Николаевич Овсянников 3 сентября 1862 г. в Нижнем Новгороде. «Детство мое, - сообщал он в Curriculum vitae (с лат. «краткие сведения о жизни»), - прошло в стенах гимназии, где мой отец² служил инспектором³». Николай Николаевич Овсянников оставил заметный след в истории Нижегородского края. С 1855 по 1864 гг. он преподавал историю в Дворянском институте, затем служил десять лет в гимназии и пять – директором народных училищ губернии. Выступал со статьями на исторические, педагогические, экономические и др. темы в «Нижегородских губернских ведомостях» и в столичных журналах. Дом его посещали местные и заезжие литераторы, общественные деятели, ученые. Алексей, старший сын (в семье родилось одиннадцать и выросло шесть детей), помнил приходившего к отцу предводителя дворянства, в прошлом декабриста И.А. Анненкова⁴, был знаком с академиком В.П. Безобразовым⁵, по заданию которого отец изучал промышленность губернии и тот сослался на его статьи в работе о Нижегородской ярмарке. Статья Н. Овсянникова цитируется в книге В. Ильина⁶ «Развитие капитализма в России» (СПб, 1899 г.).

В 1881 г. Алексей поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где «занимался преимущественно русской историей, которую выбрал своей специальностью»⁷. Курс русской истории он слушал у профессора Е.Е. Замысловского⁸. Кроме того, еженедельно бывал на знаменитых вечерах К.Н. Бестужева-Рюмина⁹, где собирался кружок интеллигенции и учащейся молодежи и Константин Николаевич дозволил ему называться своим учеником. «Окончив курс, - писал Алексей Николаевич, - он имел возможность остаться в Петербурге на гражданской службе в провинции»¹⁰.

В 1886-1890 гг. он служил учителем истории и географии в прогимназии Сергиева Посада. Навещал своего родственника Н.С. Стромилова¹¹, предводителя дворянства Александровского уезда и краеведа, он познакомился у него с дочерью помещиков с. Годунова Любовью Агафангеловной Цвилленовой, которая в 1889 г. стала его женой. В 1890 г. у них родилась дочь, названная в честь бабушки Елизаветой, а в следующем – сын, нареченный в честь преподобного Сергия. В 1890 г. Овсянников переехал в г. Карачев (ныне Брянской области), где стал служить в женской прогимназии, преобразованной при нем в гимназию, принимая

«широкое участие в разных благотворительных обществах», из которых два были основаны им. В 1904 г. его перевели в шуйскую мужскую гимназию, в которой прослужил до осени 1919 г. Сверх того, по 1912 г. преподавал географию в женской гимназии.

Учитель гимназии в уездном городе – фигура заметная. 1911 год сделал Алексея Николаевича человеком известным. В том году была образована Шуйская комиссия по организации и осуществлению экскурсий. Учитель географии стал в ней главным действующим лицом. Экскурсанты набирались в группу из обеих гимназий. Первая экскурсия, на Пасхе, была в Москву, вторая – в Петербург, Финляндию, Рыбинск, Ярославль, Кострому. В следующем году посетили Владимир. Затем снова – Москву и Сергиев Посад. В 1914 г. поехали в Крым. В военное лихолетье было не до экскурсий. В армию призвали брата Николая¹² и сына Сергея. Брат погиб в первый же год.

В год революций, великих исторических свершений А.Н. Овсянникову суждено было проявить себя в роли общественного деятеля не только уездного, но и всероссийского ранга. В вихрь революционных преобразований оказались втянутыми все общественные институты. Не остался в стороне и консервативнейший из них – церковь. В Москве созывался собор для решения вопроса о восстановлении патриаршества. И тут оказались востребованными познания Алексея Николаевича в истории церкви. Вопросы церковной истории его привлекали со студенческой поры. Работа Алексея Овсянникова (1884 г.) о надписи на древнейшем памятнике русской иконописи – образе Корсунской Богоматери¹³ – стала первой попыткой научного изучения иконы. Консультантами его были академики И.В. Ягич¹⁴ и К.Н. Бестужев-Рюмин. В Сергиевом Посаде, где средоточием духовной жизни являлась Духовная академия, ему доводилось встречаться с такими церковными авторитетами, как ректор академии архимандрит Антоний (Храповицкий)¹⁵, профессор Д.Ф. Голубинский¹⁶, духовный писатель граф М.В. Толстой¹⁷. Приезжал читать лекции в академии В.О. Ключевский¹⁸. Шуйским съездом духовенства и мирян А.Н. Овсянников был делегирован на Владимирский Епархиальный Чрезвычайный съезд (8-12 августа 1917 г.), избравший его на Всероссийский поместный собор русской православной церкви, который 5 ноября 1917 г. избрал Патриарха Тихона¹⁹. Корреспонденции с Всероссийского собора Алексей Николаевич посылал в «Шуйские известия»²⁰. В хранившемся у него списке участников Собора, где его фамилия стояла под № 258, он отмечал крестиками уходивших из жизни естественной или насильственной смертью.

В ходе революции коренным образом была реформирована система народного образования. Одним из нововведений стало периодическое переизбрание школьных учителей на общественных советах. 10 сентября 1919 г. советом народного образования был забаллотирован учитель истории 1-й советской школы А.Н. Овсянников. Представитель Союза коммунистической молодежи обвинил его в том, что на уроках он не рассказывает, а пересказывает историю по Энциклопедическому словарю. В

заявлении, направленном в отдел народного образования, Алексей Николаевич напомнил, что прослужил учителем 33 года, из них 15 – в Шуе. Однако «совет, громадное большинство которого не знало» его «как преподавателя, поверил» навету, и он остался выброшенным «на улицу без куска хлеба»²¹. В среднюю школу он больше не вернулся. Хотя к преподавательской деятельности по мере необходимости возвращался. В 1920 г. читал в Шуйском народном университете лекции по археологии, в 1921 г. преподавал в советской партийной школе коммерческую географию. «Без куска» же «хлеба», после увольнения из школы, он оставался ровно две недели. 1 октября 1919 г. его назначили заведующим краеведческим музеем, который ему же предстояло и создать. Под музей был выделен второй этаж дома, принадлежавшего до революции купцам Рубачевым (ныне пл. Ленина, д. 7 – здание районной администрации). Размещавшиеся там же детскую и педагогическую библиотеки пришлось перевести в январе и мае 1920 г. в другие помещения. Музей создавался при школьном подотделе наробраз, но вскоре стало очевидно, что место ему – во внешкольном. В рождение музея был втянут весь город. Первым стал составляться художественный отдел – из картин, реквизированных у фабрикантов и закупленных у населения. Через три месяца, когда завершилась работа, в нем было около 90 полотен. В начале апреля 1920 г. закончилось формирование естественно-исторического отдела. Групповое правление шуйских хлопчатобумажных фабрик устроило в помещении музея текстильную выставку. Экспонаты ее послужили основанием текстильного отдела. Создан был и кустарный отдел. 2 мая 1920 г. состоялось официальное открытие музея. Однако посетители стали появляться в нем чуть ли не со дня утверждения: с 13 октября 1919 по 1 мая 1920 гг. в музее побывало 2124 человека. После открытия, его стали буквально осаждать. «Ввиду обилия экскурсантов и тесноты помещения, - свидетельствовал Н.А. Звездин²², - поднимался вопрос о перемещении музея в дом б. Павлова за рекой, как самый «архитектурный» дом города, но ходатайство ... успеха не имело»²³.

А.Н. Овсянников водил экскурсантов по отделам музея, совершал с ними поездки в Губернский музей Д.Г. Бурылина²⁴, куда в 1920 г. отправили 24 экскурсии. В 1921 г., после 2-х экскурсий «губерния была признана неблагополучной по холере», и поездки отменили. Зато летом по предложению центра 15 школьников из уезда побывали в Москве. 13 февраля 1921 г. при музее открылась кустарная выставка (до 200) экспонатов. Предполагалось открыть отделы: учебный, историко-археологический, краеведения, нумизматики, местный (уголок Шуи), библиотеку. Работу музея направлял совет, созданный из представителей наробраз, правления шуйских фабрик, исполкома, укомов РКП(б) и РКСМ, в него входили и все служащие музея. Число посетителей год от года чуть ли не удваивалось, экскурсии принимались со всего уезда. В 1922 г. в музее побывало 7255 посетителей и 49 экскурсий. В 1923 г. – 12818 посетителей и 123 экскурсии с 3028 участниками. Напомним, что население города не превышало 35 тыс.

человек. Однако, несмотря на столь впечатляющие показатели, небо над музеем стало затягиваться. Н.А. Звездин объяснял это тем, что при очередной переброске в уоно, музей оказался в бедном подотделе. Нам представляется, что причины были более глубокие. Для Алексея же Николаевича зло персонифицировалось в чиновнике. 20 февраля 1924 г. в письме сотруднику «Рабочего края» Ефиму Вихреву он указывал на него: «Против музея действует главный бухгалтер исполкома Пагодин, ни разу не бывавший в музее и не имеющий представления о нашей работе. По его мнению музей не имеет значения»²⁵. Кознями ли главбуха или вследствие совокупных причин финансирование музея было урезано, ухудшилось отопление. «... Алексей Николаевич, - вспоминал Звездин, - целые дни проводил перед камином у входа, накалывая поленья, чтобы согреть как-нибудь замерзающие руки, лишенные возможности писать»²⁶.

1 сентября 1923 г. в «Известиях ЦИК и ВЦИК» появилась корреспонденция Мих.А.²⁷ «В усадьбе декабриста Пестеля». В ней сообщалось о забытой усадьбе декабриста вблизи Шуи, в парке за деревней Лихушино, о том, что на кладбище соседнего села Зернова (Взорнова) покоятся его родственники, а в церкви Ильи Пророка другого ближнего села хранились старинные документы, касающиеся Пестеля.

Осенью 1920 г. в Шуге, на волне подъема краеведческого движения, было создано Научное общество по изучению местного края. (А.Н. Овсянников стал его членом 29 ноября). Но в следующем году «казенное субсидирование» прекратилось и деятельность общества приостановилась. Сообщение корреспондента «Известий» прервало тянувшийся второй год анабиоз. 22 ноября 1923 г. энтузиасты краеведения собрались в Доме просвещения и постановили возродить общество «без казенной поддержки». На следующих собраниях они обсудили программу его деятельности. Ближайшей задачей общество ставило «разработку биографии знаменитого декабриста Павла Ивановича Пестеля ... и выяснение его отношений к местному краю». Шуянам было известно, что усадьба принадлежала брату декабриста Борису Ивановичу. Нужно было установить, мог ли бывать в ней Павел Иванович. В программу были включены также вопросы, «касающиеся развития революционного движения в Шуге в XIX в. и в настоящем столетии»²⁸.

В начале 1924 г. А.Н. Овсянников выступил на собрании краеведов с докладом «Легенда о декабристе Пестеле». Докладчиком было установлено, что Лихушино Пестели приобрели в 1846 г., через 20 лет после казни декабристов. И что ранее фамилия их в списки дворян Владимирской губернии не включалась. По ревизским же сказкам 9-й ревизии (1850 г.) за Софьей Николаевной Пестель, вдовою Бориса Ивановича, в 10 деревнях уезда состояло без малого 1000 душ крестьян. Рукопись доклада, посланная в редакцию московского журнала «Каторга и ссылка», вернулась к автору с рекомендацией для публикации в местных изданиях. Но местные издания уже

свертывали свою деятельность, и он познакомил с результатами исследования читателей «Рабочего края»²⁹.

Весною восстановленное общество краеведения присоединилось к губернскому на правах отделения. 23 апреля 1924 г., в соответствии с новым уставом, общим собранием Шуйского отделения были проведены выборы правления. Председателем стал А.Н. Овсянников. По его предложению, первым почетным членом общества единогласно был избран М.В. Фрунзе³⁰. В информации об этом событии, появившейся в уездной газете «Серп и молот» под той же аббревиатурой «А.О.»³¹, имя почетного члена выделено жирным шрифтом, возможно, в наидание пагодиным. Фрунзе в письме на имя председателя поблагодарил краеведов за оказанную честь.

Летом 1924 г. А.Н. Овсянников, как сообщает биограф, «по семейным обстоятельствам» переехал в Иваново-Вознесенск.

Отъезд его развязал руки противникам «научного общества». В анонимной статье, появившейся 7 августа в «Серпе и молоте», в пух и прах разносилась вся деятельность краеведов. Дескать, вместо того, чтобы ставить себе насущные задачи, например, «выяснить условия и возможности, и перспективы культурного развития края или обследовать состояние края ... в отношении промышленности, земледелия, народного быта и проч. ... Общество занималось изысканиями о декабристе Пестеле, никогда не жившем в нашем крае, добывало данные ... кто именно были господами над лихушинскими мужиками, кто из этих помещиков похоронен во Взорнове и проч., и проч. ...». Вывод критика: «Шуйское научное общество занялось гробокопательством...»³². Новый председатель общества, М.С. Камнев, попытался сдержанно, обходя классовые вопросы, возразить критику, что «нет в исследовательской работе ненужных мелочей. Не может быть широкого обобщения без упорных малых достижений». Процитировал рекомендации руководства по осмотру местных кладбищ и пр.³³ Однако, через два месяца, в газете вновь появилась критика. На этот раз — доклада В.В. Серапихской «О шуйских народовольцах»³⁴. «Воспоминания слились, - передавал впечатление критик, - унося в прошлое, тихое, мирное прошлое. Имена, имена... дочь фабриканта, сын священника, помещица из Гумнищ, предводитель дворянства, видный шуйский купец... Белая кость... Голубая кровь... Кое-кто революционерствовал... Кто-то потом сделался настоящим революционером... А большинство... свяли, поблекли, стали постепенцами. Что делали эти симпатичные люди, выдающиеся умные головы, одаренные способностями и талантами, эти свободолюбивые «народовольцы» в тяжкое мрачное время 80-90-х гг.? Писали стихи, ходили на охоту, катались на лодке, устраивали журфиксы, ездили на тройках, встречались, собирались, влюблялись, женились...»³⁵. Вступать в полемику Михаил Семенович не стал: между людьми, делавшими революцию, с винтовкой в руках защищавшими ее и «революционерствовавшими» идеологическое примирение — состояние условное. Но когда и над музеем нависла угроза его существованию, не встать на защиту детища Алексея

Николаевича он не мог. В страстной статье, предвидя исход борьбы и все же на что-то еще надеясь, он перечислял сокровища музейного собрания, «от которых не отказался бы и столичный музей, работы: В. Маковского, Айвазовского, Шишкина, Клевера, Лагорио, Сверчкова, Клодта, Лемоха, Шильдера и др.», два портрета Тропинина, картина Кривоулицкого «Обыск и арест политического преступника»... «14 полотен самых новейших художников»³⁶. В октябре 1924 г. музей был закрыт, фонды раскомплектованы³⁷.

А.Н. Овсянников был назначен ответственным архивариусом Иваново-Вознесенского губархива. Занимался разборкой фабрикантских архивов, составил картотеку фабрикантов. 1 февраля 1925 г. перешел на службу в Губернский краеведческий музей, заведовал в нем текстильным отделом и разбирал огромный Бурьялинский архив. Краеведы избрали его товарищем председателя историко-архивной секции Губернского общества краеведения. В 1925-1929 гг. он сделал свыше 20 докладов в обществе и его отделениях в Плесе, Шуе, Юрьеве-Польском: «Об организации работ по составлению биографического словаря местных деятелей», «Библиотека П.А. Григорьева»³⁸, «Ивановский некрополь» и др. Доклады остались неопубликованными, статьи же краеведческого содержания, подписанные его именем или незатейливыми псевдонимами А.О., А.Н.О. время от времени появлялись в губернской печати. Набросанный теплыми красками портрет Алексея Николаевича той поры оставил в дневнике А.Е. Ноздрин³⁹:

А.Н. Овсянников, заглянувший вчера ко мне, на моих дам произвел довольно хорошее впечатление...

Его двадцатилетняя служба в шуйской гимназии, в городе тихих улиц, коротких зимних вечеров, до девяти, наложило на него известную печать тихих и покойных тонов, как в его разговоре, так и в его манере держаться благопристойным жителем благопристойного города.

В Иваново он переселился два года тому назад. Знаком я с ним по краеведению. В обществе краеведов, как и в частном доме, он являет собой тип настоящего интеллигента, не обиженного революцией, а близкого к ней, несмотря на то, что его заработок едва ли когда поднимается выше тех 57-ми рублей, которые он получает в музее, разделяя участь ... его сослуживцев.

Окт<ябрь> 28 <1926>⁴⁰.

1 ноября 1929 г. А.Н. Овсянников оставил службу.

О жизни его на пенсии кратко рассказал Н.А. Звездин:

А<лексей> Н<иколаевич> влачил жалкое существование, находя случайную работу: делопроизводителем у инвалидов, разборщика архива Облоно, жил впроголодь; свои книги и некоторые материалы (письма Жуковского⁴¹), автографы писателей⁴² он уступил И.И. Власову⁴³.

Скончался он скоропостижно, под вязанкой дров, перенося их из сарая домой, 27 февраля 1933 года⁴⁴.

Для автотуриста, одним глазом созерцающего достопримечательности «Золотого кольца», другим – черпающего знания из глянцевого буклета «Малые города России», может быть, и не важно, когда появился первый музей в Шуе⁴⁵. Но в экспозиции краеведческого музея его «curriculum vitae» должна быть достоверной и начинаться с даты – 1 октября 1919 года.

¹ Овсянников А.Н. Из школьных лет К.Д. Бальмонта – история увольнения его из Шуйской гимназии (1884) // Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Изв.-Возн., 1926. С. 69-77. Автор пользовался секретными материалами из архива Шуйской гимназии, позднее утраченными, и воспоминаниями Меморского Николая Ивановича (1850-?), в 1883-1904 гг. инспектирующего преподавателя Шуйской гимназии, с сентября 1904 г. директора Егорьевской прогимназии.

² Овсянников Николай Николаевич (1834-1912) – педагог, историк, краевед. Происходил из мелкопоместного дворянства Казанской губ. После окончания филологического факультета Казанского ун-та, служил преподавателем истории в учебных заведениях Н. Новгорода (1855-1881), директором Калужской (1882-1887) и Тверской (1887-1891) гимназий. Выйдя в отставку, жил в Твери. Автор «Учебника всеобщей истории в трех concentрических курсах». Т. 1, 2. (1866), «Истории французской революции» (1873) – не пропущена цензурой и многочисленных статей на педагогические, исторические, литературные и др. темы.

³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.255. Оп.1. Д.101. Л.64.

⁴ Анненков Иван Александрович (1802-1878) – член Северного о-ва, приговорен к 20 годам каторги. После возвращения из Сибири – нижегородский земский деятель, с 1861 г. губернский предводитель дворянства.

⁵ Безобразов Владимир Павлович (1828-1889) – экономист, публицист, академик. Автор трудов по экономике Средней России.

⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1971. Т. 3. С. 436. Владимир Ильин – псевдоним Ульянова Владимира Ильича (1870-1924).

⁷ См. п.3.

⁸ Замысловский Егор Егорович (1841-1896) – историк, чл.-корр. АН (1888), проф. Петербургского ун-та.

⁹ Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829-1897) – историк, академик (1890), с 1865 г. проф. Петербургского ун-та. В 1878-1882 гг. возглавлял Высшие женские курсы. Автор труда: Русская история. Т. 1, 2. (1872-1885).

¹⁰ См. п. 3.

¹¹ Стромилев Николай Семенович (1842-1895) – владимирский краевед, библиограф, составитель библиографии «Володимирщина». Роспись печатного и изданного о Владимирской епархии и губернии. Влад., 1884 г.

¹² Овсянников Николай Николаевич (1868-1914) – офицер, до войны служил в полку, расквартированном в Рыбинске.

¹³ По преданию, написана в Корсуни в 993 г. и является копией образа, писанного евангелистом Лукой. Хранилась в Успенской церкви Благовещенского монастыря в Н. Новгороде.

¹⁴ Ягич Игнатий Викторович (Подл. имя Ватрослав, 1838-1923) – филолог-славист, палеограф, академик (1881), проф. Петербургского ун-та. Сделал сообщение о работе А.Н. Овсянникова на заседании в АН.

¹⁵ Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий, 1863-1936) – духовный писатель, ректор Московской и Казанской духовных академий, в 1900-е гг. епископ Вольнский и Житомирский, после революции эмигрант. Оппонент Л.Н. Толстого, предлагал С.А. Толстой свои услуги в том, «чтобы воздействовать на Льва Николаевича и спасти душу его от вечной гибели» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С.121).

¹⁶ Голубинский Дмитрий Федорович (1832-1903) – проф., духовный писатель, сын философа и богослова Голубинского Ф.А.

¹⁷ Толстой Михаил Владимирович, граф (1812-1896) – писатель. автор книг «Жизнь и чудеса св. Николая Мирликийского» (1840), «Рассказы из истории русской церкви» (1870) и др.

- ¹⁸ Ключевский Василий Осипович (1841-1911) – историк, академик (1900), проф. Петербургского ун-та, автор «Курса лекций по русской истории».
- ¹⁹ Тихон, митрополит (в миру Василий Иванович Белафин, 1865-1925) – московский патриарх, в 1917 г. возведен Поместным собором на Патриарший Престол.
- ²⁰ А.О. <Овсянников Алексей>. О Всероссийском соборе // Шуйские известия. 1917. 5, 10 сент. № 112, 116.
- ²¹ ГАИО. Ф.255. Оп.1. Д.101.
- ²² Звездин Николай Александрович (1886-1966) – врач, краевед. В 1909 г. окончил юридич. фак-т Моск. ун-та, в 1909-1914 гг. учился в Петерб. Военно-медицин. Академии и на медицинском фак-те Юрьевского ун-та. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1923 г. вернулся в Шую. Автор многих неопубликованных работ по краеведению, среди них и набросков биографии А.Н. Овсянникова, использованных в настоящем очерке.
- ²³ ГАИО. Ф.255. Оп.1. Д.101. Павлов Михаил Алексеевич (1846-1915) – шуйский купец, фабрикант, благотворитель.
- ²⁴ Бурьлин Дмитрий Геннадиевич (1852-1924) – иваново-вознесенский фабрикант, коллекционер. В 1914 г. открыл на основе своих коллекций Музей промышленности и искусства. В послереволюционные годы национализирован и преобразован в Губернский краеведческий музей.
- ²⁵ РГАЛИ. Ф.94. Оп.1. Д.14. Л.3. Вихрев Ефим Федорович (1901-1935) – журналист, писатель, в 1925 г. переехал в Москву. Автор книги «Палех» (1930 г.) и др.
- ²⁶ ГАИО. Ф.255. Оп.1. Д.101.
- ²⁷ Мих. А. – псевдоним Артамонова Михаила Александровича (1888-1958) – поэта, журналиста. В начале 1922 г. он переехал из Иваново-Вознесенска в Москву. Был корреспондентом «Известий ЦИК и ВЦИК» и «Рабочего края».
- ²⁸ А.О. <Овсянников Алексей>. Шуйское научное общество // Рабочий край. 1923. 11 дек. № 277.
- ²⁹ А.Н.О. <Овсянников Алексей Николаевич>. Декабристы. Пестель и Шуя // Рабочий край. 1924. 1 февр. № 26.
- ³⁰ Фрунзе Михаил Васильевич (1885-1925) – в 1924 г. зам. Председателя РВС и Наркома по военным и морским делам СССР.
- ³¹ А.О. <Овсянников Алексей>. Общество краеведов // Серп и молот. Шуя. 1924. 6 мая. № 7. (Указано Е.С. Ставровским).
- ³² <Б.п.>. Шуйское научное общество // Там же. 7 авг. № 33.
- ³³ М.К. <Камнев Михаил>. Об обществе краеведения // Там же. 16 авг. № 37. Камнев Михаил Семенович (1869-1930) – врач, пред. Шуйского отделения Ив.-Вознесенского о-ва краеведения. Автор статей по санитарии, краеведению, языкознанию.
- ³⁴ Серапихская Валентина Васильевна, участница шуйского народолюбческого (у других авторов «противоправительственного») кружка 1880-х гг. В 1891 г. уехала из Шуи. 13 сентября 1924 г. выступила с воспоминаниями на заседании общества краеведения.
- ³⁵ Ф.З-в. Еще об «Обществе краеведения» // Серп и молот. 1924. 7 окт. № 59.
- ³⁶ Камнев М. В защиту музея // Там же. 16 сент. № 50. В статье упоминаются работы художников: Маковского Владимира Егоровича (1846-1920), Айвазовского Ивана Константиновича (1817-1900), Шишкина Ивана Ивановича (1832-1898), Клевера Юлия Юльевича (1850-1924), Лагорио Льва Феликсовича (1827-1905), Сверчкова Николая Егоровича (1817-1898), Крачковского Иосифа Евстафьевича (1854-1914), Клодта Николая Андреевича (1865-1918), Лемоха Кирилла (Карла) Викентьевича (1841-1910), Шильдера Александра Николаевича (1861-1919), Тропинина Василия Андреевича (1776-1857).
- ³⁷ Коллекция живописи музея была передана в Губмузей. В каталоге «Ивановский областной художественный музей...» Л., 1963 г. указаны работы подавляющего большинства из названных выше художников, а также «Этюд» И. Левитана с пометой: «Из Шуйского музея 23 окт. 1924 г.»
- ³⁸ Григорьев Петр Алексеевич (1841-1891) – профессор Петровской сельскохозяйственной академии, в 1887-1891 гг. директор Иваново-Вознесенского реального училища.
- ³⁹ Ноздрин Авенир Евстигнеевич (1862-1938) – гравер, поэт, журналист, во время всеобщей стачки 12 мая - 1 июля 1905 г. председатель Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов.
- ⁴⁰ Ноздрин А.Е. Дневник. Литературный музей ИвГУ.

- ⁴¹ Речь идет о письмах поэта Жуковского Василия Андреевича (1783-1852) к нижегородской даме Дороховой М.А. (См.: Овсянников Н.Н. К биографии Жуковского (Неизданные письма его к М.А. Дороховой) // Исторический вестник. 1895. № 3. С. 934). Автографы писем хранились у А.Н. Овсянникова.
- ⁴² В фонде Власова И.И. в РГАЛИ хранятся письма к Овсянникову Н.Н. Грота Я.К. (1862 г.) и Кизветтера А.А. (1901 г.) / РГАЛИ. Ф.1884. Оп.1. Д.7. Л.90,91.
- ⁴³ Власов Иван Иванович (1880-1943) – присяжный поверенный, журналист, краевед. В 1910 г. переехал из Москвы в Иваново-Вознесенск. В ноябре-декабре 1917 г. издавал газету «Русский Манчестер».
- ⁴⁴ ГАИО. Ф.255. Оп.1. Д.1157.
- ⁴⁵ «Краеведческий музей, возникший в 1968 году как народный...» // Шуя. М.: Панъинтер, 1999. <С.16> (Малые города России). Анонимные составители буклета пользовались литературой о Шуге местных авторов. В ней лишь однажды, в числе краеведов упомянут А.Н. Овсянников (Бородин Г.А. Шуя. Путеводитель. Ярославль. 1973. С.62.)

Н.А. МОЛЧАНОВА
(г. Иваново)

К ИСТОРИИ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ К.Д. БАЛЬМОНТА

В нашей заметке речь идет о неопубликованном стихотворении «Пробуждение» (1924). Прежде чем воспроизвести его текст, необходимо рассказать историю о том, как оно было получено, правда, не в рукописи, а в копии, но это не так существенно в данном случае.

Стихотворение прислала П.В. Куприяновскому его бывшая студентка, выпускница 1974 года Наталья Павловна Копанева (тогда, в 1974 году, еще Наташа Чернышова). Шел первый год преобразования Ивановского пединститута в университет, надо было позаботиться о подготовке новых кадров преподавателей. По заданию ректората Павел Вячеславович как заведующий кафедрой подобрал трех выпускников для стажировки и прохождения аспирантуры в Ленинградском университете, который шефствовал над ИвГУ. Их приняли на кафедру истории русской литературы. Все трое успешно окончили аспирантуру и защитили диссертации на степень кандидата филологических наук. Наташа Чернышова вышла замуж, осталась в Ленинграде и стала работать в научных учреждениях города. По заданию Санкт-Петербургского фонда имени М.В. Ломоносова и Эрмитажа она ездила в командировку в Голландию, где изучала Архив Общества охранения русских культурных ценностей при Международном институте социальных наук, находящемся в Амстердаме. По договоренности с институтом, она подготовила и организовала в Петербурге выставку материалов Архива, описала их и выпустила каталог под названием «Из истории русской эмиграции» (1995).

Зная, что П.В. Куприяновский занимается изучением жизни и творчества Бальмонта и интересуется культурой русского зарубежья, Н.П. Копанева прислала ему каталог и копию обнаруженного ею стихотворения «Пробуждение» (надо заметить, что она первой разобрала названный выше Архив). К рукописи стихотворения, как она сообщила, была приложена записка следующего содержания: «Передаю Обществу Охранения Русских Культурных Ценностей в Париже. Сергей Лифарь. 15 июня 1956».

Сергей Михайлович Лифарь (1905-1986) – известный русский хореограф, некоторое время работал в парижской Гран Опера, руководил балетной студией Русской консерватории в Париже. Известен он и как меценат, собиратель и хранитель культурных ценностей России и русской эмиграции. Требуется пояснить, что Архив Общества охранения русских культурных ценностей, основанный в послевоенном Париже по инициативе Дмитрия Павловича Рябушинского, в свое время в значительной своей части был передан на хранение в Амстердам.

Теперь о стихотворении «Пробуждение». Оно посвящено Шошане Авивит, в прошлом актрисе Еврейского театра в Москве, переехавшей в Париж и вышедшей замуж за актера театра Комедии Франсэз Даниэля

Лекуртуа. Дружба и содержательная переписка Бальмонта с Шошаной Авивит падает на 1924–1926 годы. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 374. К. 15. Ед. хр. 45) хранятся фотокопии писем Бальмонта за этот период. В них немало ценных свидетельств, относящихся к жизни и творчеству поэта. Приведем, к примеру, такие сведения из письма 1924 года: «Я читаю без затруднения на языках: французском, английском, немецком, польском, испанском, итальянском, шведском, норвежском, португальском, латинском. Прикасался к египетскому, еврейскому, китайскому, японскому и языкам Мексики, но, к сожалению, слишком поверхностно, занимался еще грузинским и кое-как разбираюсь в греческом. Лепетал я, в путях, по-сомалийски и по-малайски. Все это богатство манит, но тяготы жизни мешают мне изучать столько, сколько хочу. Мне бы очень хотелось изучать еврейский, арабский и египетский по-настоящему».

К сказанному Бальмонтом следует добавить, что во второй половине 20-х гг. он усиленно изучал литовский и славянские языки и переводил с них.

Что касается стихотворения «Пробуждение», то оно выдержано в стиле любовной лирики, свойственной поэту. Оно не единственное, посвященное Шошане Авивит. В рижской эмигрантской газете «Сегодня», в которой поэт активно сотрудничал, напечатаны три стихотворения с пометкой «Шошане Авивит»: «Сестра» («Торопит час. Пора, Пора...»), «Ты одна» («Ты одна за синими горами...»), «Ты была передо мною, как алый цветок...». Публикация стихотворения «Пробуждение» неизвестна. Всего скорей, оно нигде не печаталось, так как извлечено Н.П. Копаневой из неразобранного и неопищенного архива. За сообщение его П.В. Куприяновский выразил ей благодарность.

Текст этого стихотворения завершает нашу заметку.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Шошане Авивит

Моя любовь. Моя мечта.

И даль дальнейшая. И близь ближайшая.

Стремнина. Срыв. И высота.

И в сердце музыка. Мольба тишайшая.

Ты вдруг приходишь. Пуст мой дом.

Я буква мертвая. Стеснен страницами.

Но, чу, не умер в сердце гром.

Я схвачен тайнами и огневицами.

Под ветром отомкнулась дверь.

Как много сумраков на небе скручено.

Ты шепчешь: «Верю. Милый. Верь».

В сознаны яркая горит излучина.

Ты никнешь ласково ко мне.

Ты манишь в области такие синии.

Две искры мы в одном огне.
Мы два светильника в единой Скинии¹.

1924

Золотое утро 21 августа

¹ Скиния – по-гречески, шатер. Согласно библейскому преданию, переносной храм в шатре, который был у древних евреев до постройки храма в Иерусалиме.

П.С. ДУБРОВСКИЙ
(г. Шуя)

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА СОВЕТСКОГО ПАЛЕХА

Мы уже привыкли к тому, что при произнесении слова «Палех», в нашем воображении возникают яркие и в то же время строгие и чопорные картины, которые подспудно уводят наше сознание от окружающей действительности, и мы помимо своей воли погружаемся в мир сказки, былины и фантастического запределья. Однако мало кто знает, когда канонизированное иконописное искусство превратилось в черно-лаковую сказку. Перелистывая еще в юности академические издания профессора М.А. Некрасовой «Палехская миниатюра», работы патриарха палехской живописи Н.М. Зиновьева «Стилистические традиции искусства Палеха» или фундаментальную работу об истории дореволюционного и советского Палеха «Палех» В.Т. Котова, я, тем не менее, нигде не обнаружил ссылку на то, чем же собственно начался новый период в истории Палеха. Впоследствии этот интерес то возникал, то затухал под натиском повседневной работы, но загадка осталась.

Что же известно по этой тематике из официальных источников? В книге М.А. Некрасовой «Палехская миниатюра» говорится: «...в 1923 году по инициативе А.В. Бакушинского в Палехе предпринимается несколько опытов росписи деревянных изделий с использованием иконописных традиций... В эти же годы в Москве в бывшей иконописной мастерской палешанина А.А. Глазунова, велись аналогичные поиски. Но работавший там мастер, в будущем известный художник И.И. Голиков, выбрал для применения иконописной техники не дерево, а папье-маше, опираясь в этом случае на опыт села Федоскина - видный очаг росписи по лаку в России»¹.

Историк и исследователь творчества Палеха А.В. Бакушинский в своей книге «Искусство Палеха» пишет: «Новую историю Палеха можно начать с стиля работ 1923 года, когда новая техника и новый материал – папье-маше – были преодолены и стали свободно подчиняться творческому замыслу. ...Типичным образцом служили: «Игра в шашки» Голикова, «Свадебный пир» Маркичева, «Девушка у моря» А.В. Котухина»².

В книге «Палех» В.Т. Котова приводится следующее: «...в 1922 оказавшись в Москве И.И. Голиков, увидев в Кустарном музее лукутинскую роспись черной шкатулки из папье-маше, исполненную в реалистической манере масляными красками, сделал роспись пластины, но в иконописной манере и технике»³.

Наверное, наиболее точно о первой работе сказано у народного художника СССР Н.М. Зиновьева: «В 1923 году в Москве, в мастерской бывшего хозяина иконописной мастерской А.А. Глазунова (тоже палешанина), И.И. Голиков положил начало советской палехской миниатюрной живописи, наметив ее основные черты, чем по существу открыл путь новому искусству. Он написал на донцах черных

фотографических ванночек (папье-маше) твореным золотом и серебром декоративный пейзаж (переработку библейской иллюстрации Г. Доре «Рай») и уже вполне самостоятельную композицию в цвете «Пахарь»... Техника в произведениях Голикова была применена иконописная (темпера, твореное золото), иная, чем в Лукутине (ныне Федоскино), - там писали маслом. Эти работы Голикова положили начало новому палехскому стилю»⁴.

Настораживало разночтение в датах, поэтому я решил поискать более достоверные источники. К сожалению, в Палехском музее лаковой миниатюры ничего сверх перечисленных работ мне дать не смогли, и я решил найти первоисточники и нашел их. Что может быть более достоверным, чем рассказ самих «малограмотных»⁵ художников, не заинтересованных в фальсификации и искажении фактов?

У меня случайно оказалась в руках удивительная книга об истории Палеха, написанная самими художниками о себе, о своей жизни, об истории и выживании в сложнейших условиях послереволюционного периода, когда древнейший промысел остался не у дел и новое государство далеко не сразу повернулось лицом к «богомазам» и «изографам». Собственно материал для книги собрал и отредактировал «сочувствующий Палеху» писатель Ефим Вихрев. Впоследствии он написал еще несколько книг о Палехе, но эта книга - редкий и уникальный источник информации более не издавалась.

Начнем с неточностей. Считается, что все началось с «легендарной фотованночки», на которой Голиков написал «сюжет» понравившийся в Кустарном музее. Однако, по данным ученого и краеведа О. Переверзева, полученным от вдовы А.А. Глазунова Варвары Александровны, «одной из лабораторий этих поисков становится иконописная мастерская А.А. Глазунова, который еще в предвоенные (1914 г.) годы пробовал расписывать изделия из папье-маше (пасхальные яйца Вишняковской фабрики)»⁶.

Наиболее раннюю «Историю артели древней живописи» записал ее первый председатель Александр Иванович Зубков. Он пишет: «Начиная с июля месяца 1918 года палешанам приходится изыскивать новые пути для существования, так как всех богов революция разогнала и наше иконописное дело стало никому не нужным. ... Палех жил впроголодь. Питались льняными и подсолнечными жмыхами, ракушей (гречневая оболочка зерна), мололи сушеные овощи. Некоторые (художники) пошли на фабрику, в конторы, некоторые занялись сельским хозяйством, а большая часть организовалась в 1918 году в артель под названием «Первая палехская художественная декоративная артель». В эту артель тогда вошли и бывшие хозяева. Первые работы заключались в реставрации нескольких церквей, но вскоре работа замерла и артель распалась.

В 1920 году поступило предложение от Владимирского артсоюза, через Салапина А.В. (художник мастерской Софонова), начать новое дело: роспись деревянных изделий - всевозможных солонок, ларцов, ковшей, амфор, матрешек, шкатулок. Работа эта была дешевая.

С января 1920 года я состою членом первой палехской артели, а в дальнейшем работал и по росписи дерева. Эту работу выполнял не только Палех, но также Холуй и Мстера. Продукция выпускалась большими партиями. Владимирский артсоюз отправил первую партию этих изделий в Англию. Но когда она была доставлена туда, то оказалась в печальном положении: пройдя долгий водный путь, дерево испортилось, многие вещи расклеились, покоробились и рассыпались. Все изделия были забракованы»⁷.

О первых опытах И.И. Голикова Зубков пишет: «Наступил 1922 год. В то время в Москве работали отдельно Голиков и Глазунов. Они изыскивали, как и чем можно применить искусство живописи. ... К счастью, у Глазунова нашлась фотографическая ванна, сделанная из папье-маше. Они обрезали боковые возвышенные края и на образовавшейся на дне пластинке написали одним золотом «Охоту на медведя». Работу выполнял Голиков, но под руководством Глазунова»⁸.

Но наиболее достоверным источником информации все же надо признать самого Голикова. Небезынтересно, что родоначальники палехской лаковой миниатюры были родственниками, свояками. Вот что пишет О. Переверзев: «По палехской традиции жену Александр Александрович (Глазунов) взял на родине - дочь Василия Павловича Колесова, приказчика из деревни Юркино, Варвару. Трое сестер ее - Анастасия, Мария и Евдокия тоже вышли замуж за иконописцев: Ивана Ивановича Голикова, Александра Ивановича Зубкова и Александра Васильевича Котухина. Родственные отношения были в чести у палешан»⁹.

И.И. Голиков: «Наутро в Москве. Прихожу к свояку, А.А. Глазунову. ... На другой день свояк говорит мне: - Пойдем по музеям, поглядим, может на что подходящее наткнемся. Пришли в Кустарный музей. Рассматриваем папье-маше, лукутинскую живопись. Реальная копировка Маковского.

- Что, сумеем так написать?

- Отчего не написать, напишем.

Глазунов стал договариваться с заведующим музеем и заведующим магазином при музее относительно сырья. Но они знают что мы иконописцы.

- Нет, это дело не ваше, ничего не выйдет.

Так нам и не дали папье-маше. Но Глазунов вспомнил, что у него есть фотографические ванны из папье-маше. И тут же я начал работать. На первый раз стал писать только одними золотами - красным и зеленым и серебром. Я копировал с какой-то очень старой гравюры: много птиц, зверей и дерева. Задело меня самолюбие, что Кустарный музей не дал нам сырья, рассерчал на них и нарисовано было хорошо. Но лаком покрывать мы еще не умели.

Глазунов понес мою работу в музей. Приходит и говорит, что там понравилось. И в настоящее время эта вещь находится в музее.

... Написали три-четыре вещи для выставки и несколько вещей в музей: «Игра в шашки», «Деревенская гулянка», «Петухи» и много других. Все хранится в Кустарном музее»¹⁰.

Подводя итоги, можно сделать два основных вывода. Во-первых, Голиков первую свою работу по папье-маше копировал с гравюры на библейский сюжет «Адам в раю», а не «Охоту на медведя».

Во-вторых, эта работа была сделана в 1922 году, а не в 1923.

Можно сделать и третий вывод: внутренняя, духовная подготовка для выхода иконописной техники в «мир» началась как минимум до первой мировой войны, а не в советское время, и не в Палехе, хотя палешанином по крови и происхождению.

¹ Некрасова М.А. Палехская миниатюра. Л.: «Художник РСФСР», 1978. - С. 89.

² Бакушинский А.В. Искусство Палеха. М.: - Л.: «ACADEMIA», 1934. - С. 131-132.

³ Котов В.Т. Палех. М.: «Изобразительное искусство», 1975. - С. 9

⁴ Тихомирова М.А. Николай Михайлович Зиновьев – художник Палеха. Л.: «Художник РСФСР», 1987. - С. 20.

⁵ Вихрев Е. Палешане. М.: «Московское товарищество писателей», 1934. - С. 9.

⁶ Переверзев О. «Мы – Тереховские...», Иваново, «Рабочий край», 5 апреля 1995 г.

⁷ Вихрев Е. Палешане. М.: «Московское товарищество писателей», 1934. - С. 34, 35.

⁸ Там же. С.36

⁹ Переверзев О. «Мы – Тереховские...», Иваново, «Рабочий край», 5 апреля 1995 г.

¹⁰ Вихрев Е. Палешане. М.: «Московское товарищество писателей», 1934. - С. 87, 88.

НЕКРАСОВЫ, ЗАКРЕВСКИЕ, СМИРНОВЫ...

Нынче мы нередко думаем: «С знаменитым поэтом Некрасовым все ясно». И основания для этого есть: полнота текстов, изученность литературных связей и биографии, неизбежность места в истории отечественной культуры. И, вместе с тем, откуда-то из подсознания всплывает: «Но ведь Достоевский, еще в молодые годы познакомившийся с Некрасовым, впоследствии считал его загадочным человеком. Считал и соответствующие подтверждения приводил». А что сейчас? Возможны ли загадки и разгадки в XXI веке? Одна из них, давно возникшая и давно дискутируемая, - рядом с нами.

Мокрым осенним вечером 2001 года в трубке моего домашнего телефона прозвучал незнакомый голос: «Смирнов Алексей Анатольевич». Последовавшая за этим серия разговоров и встреч похожа на напряженный приключенческий роман. В Иваново, а это - основное место разворачивавшегося действия - приехали сотрудники Некрасовского музея-заповедника в Карабихе и Некрасовской группы в Институте русской литературы Академии Наук, корреспонденты нескольких газет, мелькали телевизионщики. Статьи, небольшая телепередача и обстоятельный доклад на большой научной конференции в Костроме (декабрь 2001 года)... Все это так или иначе связано с городом Иваново, с живущими в нем тремя поколениями семьи, члены которой объявили нам, нашим современникам о своем, теперь уже далеко родстве с Некрасовыми. Впрочем, их, Смирновых, активность - не первая попытка утвердить и подтвердить родство. В их домашнем архиве хранятся датируемые серединой и последней третью XX века письма украинских краеведов (брак родителей будущего поэта возник в Каменец-Подольской губернии, там же, в селе Синьки, он родился) и ученых из Санкт-Петербурга, в частности, из Некрасовского музея на Литейном проспекте. В связи с последним ни в коей мере нельзя однозначно принять заключенный в одной из недавних статей вопрос о том, почему Смирновы «вдруг» дали о себе знать¹. Отнюдь не вдруг.

Обитательницы деревянного дома на земле, на одной из окраинных улиц Иванова, сестры - Алла Александровна Смирнова (осенью 2001 года ей было 95 лет) и Аза Александровна Вахновская (тогда ей было 90 лет), урожденные Лукашевич - родственницы Н.А. Некрасова по линии матери. Впрочем, Аза Александровна юридически так и осталась Лукашевич. Когда-то у жившего на «перекрестке» народов, языков, культур незначительного чиновника (титулярный советник) Андрея Семеновича Закревского родились и росли четыре дочери: Анна, Елена², Ефросинья, Юлия. По мере взросления они выходили замуж тоже за людей с небольшим или средним достатком, состоявших на службе. Александра (затем - Елена) Андреевна в 1817-м году вышла за поручика 28 егерского полка Алексея Сергеевича Некрасова. После

рождения двоих сыновей он подал в отставку и увез жену и детей в Ярославскую губернию. Одна из барышень Закревских – Юлия – вверила свою судьбу некоему Носачевскому. Их дочь – Наталья Григорьевна, двоюродная сестра поэта Некрасова, была впоследствии женой Владимира Лукашевича. Сын Натальи Носачевской и Владимира Лукашевича Александр, Александр Владимирович, стал отцом Аллы и Азы, внучек Юлии Закревской, внучатых племянниц знаменитого писателя. Одной из его дочерей – Клавдии, – волею судьбы брошенной в Санкт-Петербург и жившей там до 1932 года, довелось стать теткой Дмитрия Шостаковича. Бабушку, Наталью Григорьевну, помнит только старшая из живущих сейчас сестер. Но запомнившееся в нескольких слышанных нами ее рассказах не варьировалось: «среднего роста», «худощавая», «в черной косынке», «с чистыми линиями лица», «пожалуй, строгая (раньше ведь не было нынешней фамильярности в отношениях со старшими)», «угощала конфетами и фруктами из своего сада». Детей к бабушке привозили, то есть жили старшие Лукашевичи и их внуки не вместе.

В Иваново сестры приехали сравнительно недавно, после настоятельных рекомендаций детей и своих внуков – «чтоб быть поближе». Их детские годы, юность, часть «взрослой» жизни связаны с когда-то уездным городом Балта (в состав Балтинского уезда и входило село Синьки). Ведом сестрам и Немиров, совсем недавно считавшийся местом рождения Некрасова. Знают они и о Юзвине бывшего Винницкого уезда (там венчались Алексей Сергеевич и Елена Андреевна Некрасовы). Значительная часть жизни Аллы и Азы, как и их родителей, соотнесена с еще одним уездным городом той же губернии – Ананьевым³. После 1938 года, когда мужья были арестованы, сестры стали жить одной семьей.

Состоявшиеся в конце 2001 и начале 2002 года встречи с сестрами любопытны сами по себе и как возможность увидеть отражение истории в человеке, истории целого века. Вместе с тем, они вызывают раздумья об одной из самых больших загадок в биографии Некрасова как конкретного человека (о происхождении его матери) и дают весьма существенные толчки к объективному истолкованию весьма примечательного его произведения, ныне публикуемого под названием «Из поэмы “Мать”»⁴.

Еще при жизни Некрасова, даже на основании нескольких его откровений с приятелями и отдельных автобиографических (по виду) произведений, возникли две версии возможного решения этой загадки, условно обозначенных как «польская» и «малороссийская». История их сосуществования и борьбы концентрированно, точно, с некоторыми новыми дополнениями и уточнениями изложена Б.В. Мельгуновым⁵ и С.В. Смирновым⁶. «Польскую» версию в наши дни, отталкиваясь от встречи с родственниками по линии Закревских, отстаивает ярославский писатель Юлиан Надеждин⁷. Кроме того, он, как и его более ранние предшественники, опирается, правда, не цитируя, на давно известные по автобиографическим заметкам, ныне уточненные самопризнания Некрасова типа: «Бывая особенно

часто в Варшаве, он [Алексей Сергеевич. – Л.Р.] влюбился в дочь Закревского» или «красавица, образованная»⁸. Однако в наши дни все чаще встречаются (но Ю. Надеждиным не учитываются) утверждения о том, что поэт даже в самых, казалось бы, личных рассказах о жизни создавал биографию-легенду⁹.

Воспоминания сестер Лукашевич, пусть и не очень подробные (многое некрасовское даже для них было давно-давно), приносят заметные, по нашему мнению, подкрепления в пользу «русско-малороссийской» версии, обоснованной еще В.Е. Евгеньевым-Максимовым и закрепленной Б.В. Мельгуновым, С.В. Смирновым и другими исследователями. Например, в ходе нескольких бесед сестры точно, ничего не варьируя, рассказывали о находившихся на Подольщине селе Закревское, усадьбе и двухэтажном доме Закревских, где им в детстве приходилось бывать у кого-то из родственников. Тогда сильное впечатление на них произвела тщательно оберегавшаяся, занимавшая особое помещение большая библиотека. В их рассказах, отделенных один от другого определенными недельными, двухнедельными, а то и месячными интервалами, фигурировали названия тех населенных пунктов, где служил Алексей Сергеевич и где он познакомился со своей будущей женой. Эта широкая «география» позволяет оспорить мнение А. Тарасовой (см. упомянутую выше ее статью) о том, что родственницам известна только «хрестоматийная биография» (приводившиеся ими топографические названия совпали с тем, что ученым стало известно совсем недавно и о чем старушки прочитать, естественно, не могли). Их воспоминания вызывают и резонный вопрос о том, неужели польская семья (если принять эту версию) могла так активно освоить территорию Каменец-Подольской губернии, а сестры Закревские так легко найти мужей не польского происхождения?

При обдумывании того, что сестры вспомнили и рассказали, возникают сомнения в том, насколько мы правы в спорах о национально-генетических началах в родительской семье поэта. В шести поколениях семьи, о которых говорили сестры и что подтверждается позицией «молодых» Смирновых, доминантной являлась духовная жизнь. По данным В. Евгеньева-Максимова, Елена Андреевна, как и ее сестры, воспитывалась в одном из пансионов в Виннице, где было отлично поставлено преподавание языков, в том числе – польского, на котором говорили многие из местных дворян¹⁰. Вряд ли случайно Некрасов-художник, работая над поэмой о матери, вложил в руки своей героине в качестве дорогого памятного знака послание якобы от ее матери, написанное «то польским, то французским Порывистым и страстным языком» (233).

В ряду успехов сестер Лукашевич в годы обучения в гимназии (город Ананьев) отмечены их занятия латынью, особенно у Аллы. Но и впоследствии интерес к языкам для них немало значил. Так, старшая из них – Алла – в семидесятилетнем возрасте увлеклась изучением английского языка. Для Азы Александровны преподавание русских языка и литературы стало

профессией. Не исключается, эти интерес и склонность к языкам восходят к жившим на «перепутье» национальных судеб и культур Закревским. Кстати, сам поэт при попытках поступить в университет получил на экзамене по латыни «5», хотя и осваивал этот предмет совсем недолго, в короткие месяцы подготовки¹¹.

Конечно, никак не уложатся в состав «хрестоматийных» и рассказы сестер об их отце, Александре Владимировиче, одном из чиновников акцизного управления города Ананьева. Мало того, что он увлекался поэзией. В 1912 году он выпустил сразу два сборника стихов: «Песни мелькнувшие» и «Миражи». Однако важен для нашей ситуации не столько сам факт, сколько упреки в адрес автора в подражании Некрасову. Эти упреки, точнее, – разговоры о них, задержались в памяти Аллы Александровны. От неповторимых лет отрочества и впечатления о музыкальных вечерах в родительской семье: отец, Александр Владимирович, играл на скрипке.

И самое главное в том, что задержались в памяти, сохранены в ней почти в течение века стихи великого родственника о матери, о крестьянах, фрагменты любовной и философской лирики. Вследствие такого отбора и прочтения (изнутри семьи, – скажем так) у нас, собеседников, возникли дополнительные аргументы в пользу тех оценок, видения Некрасова-художника, которые складывались в образовательной и научной сферах в течение двух последних третей XX века. На возникшую в ходе одного из разговоров мою реплику о том, что сейчас часть читателей не любит Некрасова, Алла Александровна буквально вскинулась: «Как же можно его не любить?» – и попыталась объяснить свою позицию. На другой встрече она самоинициативно, без единой запинки прочла стихотворение «Внимая ужасам войны...». Примерно так же, но менее вдохновенно это чтение повторилось в тот день, когда о сестрах для Ивтелерадио снимался фильм.

Духовная доминанта, обращение к книге как другу и советчику крупно поданы в качестве одного из надежных семейных исходов и в написанных Некрасовым более ста лет назад фрагментах «Из поэмы “Мать”». И создательницей, и хранительницей этой доминанты выступает ее центральная героиня. Имя ее не упомянуто ни в основном тексте, ни в подготовительных материалах, ни в разночтениях, возникших при прижизненных и посмертных публикациях. В соотнесенности с протяженностью работы (не менее двадцати лет), с менявшимися названиями, с обстоятельной правкой на полях черновиков это позволяет думать, что у автора по отношению к каким-то позиционным вопросам, в частности, о степени документированности и документальности, была твердая линия. Не названо точно и место рождения матери рассказчика (правда, в письме матери героини есть реплика: «Позор! позор! мы басня всей Варшавы...» - 254). Везде идет речь о исчезающем в трудностях пристрастии героини к художественным произведениям. Она «сказывала сказки О рыцарях, монахах, королях» (256), она приобщала детей к музыке (257) и другим сокровищам мировой культуры, она привезла с собой книги, по некоторым вариантам, читала Данте, Шекспира (516, в более

поздних публикациях чтение этих авторов связывалось с поэтом-рассказчиком - 256). Якобы разбирая после ее смерти прочитанные ею книги, сын-поэт обратил внимание на ее записи: «Заметки на полях случайные читал: В них жил пыливый ум, вникающий глубоко» (257). Кстати, именно здесь уместен вопрос о языке книг и заметок. Очевидно, все было на русском (256), в тексте нет даже намека на знание сыном-рассказчиком другого языка. Оказавшись в «угрюмом и ненастном» краю, героическая женщина повернула свое сердце к более несчастным людям, стремясь вывести их, как и родных детей, из положения придавленности, поднять их душевное сознание – то есть вершила подвиг: «<...> двадцать лет подвижничества цепи Влачила ты» (258). В одном из набросков (на обороте корректуры ИРЛИ) была даже записана строка «Ты знала жизнь всегда с народной стороны» (516).

Думается, нет надобности искать в этом произведении все новые и новые реальные факты. Правильнее, не отрицая некоторых автобиографических основ, рассматривать его как произведение-легенду, где немало условного¹² и гиперболизированного, открываемого в реалистическом изображении социальной жизни, нравственных основ и быта определенной среды. Гиперболизированным кажется, в частности, изображение того, как осознает женщина, жена помещика средней руки, свободу личности, свободу народа, свободу общественной жизни и отчизны. Явно преувеличены, подняты на романтическую высоту понимание героиней собственной предназначенности (как неотступного творения добра и помощи) и авторская оценка этой предназначенности:

Ты не могла голодному дать хлеба,
Ты не могла свободы дать рабу.
Но лишней раз не ждало чувство страха
Его души, – ты то дала рабам, –
Но лишней раз из трепета и праха
Он поднял взор бодрее к небесам...
Быть может, дар беднее капли в море,
Но двадцать лет! Но тысячам сердец,
Чей идеал – убавленное горе,
Границы зла открыты наконец! (258)

Так непредвиденная встреча позволила в нашем конкретном случае еще раз убедиться в причудливости и неразрывности «сплетения» литературы и жизни. Так не лишенный конкретных биографических истоков образ женщины-матери в границах одного художественного текста трансформировался в образ «заступницы всех скорбящих»¹³.

¹ Тарасова Алла. Потомки Некрасова. – «Хронометр – Иваново». 2002, № 5, 29 января.

² При рождении и до замужества имела имя Александра. Перед венчанием приняла православную веру, стала называться Еленой. Часть современных исследователей считает, что какое-то время «бытовало и то, и другое имя с равными правами» (Смирнов С.В. Автобиографии Некрасова. – Новгород. 1998. С. 176.).

³ Подробнее см.: Красильников Григорий. «Трудный, страшный век». – «Рабочий край». 2001, № 242, 5 декабря.

⁴ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. – Т. 4. Л., 1982. С. 251-259. Ниже при цитировании по этому тому после приводимых строк в скобках указываются лишь страницы.

⁵ Мельгунов Б.В. Комментарий к произведению «Из поэмы "Мать"». – Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. – Т. 4. С. 617-620.

⁶ Смирнов С.В. Автобиографии Некрасова. – С. 172-176.

⁷ Надеждин Юлиан. Мать поэта. – «Северный край». 2001, 8 декабря.

⁸ Некрасов Н.А. Указанное издание. – Т. 13. СПб., 1997. С. 49-50, 50.

⁹ Смирнов С.В. Названное соч. С. 5-10 и др.

¹⁰ Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова. Т. 1. М. – Л., 1947. С. 67-68, 76.

¹¹ Некрасов Н.А. Т. 13. С. 47.

¹² Подробнее об условности сюжетной ситуации, характере героини и окружающих ее персонажей см.: Краснов Г.В. Последняя книга поэта. – В сб.: Некрасов Н.А. Последние песни. – М., 1974. – С. 259.

¹³ Считаю культ Матери изначально присутствующим в поэзии Н.А. Некрасова, ярославский исследователь Н.Н. Пайков назвал такие его основные ипостаси: «родимая», «женщина-мать», «родина-мать», «заступница всех скорбящих» (Пайков Николай. Феномен Некрасова // Избранные статьи о личности и творчестве поэта. – Ярославль, 2000. – С. 91).

О СКОЛКАХ, ВЯЗОНКАХ, ОЖЕРЁЛКАХ...

Во все времена одежда и украшения были одним из самых ярких проявлений отличия одного народа от другого, одной части населения от другой. Чем и как украшали себя наши, ивановские, женщины, молодость которых пришлась на 30-50 годы XX века? Это время, как известно, – не самое легкое в истории страны. Но какими бы трудными ни были времена, какой бы тяжелой ни была жизнь, женщина всегда стремилась быть красивой, украшать себя и свою одежду.

Украшениями могли служить предметы, выполнявшие, прежде всего, утилитарные функции, например, заколки и шпильки. В местных говорах их называют *сколками*, *колками*, *колоточками*, *приколками*, *наколками*, *зажимками*. Представим фрагменты записей, в которых говорится о них.

«Сколки-то сватья принесла красивы, даже с цветочком. А на голове как смотрится! Вообще была мастерица прически заделывать» (г. Южа). «Голову-то всё шпильками прибирали. Шпильки-то были железные и костяные, так вот костяные всё сколками звали, оне красивше были, но оне и дороже, у нас-то уж не было». «Сейчас много всяких красивых колоточек, а у нас **простые** были». «Мама зажимками убирала волосы» (г. Шуя). «Волосы-то закалывали больше гребёнкой, а которы **побогаче**, у тех и наковки были. Слышала, из черепах делают» (Шуйск.). «Помню, прищипали дюжинов колков мене да и в кокурки замотали; берут волосы на части, две косы плетут и обморачивают вокруг головы да и закрепляют» (г. Фурманов). «Наколкой закалывали волосы, чтобы не мешали при занятии делом. Мне мама часто говорила: «Заделай наколкой волосы, что ты как росомаха ходишь» (Г.-пос.). «Приколкой волосы прикалывают, чтоб петухов не было» (п. Петровский, Г.-пос.) «Наколкой я всё волосы закалывала: то кокуркой, то в косу заколю. В моё-то время наковки чаще всего деревянные были. Поначалу нам братья и парни их делали, а потом стали привозить откуда-то. Так те все резные были» (д. Дягилево, Пал.).

Волосы закрепляли и украшали лентами (*вязочками*, *завязками*): «В войну-то по две косы плели с ленточкам. Мама тоже носила две косы. И завязжут вязочкам, и кичку сверху» (д. Змеёво, Шуйск.); «Завязки-то всегда в косы вплетались, поэтому они и должны быть широкими и длинными. Уж больно красивы завязки из кружева, но их неудобно вплести в косу». «Чё-то нынче с завязками-то никто и не ходит. А как красиво-то было. Мы раньше без них никуда. Купишь себе красну, а у Нюрки синя, вот и орёшь матери, чтоб и тебе синю купила. А завязки-то чаще атласны были или кружевны. И дочка моя всегда с завязками ходила. А нынче все дети ходют – не пойми чё. Лохматы. А матери-то и заплетать путьё-то не могут» (Г.-пос.); «Завязок много было. У меня всё атласные. Вплетала я их в косу на праздник, а то и в простой день» (Пал.).

Самая обычная булавка тоже могла служить украшением (хотя, конечно, это не основная её функция). Булавку называют *притычкой* (Пуч.) и *приколкой* (Шуйск.): «Заколешь платок-от, бывало, на притычку, и больно голове-то ловко»; «А мы булавки-то приколками всё звали. На улицу пойдёшь, вот и приколешь или шаль, или воротник поглуше»; «На праздники брошки разные прикалывали, приколлки с цветами да камнями». Большую булавку в Шуйском р-не называют *сколкой*: «А мы сколками-то называли булавки, такие большуче-нные были, у мамы я видovala, сейчас таких нет».

Как видим, в рассказах пожилых ивановских женщин – не только интересные диалектные слова, в них отражается эстетический вкус местных жителей, уважение к традициям, а иногда – нетерпимое отношение к новым веяниям моды.

Женщины носили и продолжают носить бусы. В ивановских говорах их называют так: *бусы*, *бусо'чки*, *бу'ски*, *бу'сельки*, *подвески*, *нанизь*, *ошейничек*. Представим фрагменты рассказов об этом украшении: «Края-то наши бедны были, буски мало кто носил, не до их тогда было. Первые-то я себе после войны купила. Ох уж и рада была! Помню, оне у меня сине были. Бусина размером с ноготь. Модны оне были. Каких только не было: и больши, и совсем маненьки, размером с семечко» (Г.-пос.); «Украшения-то у нас мало у кого были. А меня отец баловал: бусы' двурядные подарил – ни у кого таких не было»; «Да **понаделываем** бусо'чки из рябины, клюквы или брусники»; «Не-е, у меня окромя буселек из рябины вообще ничего не бывало, пока молодой была» (Шуйск.); «Да, название само по себе непростое. Но ведь носили около шеи. Ошейничек был у меня простой, застёгивался сзади» (Пал.). Бусы из мелких бусинок и бисера в Гавриловопосадском, Южском и Шуйском р-нах назывались *змейками* («А змейки-то – оне из манюсеньких-манюсеньких бусинок сделаны, длиннюще. Чтоб одеть, надо в два ряда свернуть. Змейки-то, оне все ярких цветов были. Не-е, у меня их не было, чё-то не любила я их»). Жительница д. Сенино Шуйского р-на Л.С. Заблудина рассказывает о том, что был в их деревне мастер Ермаков, который изготавливал из трёхкопеечных монет на продажу *денежные бусы* (монисто). Впрочем, монисто – ожерелье из монет, – по мнению наших собеседниц, «наши бабы не носили, их носят цыганы, да туркмены, да нерусски всяки».

Интересно шейное женское украшение в виде полоски ткани, расшитой, например, бисером, бусинками, пуговицами, украшенной вышивкой. Его называют *поджерельком* (Вич., Шуйск.), *ожерельником* (Шуйск.), *ожерёлком* (Юж.), *монистой* (Г.-пос.). Кто-то даёт описание этого украшения, никак его не называя. И описывается оно по-разному: «На черном фоне по краям всё узоры золотой нитью расшиты, а в сердёжке – цветы из бисера сделаны. Тут мастерство нужно, не каждая девушка сможет такое украшение сделать»; «Была у нас **богачка** одна, у них две коровы были, вот у её поджерелок, помню, был, украшенный какими-то красными бусинками. Красивый!»: «У нас такого не было, а у других я видovala. На белой материи нашицы белые бусериночки. Оне на свету-то

отсвечивали по-разному» (Шуйск.); «Из тонюсеньких, махоньких обрезков <ткани> разными-то всё цветами плели косицы, шейны таки. Мастерицы были и таки средь девок наших. В них еще нити с бусинам вплетали. Звались-то как, уж не упомяну»; «Были эти таки ровны полосочки, всё лучше, чтоб из ткани такой плотной. Всё они были расшиты разными вышивками, крестом, расписные получались, цветистые. Сзади на шею-то завязками вязались али на махоньку копеешину пуговку» (Юж.); «Монисту у нас мама носила. Она её сама вышивала: брала полосочку ткани, кружева, обшивала её и пришивала на неё бисер» (Г.-пос.); «Было и другое украшение: наподобие тряпочки из чёрной тюли с восьмиугольными и шестиугольными бусинками. Но как они назывались – не помню» (Прив.).

В литературном языке есть слово *ожерелье* 'украшение из драгоценных камней, жемчуга и т.п., надеваемое на шею' [7, т. 2, с. 599], которое в древнерусском языке было многозначным. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» названы следующие его значения: 'ворот, прорез для горла в одежде', 'оплечье риз и стихарей', 'воротник различного вида и назначения: украшение (преимущественно из жемчуга, иногда золота с драгоценными камнями, на текстильной основе), имеющее вид воротничка, ошейника, а также иной формы; парадное плечье царей (бармы); пелерина' [8, вып. 12, с. 299]. Именно воротник, по мнению исследователей, – «предок» современного ожерелья. «Пристёгивающийся расшитый воротник со временем превратился в самостоятельное женское украшение, сохранившее за собой его название» [1, с. 183-184].

В местных говорах слово *ожерелье* используется в значении 'сборки у ворота женской рубахи' («Строченное ожерелье на верхнике из разных ниток считалось самым **богатым** приданым невестки» - Вич.) и 'воротник' («Шили рубахи, к которым пришивали воротники, а назывались они ожерельем» - Шуйск.). Известно также слово *ожерёлок* 'сборки у ворота женской рубахи' («На нитку возьмёт, иголкой обмечет кругом, сколько шея захватит, и обшьёт глухим воротом – это и есть ожерёлок» - Тейк.). В Верхнем Ландехе «ожерёлок – это бусы, чаще всего маленькие, делали их из рябины, их носили взрослые».

Слова с этим корнем зафиксированы в разных русских говорах и называют они разные реалии. Так, *ожерёлок* – это и воротник, и меховой шарф, и бусы, и часть конской выездной сбруи, и ошейник, и галстук, и шейный платок и др. [6, вып. 23, с. 76-77; 10, с. 37; 4, с. 187]. Употребляются также слова *ожерёлка* 'нагрудное украшение – род ожерелья из бисера' и *ожерёлко* 'украшение по вороту рубахи', 'ожерелье'. В ярославских говорах – *ожере'лька* 'ворот мужской рубахи', *ожерольник* 'бубенцы на лошади' [10, с. 37], *жсере'лок* 'стоячий воротник у рубахи' [9, с. 45]. В южнорусских говорах слово *жсерелок* является многозначным: так называют бусы, узор из бус вокруг горловины, ошейник животного и др. [4., с. 187]. В псковских говорах *ожсерелок* – это наименование воротника, а *ожсерелье* – воротника у шубы [3, с. 89-92].

Все эти слова образованы от *жерело*. В словарях современного русского языка оно не отмечено, но в говорах встречается в значениях 'горло', 'гортань' [1, с. 181]. Это значение было у слова в древнерусском языке [5, т. 3, с. 250]. Исследователи считают, что в говорах оно употреблялось и в значении 'передняя часть шеи, заключающая в себе гортань'. Это метонимическое значение выступило как мотивирующее для местных слов *поджерелок*, *ожерёлок*, *ожерельник*, называющих шейное украшение. Мотивировка его вполне прозрачна: украшение «прилегает к горлу, жерелу, охватывая и покрывая его» [1, с. 181]. Используя определение В.И. Даля, скажем, что слова с корнем *жерело* называют «всякого рода ошейник, что лежит вокруг шеи» [2, т. 2, с. 657].

Еще одно шейное украшение – цепочка. В местных говорах её называют *це'пкой*, *це'почкой*, *прицепкой*: «У меня вот была серебряная цепка, которую я любила надевать на праздники» (Г.-пос.); «Вона сейчас мужикито нацетили на шею цепки золотые, небось, аж в палец толщиной»; «Цепку хорошо уделали» (Шуйск.). На цепочке сейчас принято носить нательный крестик, раньше же носили на льняной нити, *плетешке* (Шуйск.). На цепочку крестики тоже надевали, «но уже только под одеждой носили, ближе к сердцу. Это сейчас мода пошла – кресты золоты, как украшение, поверх одежды носят, а раньше такого не было» (Шуйск.).

Многие из представленных диалектных записей свидетельствуют о том, что наши женщины – рукодельницы (*рукодельные*, *рушные*). Эту мысль иллюстрирует рассказ А.П. Денисовой, 1935 года рождения: «Тот, кто **побогаче**, носили дорогие кольца-то, а мы-то девчонками еще наберём берёзды, нарежем её полосочками, свернём как колечко. Потом дырочки от так, шилом ли, иголкой сделаешь и туда то два, то три голозка разноцветных. Красиво получалось! А на свадьбу делали невесте венчик с цветочками. А осенью шапочки свадебные. Из бумаги сначала, а потом украшали листочками клёна, дуба, рябины. Или от ещё тоже из бумаги короны делали, а к ней кудри, тоже бумажные. От берёшь полосочку – и на карандаш наматаешь, и оно получается как кудри» (Шуйск.). Из рассказа К.Ф. Козиной, жительницы Шуи: «Бусеринки-то у матери от кофты отпарывали. Делали кольца, браслеты. Оне белые, а отсвечали от солнца, от огня. Были вроде стеклянных. У людей-то кольца золотые всякие, а у нас нет, вот мы и делали». О таком способе изготовления себе украшений говорит и Е.А. Бабаева: «Бывало, у матери от подола бусеринки отпарывали себе на бусы. У ней юбка была такая, с бусеринками на подоле. Мы отпорем да нанизаем и ходим» (Шуйск.).

Познакомившись с некоторыми украшениями, которые носили и продолжают носить жительницы Ивановской области, можно констатировать практичность местных женщин, с одной стороны, и стремление к красоте, заботу об эстетичности своего внешнего облика, – с другой. Украшения были всегда и остаются по сей день одним из способов социальной дифференциации. Наши собеседницы тоже отмечают это: какие-то виды

украшений, по их мнению, были признаком богатства, зажиточности, их имели немногие, другие – «простые», «простенькие» – использовались всеми. Многие из названных украшений продолжают носить современные женщины, другие же вышли из обихода. Это адекватно отразилось и на судьбе соответствующих наименований: некоторые из них активно употребляются и сейчас, другие – сохранились лишь в памяти пожилых людей.

1. Гришанова В.Н. Названия одного женского украшения в говорах Орловской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. – СПб., 1998.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1989-1991.
3. Жуковская З.В. Слова – названия одежды, обуви, головных уборов, рукавиц, украшений в нсковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994. – СПб., 1996.
4. Кошарная С.А. О названиях некоторых традиционных видов одежды, входящей в женский костюм Белгородской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. – СПб., 1998.
5. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10 т. Т. 3. – М., 1990.
6. Словарь русских народных говоров. – Л.-СПб., 1965-2000. Вып. 1-34.
7. Словарь русского языка: в 4 т. – М., 1981-1984.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1975-1994. Вып. 1-19.
9. Ярославский областной словарь. Дикарится – штык. – Ярославль, 1985.
10. Ярославский областной словарь. О – пито. – Ярославль, 1988.

В сборе материала принимали участие студенты историко-филологического факультета ШГПУ Семушина Е., Козина Е., Наумова И., Заблудина Н. (Шуйский р-н), Митягина Е., Дубова Л. (Гавриловопосадский р-н), Алимova О. (Палехский р-н), Соколова Л. (Южский р-н).

Принятые сокращения: Вич. – Вичугский р-н; Шуйск. – Шуйский р-н; Г.-пос. – Гавриловопосадский р-н; Пал. – Палехский р-н; Прив. – Приволжский р-н; Пуч. – Пучежский р-н; Тейк. – Тейковский р-н; Юж. – Южский р-н.

И.Н. ЗУДИНА
(г. Ковров)

«ХЛЕСТАКОВ» В КОВРОВСКОМ УЕЗДЕ

«Всякая великая национальная литература, — заметил писатель П. Паламарчук, — на протяжении своей истории создает какое-то число «вечных» образов, становящихся постепенно архетипическими»¹. С их появлением исчезает необходимость давать сложные определения кому-либо, изолируясь в стилистике. Можно лишь привлечь на помощь образный язык литературы — и указать: это тип Гамлета или, скажем, Обломова, или Дон Жуана. Пытаться назвать точное число таких «вечных» образов в мировой литературе, наверное, невозможно, да и бессмысленно. А вот объединяет их — считает П. Паламарчук — то, что все они давно уже сопутствовали человечеству чуть ли не с самого его возникновения — и только право первооткрывателя, выявления, так сказать, объявления того или иного «вечного» образа миру обычно принадлежит отдельному автору, а с ним и литературе его народа.

Н.В. Гоголь своей бессмертной комедией «Ревизор» ввел в мировую литературу такого героя. Он открыл миру Хлестакова, этакого оборотня, гуляющего по обширным пространствам империи, будоража и совращая заспанных обывателей. Хлестаков, по самой этимологии этого слова, есть «наглец, нахал», «шеголь и повеса», «подворный шатун и нищий от тунеядства»².

Н.В. Гоголь написал комедию в 1835 году. Тогда спектакль этот был про тех, кто в зале. Все персонажи пьесы могли сойти в зрительный зал, а их места занять любые зрители. Современная появлению комедии публика довольно быстро приняла образ Хлестакова прямо со сцены в свои ряды.

В 20-х числах января 1893 года Хлестаков объявился в Ковровском уезде. Сначала местом действия стало довольно большое и многолюдное село Филяндино, находящееся в 25 верстах от Коврова. Там и появилась неизвестная личность, выдававшая себя за губернского ревизора. Заявляясь в питейные и торговые заведения, лицо это требовало торговые документы, осматривало их, на некоторых ставило подпись «И. д. Податного Инспектора Владимирского Акцизного Управления П.И. Самохвалов». В случае каких-нибудь нарушений проверяющий делал замечание и под угрозой составления протокола требовал денежного гонорара. Привлекает внимание подпись «ревизора», которую тот ставил на документах. Фамилия скорее всего не настоящая. Подписываясь Самохваловым, он как будто насмеялся над простодушием и доверчивостью обывателей, давших себя одурачить. Мнимый чиновник министерства финансов благополучно проследовал через ряд волостей, побывав в довольно крупных населенных пунктах: с. Филяндино, д. Чертовики, с. Вознесенье, д. Ростилково, с. Быково,

с. Воскресенское, д. Григорово, с. Лежнево (ныне населенные пункты Ивановской области). Разъезжал самозванец на частных лошадях и направлялся якобы в Суздальский уезд для ревизии. В разных местах он выдавал себя то за губернского ревизора, то за помощника надзирателя, будто бы заменившего уехавшего из Ковровского уезда г. Долгово-Сабурова.

Наконец до реального господина Долгово-Сабурова, старшего помощника надзирателя, стали доходить слухи о подозрительной личности, посещавшей питейные и торговые заведения и бравшей с некоторых торговцев взятки. Наружность мнимого ревизора описывалась так: он был среднего роста, блондин, с маленькой бородкой, носил синие очки, форменную фуражку, имел при себе и барашковую шапку. Вследствие появившихся подозрений полиция Вознесенской волости стала разыскивать «ревизора». Хлестаков — так назовем нашего героя — узнав, а возможно, предположив, что его могут искать, закончил свою роль в селе Лежнево и бесследно исчез.

Все события подлинные. О них рассказали хранящиеся в Государственном архиве Владимирской области рапорты Ковровского уездного исправника и окружного надзирателя Владимирскому губернатору³. А самое грустное в этой комедийной истории, пожалуй, то, что Хлестаковы живут по сей день — образ-то вечный.

¹ Паламарчук П. *Казацкие могилы: Повести, сказания, художественные исследования.* — М.: Современник, 1990. — С. 336.

² Даль В.И. *Толковый словарь живого Великорусского языка.* М., 1994. Т. 4. — С. 550.

³ Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1067. Л. 1-3.

КАК В ПЛЕСЕ ПРО ЛЕВИТАНА ВСПОМНИЛИ

Предистория создания музея И.И. Левитана восходит к 20-м годам XX века, первым послереволюционным годам. В архиве Плесского музея-заповедника хранятся воспоминания об истории Плеса того времени Л.П. Смирнова, брата известного писателя, нашего земляка Н.П. Смирнова, где записано: «В 1919 году в Плес приехал Александр Фердинандович Мانتель с семьей и пытался организовать в Плесе музей, посвященный И.И. Левитану, но не встретил понимания местной общественности и властей».¹

Кто такой А.Ф. Мانتель? Каковы причины его появления в Плесе? Что он смог сделать в этом направлении?

А.Ф. Мانتель - человек непростой судьбы и многогранных дарований, чье имя незаслуженно забыто.

Родился А.Ф. Мانتель 7 февраля 1880 года в Шлиссельбурге. Предки его - немцы-кантонисты. Отец служил России в качестве инженера по строительству фортификационных сооружений.

Александр Фердинандович учился в Петербургской Императорской Академии художеств. Самый яркий и плодотворный период его творческой жизни связан с Казанью, куда он приехал в 1905 году. Интересен круг его знакомств: это художники, связанные с объединением «Мир искусства», известные архитекторы, исследователи, такие, как П. Рерих, Б. Кустодиев, Е. Лансере, Д. Митрохин, Бенуа, Билибин, Г. Лукомский, В. Перцов и др. Многие обязаны Мантелю тем, что он первый познакомил общественность с их творчеством. Так, первым он издает монографию «Н. Рерих», «Д. Митрохин» (Казань. 1913 г.) В 1910 г. А. Мантель издает альманах «На рассвете», там же в Казани альманах «Зилант», где впервые появились рисунки архитектора Г. Лукомского и статья А. Мантеля о художнике Судейкине.

А. Мантель в этот период предстает перед нами как личность многогранно одаренная: он и издатель, и искусствовед, и пропагандист искусства (выступает с чтением публичных лекций), и писатель (повесть «Сказки юности», СПб., 1909 г.), и как художник-график, мастер шаржей. Но об этом разговор особый.

Л.П. Смирнов указывает дату приезда А. Мантеля в Плес - 1919 год. Это вызывает сомнения, так как ряд фактов из биографии А. Мантеля свидетельствует о другом. Из семейного архива (жива дочь А.Ф. Мантеля Ольга Александровна, ей нынче исполнилось 85 лет) следует, что он в 1921 году вступил во второй брак, это произошло в Казанской губернии.

В 1920 году он участвует в Первой Государственной выставке науки и искусства в Казани как художник-график с тремя графическими работами.² В том же 1920-м году П. Дульский рекомендует Казанскому Наркомпросу

Мантеля в качестве агента Казанского подотдела по делам музеев и охраны памятников старины, отмечая «наблюдательный и чуткий талант этого ценителя всего молодого и талантливого». Т.е. в 1920-м году Манель еще в Казани. В 1923 году он работает в Плесе, тому есть подтверждение: в семье хранится книга с дарственной надписью: «Дорогому Александру Фердинандовичу от студентов Плесского сельскохозяйственного института. Февраль 1923 года». А в 1924 году он уже в селе Яковлевском, там у него в этом году родился сын от второго брака.

Очевидно, многие причины побудили Мантеля покинуть Казань и переехать именно в Плес. В Казани группа видных деятелей культуры и искусства вела очень активную деятельность по сохранению изъятых из усадеб художественных ценностей, в связи с этим возникали неизбежные конфликты с властями, в результате чего не только Мантелю, но и, например, В. Перцову, известному в Казани собирателю и исследователю, пришлось искать другое место работы. Причины личного порядка тоже немало важны.

Плес был интересен Мантелю в первую очередь тем, что этот маленький городок связан с творчеством И.И. Левитана, которого он считал «гениальнейшим барбизонцем», выделял его из среды «передвижников», к которым относился прямо-таки нетерпимо.

Творческие интересы связывают Мантеля с Б. Кустодиевым, а он, как известно, знал Плес и не только в Костроме и Кинешме черпал сюжеты для своих работ, но и в Плесе. Существует активная переписка этих людей. В 1909 году Б. Кустодиев выполняет два рисунка для книги А. Мантеля «Сказки юности», вышедшей в Петербурге.³

Как уже было сказано, первые рисунки архитектора, рисовальщика, исследователя архитектуры Г. Лукомского были опубликованы А. Мантелем. А Г. Лукомскому Плес тоже был интересен, но уже с точки зрения архитектуры. Г. Лукомский в 1915 году в журнале «Старые годы» публикует свое исследование «Старинные особняки Плеса». Об эстетической и культурной ценности Плеса позднее в 30-е годы писал и А. Мантель.

Все-таки нужно вернуться в 20-е годы. Какую картину культурной жизни Плеса рисуют архивные документы?

Статистические документы за 1921 год.

Статистические отчеты дают сведения о населении; всего жителей 1809 чел., в том числе мужчин 455, женщин 698, подростков 656.⁴

В том же документе список внешкольных учреждений, т.е. учреждений культуры. Что же это за учреждения?

1. Библиотека-читальня с 3-мя штатными единицами, открытая 8 дек. 1918 г.

2. Клуб без освобожденного заведующего, открыт в февр. 1919 г.

3. Театральное помещение горотдела, открытое 4 декабря 1919 года с заведующим Доступовым Борисом Григорьевичем 19 лет, окончившим 5 Красносельское ювелирно-техническое училище.

Ко всему уже имеющемуся появляется клуб «Социалист».

В том же году создается организационная структура - городской культпросветотдел при Наробразе, в отделе 6 штатных единиц, из них две технические должности. Возглавляет отдел некий Геч Василий Семенович 1888 года рождения, образование 3 класса городского училища. Специалисты: профессиональный артист Соболев Александр Алексеевич 1898 года рождения, образование - начальная сельская школа и теокурсы; рисовальщик Доступов Борис Григорьевич, тот самый, который до этого руководил «театральным помещением горотдела», и инструктор по ликвидации неграмотности, курсистка московских курсов Козлова Алекс. Алекс.⁶

Итак, вот уровень образованности организаторов культурного строительства в Плесе того времени.

Наиболее активно и плодотворно работает библиотека-читальня: ее фонд составляет 9694 ед., количество книговыдач за год 11580. Не так мало с учетом количества населения. Работа библиотеки в Плесе, как отмечается в докладе Середского уездного культпросвета губернскому руководству, «выделяется постановкой лекций, там есть культурные силы».⁷

Отчеты же заведующего Плесским подотделом культпросвета скудны по информации, подаются после многократных напоминаний уездного начальства. По сути - это небрежные отписки на клочках бумаги или жалобы на невозможность что-либо организовать.

Вот один, относящийся к тому же 1921 году: «Работа замерла, но имеются 3 политкружка при сельхозинституте: политико-экономический, агрономический и любителей литературы и искусства. Руководители этих «политкружков» не называются. В другой записке Геч сообщает: «Помещение под клуб отвоевали. Приняты меры к открытию театра в помещении столовой сельхозинститута вместимостью 100 человек. Существующий театр устарел, его спектакли и постановки запрещены губернской комиссией. Руководство сельхозтехникума разрешило строить сцену перед спектаклем, а после убирать. Считаю такое манкирование недопустимым».⁸ Приведенные документы проливают некоторый свет на особенности культурного строительства тех лет и уровень руководства им.

Более интересен следующий документ, тоже 1921 года. Геч сообщает: «В Плесе устроено два танцевальных вечера в пользу голодающих и один музыкально-литературный вечер в пользу музея имени «Левитана» в Плесе и две лекции на тему «Теория ценностей».⁹

Где должен был размещаться музей? Какие коллекции должны быть положены в его основу? Документы или еще не найдены, или совсем утрачены. Но... в 1922 году в Плесе в помещении Наробраза была устроена выставка, организатор этой выставки А.Ф. Мانتель. Об этом событии сообщает газета «Рабочий край» за 14 декабря 1922 года. Некий Александров дает информацию под названием «Художественная выставка в Плесе» и пишет следующее: «В воскресенье 3 декабря 1922 года в б. помещении Плесского Наробраза художником А.Ф. Мантель открыта выставка своих

произведений и рисунков других художников. Сам Мантель дал ряд интересных по исполнению картин, ряд «эскибрисов», плакатов агитационного характера (поп, похороны старого режима и т.д.). Далее идет целая стена шаржей на местных деятелей, из которых некоторых надо признать особо удачными. Среди произведений других художников - работы Кустодиева, Гауша, Петрова-Водкина, Лансере, Бенуа, Митрохина и др.

Сильно вредит делу то обстоятельство, что выставка размещена в неотапливаемом с лета помещении. Думается, что количество экспонатов могло быть значительно больше... В Плесе найдется много художественно ценного. Во всяком случае, спасибо художнику и за то, что он дал».¹⁰

Очевидно, на выставке, кроме работ самого Мантеля, были представлены и работы из его личной коллекции, а точнее то, что от нее осталось. В 1920-м году произведения из коллекции А. Мантеля экспонировались на выставке «Новые приобретения художественного отдела Казанского губернского музея». Там были представлены произведения Анисфельда, Бенуа, Билибина, Гауша, Кустодиева, Львова, Линдемана, Остроумовой - Лебедевой, Рериха и др. 20 произведений из коллекции Мантеля до сих пор хранятся в Государственном музее Татарстана, часть утрачена в результате революционных музейных реорганизаций.¹¹ Дальнейшая судьба работ, демонстрировавшихся на Плесской выставке, не известна. Коллекция имеет специфический характер - это в основном графические произведения малых форм: открытки, виньетки, карандашные рисунки, рисунки тушью.

Это тоже помогает понять, почему начинания А. Мантеля не встретили понимания среди местной общественности. Едва ли плесская общественность в ту пору готова была к восприятию творчества Петрова-Водкина, Лансере, Гауша, Митрохина... Да и имя Исаака Левитана едва ли впечатляло. А «целая стена шаржей на местных деятелей» и вовсе не содействовала пониманию приехавшего чужака, задумавшего организовать художественный музей. Семейные воспоминания и факты биографии говорят о том, что и сам Мантель был человек жесткий и нетерпимый, тем более, если дело касалось его художественного мировоззрения.

В следующие годы он резко меняет направление деятельности. С 1924 и до начала 30-х годов он работает как рисовальщик на Яковлевских льнофабриках, создает целую серию рисунков для жаккардовых тканей. Это особая страница в биографии А. Мантеля.

Но в 30-е годы, последние годы жизни (умер А. Мантель в ноябре 1935 года), работая в должности заведующего художественным отделом в Ивановском краеведческом музее, он не забывает Плес и И.И. Левитана. С 1933 по 1935 гг. в Иваново выходит журнал «Рабочий край». В первом номере этого журнала помещена статья Мантеля обзорного характера «Художники ИПО» (Ивановской промышленной области, включавшей в себя тогда и Костромскую, и Владимирскую, и Ярославскую, и сегодняшнюю Ивановскую). Мантель пишет не только о художниках нового пролетарского

толка. Он пишет и о Б. Кустодиеве, который «в Костромской губернии черпал сюжеты для своих работ», и о И. Левитане, который в конце XIX века едет в оторванный от жизни Плес, создает картины, «сюжеты которых пропитаны такими настроениями, которые выражал Чехов в литературе, а группа художников, подобных Левитану, в живописи».¹² Пишет Мانتель с осторожностью, это понятно - у него уже зреет конфликт с директором музея Штраусом по поводу разницы во взглядах на искусство, Мантелю приходится оправдываться в том, что он не сторонник «чистого искусства». В связи с этими разногласиями Мантель был даже уволен с должности, но восстановлен решением специальной комиссии. Примечательно, что статья сопровождается иллюстрациями с подписями: «Художник Перевезенцев. «Ремонт льнотеребилки»; «Художник Н. Секирин. «Жатва», и... «Художник И. Леватин. Картина «Над вечным покоем», написанная в Плесе Ивановской области с высокого берега на Волгу». Редакция, видимо, посчитала, что Леватин ближе уху и глазу ивановского пролетария, да и стиль подписи довольно убог.

Однако в этом же журнале в последнем номере за 1935 год напечатан очерк А. Мантеля «Плес». Если в 20-е годы А. Мантелю не удалось доказать, что И. Левитану Плес обязан вниманием к его красоте, обязан славой, которую он обрел благодаря полотнам Левитана, он возвращается к этому вопросу в 30-е годы.

Перед кончиной А. Мантель пишет: «Красота Плеса особая, своеобразная и многогранная... Лирика, о которой сам Плес не подозревал, вдохновила одного из гениальнейших «барбизонцев» Левитана создать свои шедевры». Лирика «сделала Плес центром паломничества части русской интеллигенции, чающей «беклиновских эллегий».

Должно было пройти немало времени, чтобы плесская общественность поняла и величие Левитана, и особую красоту Плеса, которую необходимо беречь как национальное достояние. Через сорок лет после первой художественной выставки в Плесе в 1962 году открылась другая выставка в недавно организованной картинной галерее. В одном из залов другой художник, Б.И. Пророков, выставлял свои сатирические произведения, а Союз художников СССР подарил Плесу 200 полотен.

Это к 550-летию города и в связи со 100-летием И.И. Левитана местная общественность осознала необходимость увековечить в Плесе имя И.И. Левитана и создать картинную галерею имени великого художника.

Были делегированы в Москву местный рентгенолог А.И. Костин и директор средней школы Ю.М. Вавилова на встречу с художниками. Но дальше уже другая история, живая, не архивная, и есть очевидцы и деятельные её участники.

¹ Смирнов Л.П. Плес. К истории города. Из личных воспоминаний. 1986. Рукопись. Архив ПГИАХМЗ.

² Выставки советского изобразительного искусства. М.: Художник, 1965. Т. 1. - С. 64-65.

³ Кустодиев Б.М. Письма. Статьи, заметки, интервью. Художник РСФСР. - Ленинград, 1964. - С. 106.

⁴ ГАИО. Ф. 984. Д. 26. Л. 64.

⁵ Там же. Д. 26. Л. 50.

⁶ Там же. Д. 6. Л. 68.

⁷ Там же. Д. 8. Л. 57.

⁸ Там же. Д. 20. Л. 96.

⁹ Там же. Д. 18. Л. 38.

¹⁰ Газета «Рабочий край» N 284 от 14 дек. 1922 г.

¹¹ Ключевская Е.К. Доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Музеи в системе ценностей евразийской культуры». Казань. Сент. 2000 г.

¹² Мантель А. «Художники ИПО», ж. «Рабочий край», № 1, 1933 г.

¹³ Мантель А. «Плес», ж. «Рабочий край», № 7, 1935 г.

ДЕТИ КОМИССАРА ШМИДТА

Датой прекращения деятельности Саровского монастыря можно считать 5 апреля 1927 года – в этот день из монастыря были увезены мощи Серафима Саровского. Но вытеснение монастыря из его зданий, конфискация монастырской собственности шли и до этого, начиная с первых дней советской власти. Так, уже в 1920 году жилищный подотдела Темниковского уисполкома занимался распределением жилых помещений в Сарове между различными организациями, среди которых упоминаются организованный на базе монастыря совхоз, предприятие железнодорожного ведомства, а также детские ясли и детский дом. В одном из докладов подотдела – требование организации в Сарове ассенизационного обоза, «так как очистка не проводилась года 2-3» [1920-3=1917 – А.П.]. На работу по ремонту зданий в 1921 году привлекались «временно наемные из монашествующих с выдачей им продовольствия»¹. После закрытия монастыря все его постройки решено было использовать для создания коммуны для беспризорников.

Трудовая фабрика-коммуна была организована в июне 1928 года. Подчинялась она наркомату труда, ей был присвоен номер 4, носила коммуна имя Василия Владимировича Шмидта, тогдашнего народного комиссара труда. Целью создания коммуны было «перевоспитать беспризорников через вовлечение воспитанников в трудовые процессы»². При этом трудовой процесс, по-видимому, являлся главным фактором перевоспитания. В списке работников трудовой коммуны были администраторы, культурные и медицинские работники, производственный персонал, но в нем не значились преподаватели. Очевидно, образованием детей коммуна не занималась. В то же время в коммуне были свои духовой и симфонический оркестры³.

Состав воспитанников был разновозрастный. В основном, направлялись они в Саров из больших городов СССР: Москвы, Харькова, Киева, Одессы. На 85-90 % это были уголовники, среди которых встречалось немало рецидивистов, в частности, имевших на своей совести по несколько убийств. Насколько был оправдан этот масштабный социальный эксперимент по перевоспитанию малолетних преступников в обход традиционной пенитенциарной системы? По свидетельству очевидцев, порядки в коммуне мало чем отличались от тюремных. Авторитетом в коллективе воспитанников обладали «рецидивисты и испытанные воры», решение на общем собрании коммуны могло быть принято только если за него высказывался «старый вор». В списке воспитанников на 1 февраля 1930 года из 1912 человек 213 были отнесены к категории «неисправимых»⁴.

Первые несколько сотен воспитанников поступили в Саров в июне 1928 года. Наиболее интенсивно коммуна пополнялась в первые полгода своего существования. Так, в сентябре 1928 года в нее было доставлено 2260 человек.

Максимум численности был достигнут в декабре того же года - 3728 человек. Есть основания считать Саровскую коммуны №4 крупнейшей в стране: заместитель наркома труда Толстопятков в письме в Средне-Волжский обком партии писал, что «впервые не только в практике Союза, но и в мировой практике имеет место сосредоточение 4000-ной массы»⁵.

Всего же в Сарове предполагалось разместить 5500 человек и «вовлечь» их в следующие производства⁶:

лесопильное	200-250 чел.
пошивочное и сапожное	250
производство древесной шерсти	200-250
производство клеенки	200-250
галантерейное	1000
производство рогож	500
производство стальных часов	200-250
слесарное и деревообделочное	400-500
сельское хозяйство	150-200

Расчетная численность воспитанников Саровской коммуны не была достигнута. Практически с первых дней ее существования началось бегство детей, особенно усилившееся весной 1929 года - ежемесячно бежали из коммуны по 200-300 человек. Из-за низкой дисциплины учет количества воспитанников мог осуществляться лишь приблизительно. Например, 15 февраля 1929 года на работу вышло лишь 55 % от списочного состава, 1 мая - 47 %, 15 мая - 50 %⁷.

О состоянии производственной базы в Сарове мы знаем по докладной записке члена президиума Окружной плановой комиссии Магнусова, составленной в июле 1929 года, то есть через год после организации коммуны⁸. Что касается сельского хозяйства, то в распоряжении коммуны находились 57 га пашни и 30 га сенокосов. Видно значительное уменьшение обрабатываемой земли в Сарове после закрытия монастыря. В 1919 году монашествующими, организовавшими так называемую «Сатисскую земледельческую артель», использовалось 170 га пашни и 250 га сенокосных угодий⁹. О содержавшихся в коммуне 11-ти коровах и одном быке сделан вывод: «скот малопродуктивный и, кроме убытков, ничего коммуне не дает». Подавляющее большинство мастерских в момент осмотра не работало. Лесозавод еще строился, в токарной, слесарной и деревообделочной мастерских оборудование только устанавливалось. Работала кузница, по-видимому еще монастырская, сапожная и швальная мастерские выпускали обмундирование для воспитанников. Шорная и галантерейная мастерские стояли из-за отсутствия сырья. Производственный план не выполнялся.

Обсуждался вопрос о производстве в трудкоммуне и на заседании бюро Мордовского обкома в феврале 1930 года¹⁰. За прошедшие полгода положение изменилось незначительно. Воспитанники занимались заготовками леса, из которого изготавливали рамы. Работали шорная,

сапожная, галантерейная и кожаная мастерские, по-прежнему испытывавшие трудности из-за перебоев с сырьем. Лихорадило металлообрабатывающее производство. Изготовление клеенки и стальных часов, видимо, так и не было налажено.

Внутренняя жизнь в Саровской коммуне имени Шмидта была очень беспокойной. Большая часть рассматриваемых здесь документов является следствием конфликтов и разбирательств этих конфликтов в различных инстанциях, а также инспекций, вызванных разбирательствами. И действительно, нормально работающее учреждение не требует бесчисленных проверок и, как следствие, не порождает потока бумаг.

С самых первых месяцев существования коммуны возник конфликт между ее руководством с одной стороны, и саровской ячейкой ВКП(б) - с другой. В это время коммуну возглавлял Федор Матвеевич Пазин, назначенный на должность управляющего после работы в пензенском ГПУ. Секретарь Темниковского райкома партии Бочкарёв неоднократно направлял в Саров для трудоустройства в коммуну своих людей, как правило, членов ВКП(б). Из 133 человек, работавших в коммуне в январе 1929 года, 21 были членами и кандидатами в члены партии. (Особенно солидно оказался укрепленным партийными кадрами почему-то склад: из пяти кладовщиков коммунистами были четверо.) Со временем среди персонала Саровской трудкоммуны сформировались две группировки, называвшиеся «темниковцами» и «чекистами». Эти две группировки и боролись за право распоряжаться в коммуне. Если «чекисты» составляли основу управления коммуны во главе с Пазиним, то «темниковцы» контролировали партийную ячейку, игравшую значительную роль в соответствии с порядками того времени.

Во главе ячейки ВКП(б) стояли присланные в Саров Бочкарёвым Шикунов и Петлинский. Первый из них работал заведующим культурным отделом, второй - монтером на электростанции. Но несмотря на скромные должности, эти люди претендовали на главенство в коммуне. Разумеется, это не могло нравиться управляющему Пазину, и он перестал беспрекословно принимать на работу людей, присылаемых из Темниковского райкома. Приведем одно из писем Бочкарева Пазину.

В чем дело? Я посылаю ребят, членов партии тебе для работы, потому что мы договорились насчет работников, а ты их гонишь, а у тебя там есть такая дрянь, которая расходует государственное имущество без учета, ты что же, товарищ?! Я думаю, что партийный глаз лучше, а ребята ничего, хорошие - Сидоров, Еришов. Я вот к тебе приезжал и видел, что у тебя там такие плотники, такие столяры, что нужно принять к этому меры. А если тебе не нужно было бы посылать партийцев, ты бы мне сказал, я их не гонял бы к тебе в колонию. И по рассказам их (и) по-моему, это грубо.

С комприветом, Бочкарёв¹¹.

Естественно, что из-за склок страдало дело. В декабре 1928 года для разбора конфликта в Саров приезжал начальник управления фабриками-коммунами наркомата труда Вундерлих и начальник орготдела ОГПУ Погребинский¹². Они зафиксировали «наличие склоки в Саровской ячейке», но самих склочников это не остановило. Борьба за верховенство, превратившаяся в фактическое двоевластие, продолжалась.

В январе 1929 года на железнодорожную станцию в Арзамас прибыли 18 вагонов с грузом оборудования и продовольствия для трудкоммуны. Руководство решило срочно откомандировать туда коммуниста Морозова, но секретарь партячейки объявил, что для командирования члена партии необходимо решение бюро ячейки. Бюро демонстративно собралось только через 4 дня, получение груза было задержано, коммуне пришлось заплатить штраф за простой вагонов¹³. В такой обстановке мелкие междоусобицы приобрели для их участников большее значение, чем производственные и организационные дела, любые успехи противоборствующей стороны были нежелательны. Так, например, член бюро ячейки Петлинский как-то заявил: «...как я был бы рад, если бы своевременно не прибыл цемент»¹⁴. Были и взаимные обвинения в хищениях. 400 пар валенок, поступивших в Саров для воспитанников, были проданы на рынке в Нижнем Новгороде. В то же время 15 % детей не имели нормальной обуви и головных уборов¹⁵. Существование двух параллельных структур власти - административной и партийной - привело фактически к безвластию.

Среди документов есть записка коменданта коммуны Морозова, ведавшего вопросами расселения персонала и воспитанников. По его словам, технический директор Авдей Николаевич Сариев принял на работу своего земляка Петрясова, назначил его «производственным комендантом» и с его помощью проводил в помещениях коммуны расселение людей по своему вкусу. Таким образом, помимо двойного руководства в Сарове появилось и два коменданта. В результате страдали, конечно, воспитанники, некоторые из которых остались вообще без крова и ютились в дежурке, котельной, на кухне и т.п. С помещениями в Сарове вообще было тесновато - часто в комнатах площадью 8-12 кв. м (бывших монашеских кельях) жили по 4-5 человек (речь идет не о воспитанниках, а о рабочих и служащих)¹⁶.

В такой обстановке ожидать от Саровской коммуны выполнения планов и успехов в перевоспитании не приходилось. Специалисты разбегались из Сарова по причине непрекращающихся дряг и скверных бытовых условий, воспитанников кормили плохо, из-за чего распространилось воровство продуктов. Многочисленными были случаи обмена колонистами казенного обмундирования на водку в близлежащих деревнях¹⁷.

Получив вдобавок ко всему выговор по партийной линии «за политнеграмотность», управляющий коммуной Пазин попросил уволить его с этой должности¹⁸. Очевидно, это желание было выполнено, так как в июле 1929 года во главе коммуны был уже П.К. Бендруп, бывший заместитель

Пазина. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют составить полную картину происходившего. Но, по-видимому, многие участники этой борьбы за власть в Саровской коммуне оказались за решеткой.

На заседании бюро Мордовского обкома 12 февраля 1930 года было отмечено, что «административно-технический персонал за полуторагодичное существование коммуны изменился три раза. Который в большинстве своем или сидит или отдан под суд»¹⁹. Рассмотрев положение дел в Сарове, бюро обкома постановило послать туда очередную «комиссию по чистке аппарата». Кроме этого в решении записали: «Считать необходимым передачу Трудкоммуны НКТ СССР № 4 из органов Наркомтруда в органы О.Г.П.У.»²⁰ (что и было в результате осуществлено в ноябре 1931 года).

Несмотря на многочисленные принимавшиеся меры, в том числе и карательного характера, Саровская трудкоммуна, как заколдованная, продолжала воспроизводить конфликты. 12 января 1931 года на повестке дня заседания бюро Мордовского обкома ВКП(б) опять вопрос «О взаимоотношениях директора Саровской коммуны Галанина с партколлективом». В сухом протоколе знакомая терминология: «беспринципная склока», «конфликт», «злоупотребления» и т.д. В постановлении - решение послать в Саров следователя прокуратуры²¹.

Так жила Саровская коммуна имени Шмидта, раздираемая междоусобицами и низкими страстями. И если кто-то скажет, что все описанное было послано в наказание за осквернение святого места, он, наверно, окажется не так уж и неправ.

¹ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 198

² Там же. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 84

³ Центр документации новейшей истории Республики Мордовия (ЦДНИ РМ). Ф. 326. Оп. 1. Д. 26. Л. 20-22.

⁴ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 25. Л. 74-79.

⁵ Там же. Ф. 326. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 84.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1385. Л. 157.

¹⁰ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 25. Л. 74-79.

¹¹ Там же. Ф. 326. Оп. 1. Д. 26. Л. 18.

¹² Там же. Л. 1 об.

¹³ Там же. Л. 2, 12 об.

¹⁴ Там же. Л. 12 об., 13.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 42.

¹⁸ Там же. Ф. 269. Оп. 1. Д. 25. Л. 74-79; Ф. 326. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 об

¹⁹ Там же. Ф. 326. Оп. 1. Д. 26. Л. 13.

²⁰ Там же. Ф. 269. Оп. 1. Д. 25. Л. 74-79.

²¹ Там же. Л. 67-68.

²² Там же. Д. 302. Л. 43.

ПЛЕННЫЕ НЕМЦЫ

В последний год Великой Отечественной в Шуе несколько раз появлялись крупные отряды военнопленных-немцев. Как правило, эти отряды следовали под охраной пешим порядком от железнодорожного вокзала до центральной площади; в то время площадь представляла собой сплошной неухоженный пустырь, простирающийся от поликлиники (ныне Краеведческий музей) до «Гортеатра» (ныне Дворец Культуры). Ни деревьев, ни кустов, ни тем более цветов на этом пустыре не было. В центре его левой части, поближе к Посьольному Спуску, кое-где выглядывали из земли остатки фундамента снесенного собора; в центре правой части, поближе к торговым рядам, располагалось одноэтажное их продолжение, впоследствии снесенное. Все пространство пустыря хорошо просматривалось, поэтому военнопленных приводили сюда на временный передых и перекус под надзором конвоиров, а через несколько часов их выстраивали, считали и уводили.

Военнопленные располагались внутри обозначенных конвоем границ без видимого порядка и ранжира, как попало, и начинали, как и всякие путники, с болячек. Снимались сапоги или другая обувь, осматривались, смазывались и бинтовались мозоли-язвы-трещины, расстегивались пояса и мундиры, обнажались головы. Под надзором конвоиров несколько пленных отправлялись к ближайшей колонке за водой, носили ее вдвоем в обычных наших молочных бидонах. Остальные раскрывали свои рюкзаки и доставали фляги и еду. Мы не верили своим глазам: пленные немцы неторопливо, аккуратно и без явного восторга поедали белый хлеб с маслом, положив сверху длинные пластинки сыра. Рядом, на белой тряпочке, ожидали своей очереди несколько печенин и кусочки сахара. Черного хлеба мы у них не видели ни разу. Однажды наблюдали, как вместо сыра на хлеб (все равно с маслом) были положены кусочки сала. В другой раз из военного городка подъехала полевая кухня и немцам выдали по полной порции каши, которую они ели с белым хлебом, намазанным опять-таки маслом.

После первого «пригона» недоумение детей и взрослых по поводу «сыра в масле» всколыхнулось довольно сильно, но понемногу утихло, а в следующие уже и не возникало. Мы, детвора, понемногу осмелели и ходили между сидящими на земле «фрицами» и выпрашивали у них пуговицы от мундиров, но те отказывали. Форменные пуговицы считались у нас ценным товаром на школьном обменном рынке.

Однажды в городе распространилась весть о том, что в Шую на «постоянный» плен привезли небольшой отряд немецких пленных офицеров. Их поселили в красивом доме напротив Главпочтамта на той же площади. Прожили они в этом доме несколько лет. Время от времени мы с

любопытством наблюдали их жизнь-бытьё. Как нам представлялось, никаких физических работ, кроме некоторого участия в их собственном жизнеобеспечении, им не поручалось.

Так, мы были свидетелями их неспешных, основательных работ по заготовке дров на зиму. Под конвоем двух вооруженных винтовками молодых солдатиков десятка полтора-два немцев спускались от своего дома по Посылинскому Спуску к мосту и, не переходя его, сворачивали налево. Через каких-нибудь двести метров они достигали остатков старого причала, к которому загодя допотопный пароходик с водяным колесом подтягивал по узенькой Тезе несколько небольших барж, груженных лесом. Немцы должны были эти и последующие баржи разгрузить, лес распилить, сложить, просушить и перевезти к себе, для отопления дома зимой.

Эти работы всегда совпадали с ранним началом купального сезона, в конце мая, когда вода ещё была высока, и судёнышки могли подняться вплоть до Посылинского моста. Мы же начинали купаться всегда на «Вторых кустиках» - месте, расположенном рядом, чуть ниже, в сотне метров от разгрузки барж. Сначала конвоиры нас подпускали только к себе, с немцами общаться запрещали и покрикивали на них время от времени сурово; но видно было, что делается это для порядка. Потом, когда все - солдаты, немцы и мы - друг к другу попривыкли, пленные угощали свою охрану сигаретами, а за это просили допустить к ним детей, по которым соскучились и с которыми им хотелось хоть немножко поиграть. Из всех, работавших «на дровах», только один знал несколько русских слов, так что объяснялись мы мимикой и знаками. Играли в «крестики и нолики» на песке и в нашу шуйскую игру с пригоршнями песка: «столько ем, столько пью, столько нищим отдаю!» У одного из немцев, самого полного и весёлого, мне всё-таки удалось выпросить маленькую чёрную металлическую пуговицу (она оторвалась от пояса его брюк, там, где пристёгивались подтяжки); дома я едва разглядел на ней три мелкие буквы: U.S.A. По моему детскому разумению выходило, что этот немец ранее воевал с американцами, и что то ли пуговица, то ли целиком брюки были его трофеями.

В доме, стоящем слева от «немецкого», располагался Дом пионеров; там работали детские кружки - шахматный, авиамодельный, и с началом учебного года мы постоянно их посещали. Помещение для шахматного кружка по шуйской традиции было городским шахматным клубом - дети там имели возможность не только поиграть в шахматы, но и посмотреть на игру лучших шахматистов, совсем уже взрослых, а часто и пожилых. Вот эти-то взрослые и посылали нас иногда подсмотреть в боковое окно «немецкого» дома, обращённое к Дому пионеров, а потом вернуться и рассказать им об увиденном. Мы смотрели, рассказывали и слушали комментарии.

Недалеко от этого окна с металлической решёткой располагалось крыльцо с небольшой лестницей; на площадке этого крыльца стоял постовой с винтовкой. Если постовой разрешал, мы под его надзором кое-как подтягивались до уровня окна и в зазор между краями бледно-зелёных гардин

видели небольшой зал, заставленный рядами стульев, а справа, вплотную к занавешенным окнам фасада, белый экран. Если демонстрировался фильм, рассмотреть что-либо было невозможно; если фильма не было, в первую очередь поражаало яркое электрическое освещение. Судя по тому, как были одеты немцы, в зале было очень тепло: все они были в лёгких рубашках или в нижних фуфайках, а то и вовсе в майках.

В «некиношное» время мы наблюдали два постоянных развлечения, оба относящиеся к самодеятельности. Первое, самое интересное, было выступлением джаз-оркестра. Играли джаз четыре-пять человек, и играли очень громко. Из инструментов были рояль, ударник, тромбон, саксофон, кларнет. Иногда кто-нибудь из музыкантов солировал на рояле, иногда - на кларнете (может быть, это были флейта или фагот).

Вторым развлечением были устные выступления, внешне похожие на выступления наших эстрадных артистов. Во время этих выступлений, как правило, зрители гоготали и аплодировали, а выступавшие весело кривлялись и приплясывали.

Чем они занимались всё дневное время, нам было неизвестно. Мы ни разу не видели, чтобы они выходили из этого дома за какой-либо другой надобностью, кроме заготовки дров (например, в баню, или на игровые площадки стадиона, или на футбольный матч, как это регулярно делали отбывающие свой срок в шуйском военном городке югославы). Прогулки на свежем воздухе они совершали на внутреннем дворе «немецкого дома» и там же играли с мячом и кололи дрова после их доставки от берега реки. Те же постовые говорили нам, что и заготовкой, и колкой дров занимались не все военнопленные, а только низшие их чины.

ШУЙСКОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ЖИЛЬЁ

Незадолго до моего рождения наша семья (отец, мать и мой трехлетний брат) получила приличное по шуйским меркам жильё - две комнатки на втором этаже двухэтажного дома № 6/6 на Стрелецкой улице. Наружные размеры дома - 12х15 метров. Здесь я прожил свое детство, раннюю юность, здесь справлял свою свадьбу, здесь родился мой сын. Дом этот стоит и служит людям и сейчас. Наше жильё на Стрелецкой было типичной разновидностью жилплощади, образованной революционным обобществлением относительно большого дома, бывшего до Октябрьской революции частной собственностью.

Наша «двухкомнатная квартира» имела общую площадь чуть менее 20 м² и обогревалась одной печкой, которая нагревала «лежанку» в одной и изразцовую стенку в другой комнате. В этой же печке готовилась еда.

Всего на втором этаже жило три семьи, у каждой было по две комнатки (каждая пара со своей печкой), один, общий на всех, туалет и умывальник, общая кухня с большой русской печью, общий чулан, общий чердак для

сушки белья и даже общий, с тремя отделениями, экспроприированный ларь, стоявший также в общем холодном помещении, называемом «парадное» (люди попроще произносили это слово на свой манер – «аппаратное»). Это название происходило от «аппаратного входа», выходявшего прямо на улицу; непосредственно от этого входа на второй этаж вела «аппаратная лестница» с каменными ступенями, которая и заканчивалась «аппаратным» помещением. Парадный вход был закрыт; все пользовались черным входом со двора, а каменная парадная лестница, ступени которой даже летом были прохладными, служила чем-то вроде холодильника, о котором в те времена никто даже не слышал. Все эти понятия и предметы («парадное», ларь, чулан, израсцы) происходили из далекого прошлого – дом этот был построен задолго до революции купчихой Кукушкиной.

Кроме перечисленных владений, каждый квартиросъемщик имел также свои места в общем сарае для хранения дров и в общем погребе, располагавшимся во дворе дома. Примерно такие же помещения в доме и во дворе имели жильцы первого этажа и жильцы расположенного во дворе кирпичного флигеля; последние пользовались туалетом, расположенным во дворе. Всего в доме и флигеле числилось одиннадцать ответственных квартиросъемщиков (т.е. семей) и проживало три с половиной десятка человек.

Эти люди образовывали типовое коммунальное племя; количество таких коммунальных племен было велико, а их общая поголовная численность составляла, наверное, половину населения города. В каждом коммунальном племени были свои авторитеты, свои чудачки, свои шуты и изгои. Каждое племя имело свое имя – этим именем был либо адрес, либо производное от имени дореволюционного владельца, либо просто прозвище. Так, хорошо было известно племя «дома Лондона» на базарной площади, славившееся обилием шпаны и профессионалов-карманников; все знали огромный перенаселенный дом, в котором обитало бесчисленное племя «из стасорокапятниквартирного». Другое, маленькое коммунальное племя, было «сафоновским», т.к. оно обитало в доме рядом с парикмахерской, именуемой по имени прежнего владельца; племена, жившие рядом с государственными, а ранее частными магазинами, назывались в обиходе «турушинским», «терьявским».

В коммунальных племенах культивировались и непредсказуемо мутировали новые формы быта. Здесь процветал и адаптировался к воле лагерный, воровской жаргон; здесь, подобно разнотравью на заброшенном поле, процветала невообразимая ранее, яркая и душистая языковая смесь древнего местного диалекта и новых советских слов, политических и технических терминов, невиданных сокращений, мата и вековых православных междометий. Наравне со вшами, глистами, чесоткой, здесь не утихали повальные эпидемии захватывающих дурных привычек, разнообразных извращений и пороков. Здесь проводился уличный сексуальный ликбез и разжигались еще не созревшие детские плотские

вожделения. Здесь обменивались ножами, самопалами, патронами, толовыми шашками и американским яичным порошком, номерами, написанными на ладонях в очередях за хлебом и сахаром, краденными вещами. Здесь формировались команды для походов за лесным пропитанием: орехами, ягодами, грибами. Здесь готовились к рыбалкам: обычной, с лесками из сплетенных конских волос, и к «боевой», т.е. с глушением рыбы толлом, снаряженным взрывателем с бикфордовым шнуром. Не все дети участвовали в драках с применением кастетов и тем более ножей; не все подрывали толовые шашки и запалы от гранат; но все без исключения – и отпетые хулиганы, и отличники, и мамочкины сынки, и придурки-«шестерки», и даже многие девочки – все беззаветно, до полной потери сил играли в футбол.

Кипучие, напряженные, особенно летом, дни у детей и подростков заканчивались в страшной темноте сараев и чердаков, где пересказывались жуткие истории, среди которых особое место занимали ранние повести Гоголя. Дети, у которых были верующие бабушки, любили повторять описания мук грешников в аду. Напуганные этими ужасами, усталые, ищущие успокоения дети племени уединялись по углам со своими матерями и бабушками, которые возвращали им перед сном покой и счастье любимыми сказками, преданиями о святых, об ангелах-хранителях и добрых зверях.

Состав коммунальных племен был чрезвычайно широк. Так, например, в нашем племени «на Стрелецкой, 6/6» были представлены следующие люди и профессии.

Мужчины:

- Начальник ОТК Гармонной фабрики, инвалид на протезах, бывший танкист, потерявший на фронте обе ноги.
- Разнорабочий речной пристани, бывший зэк, «приписанный к милиции» (т.е. обязанный регулярно отмечаться в местном отделении).
- Главный редактор многотиражки ткацкой фабрики.
- Безработный вор-рецидивист, также «приписанный к милиции».
- Художник единственного в городе художественного ателье.

Женщины:

- Счетовод пошивочной мастерской Шуйского Военторга (моя мама).
- «Гардеробщица-билетерша» местного Гортеатра.
- Уборщица-вахтер-курьер станции водоснабжения.
- Ткачихи шуйских фабрик.
- Пенсионерки и домохозяйки.

Быт этого коммунального племени на ограниченном пространстве дома, флигеля и двора, отношения внутри племени и с другими, окружающими племенами – это ненаписанный многотомный роман или десяток диссертаций по социологии и психологии.

Другой, не менее распространенной разновидностью шуйского жилья были малые частные дома, принадлежавшие проживавшим в них

собственникам. Как правило, при таких домиках был небольшой участок земли, спрятанный за глухим забором, — там росли яблони, сирень, цветы, ягоды, овощи, горох. Там сохранялся русский дух, русский язык и православие.

Хозяева этих домиков были более независимы от посяганий властей на их личную жизнь; обычно такие вмешательства проявлялись в виде приказа разместить квартирантов (семейных офицеров, технических специалистов, молодых рабочих и работниц, студентов). Такие приказы давались в первую очередь тем домовладельцам, у которых наблюдалась «излишняя» по тогдашним понятиям жилплощадь; однако за хозяином оставалось право устанавливать порядок пользования жильем и получать за него плату. Разумеется, при хороших взаимоотношениях с властями такие приказы можно было предотвратить, что многие хозяева и делали доступными им средствами. Многие готовы были отдать последний кусок, но остаться в свободном одиночестве.

Дети, растущие в частных домах, были как бы априори «благородней» и надежнее. Они общались с соседскими детьми, но это общение проходило за заборами с закрытыми калитками и под надзором взрослых. Вообще время их общения с родными было гораздо более длительным, и это сказывалось на их жизненных установках: они были более законопослушны, более бережливы и более осторожны. Однако как им хотелось вырваться в жизнь коммунальных племен, где не было власти взрослых, где не действовали запреты, где царствовали многочисленные искусства и опасные игры!

И те и другие дети эффективно «перемешивались» в школах, на танцах, в кружках, на катках, в пионерских лагерях и к совершеннолетию образовывали достаточно однородную среду. Великолепно, поразительно и необъяснимо то, что выросшие в этой среде люди обеспечили невероятный прорыв в науке, технике, производстве и культуре, выдвинули тысячи крупных строителей, производственников, военачальников, ученых и художников.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ СОБЛАЗН

В средние века порох уравнивал силачей и тщедушных; в новой истории количество и качество военных машин и механизмов стали играть решающую роль в выживании государств.

Миллионы полуголодных детей и подростков, дружно ходивших в городские и деревенские школы, а в свободное время разнообразными способами (от работ на своих участках до мелкого воровства) добывавшими свой кусок хлеба в послевоенные годы и знать не знали, что верховные власти страны давно и тщательно работают над их будущим. Под будущим подразумевалось выживание огромного государства в условиях новой эры, послевоенного мира, осознавшего первостепенное значение науки и техники

как средств вооруженной борьбы. Эры, при которой число бойцов, способных в рукопашную вцепиться противнику в глотку, мало что решает.

Весь ход и многозначительный завершающий атомный аккорд второй мировой войны воочию показали всему миру то, что уже давно знали мировые военные стратеги: войны окопов, войны штыковых, артиллерийских, танковых и даже авиационных атак — это не войны, а тактика локальных вооруженных конфликтов. В мировых же конфликтах победителем будет тот, кто сможет воевать на расстоянии, без какой-либо линии фронта. Когда противников разделяют тысячи верст; когда они не могут посмотреть друг другу в глаза; когда бесконечное мужество и стальная воля бессильны перед неодолимым и неумолимым запрограммированным механизмом, бесстрастно отсчитывающим последние мгновения жизни. А в таких условиях русская армия теряла свое главное преимущество: безусловную способность побеждать в рукопашном бою, будь то штыковая, танковая, воздушная или морская схватка.

Главными направлениями развития вооружений уже тогда стали ядерное оружие и средства его доставки. И главной проблемой их создания была подготовка сотен тысяч специалистов, которые смогли бы разработать и изготовить новые виды оружия и при необходимости (а в ней тогда никто не сомневался) правильно их применить. Для этого были нужны талантливые ученые, толковые инженеры, технически грамотные офицеры. Для их подготовки нужны ВУЗы, Академии, Высшие военные училища. Для работы подготовленных специалистов нужны НИИ, заводы, полигоны, базы, другие сооружения. А чтобы их спроектировать и построить нужны печи, печи и печи... Такова была общая ситуация, о которой мы, босоногие шуйские дети и подростки, даже не подозревали; конечно, не знали мы и о том, что большинство из нас как раз и станут этими специалистами и что мы в обезличенном виде уже фигурируем в различного рода расчетах там, высоко навверху.

Острая потребность в научных, инженерных и военных кадрах привела к четким и решительным действиям государства. Был организован массовый выпуск разнообразных, талантливо написанных брошюр и красочных плакатов, посвященных конкретным областям науки и техники. Их яркие заглавия содержали завораживающие, полузагадочные для того времени понятия: «Радиолокация», «Реактивные самолеты», «Телемеханика», «Химия полимеров», «Физика плазмы», «Телевидение», «Линии электропередач», «Энергия атома» и т.д. и т.д. Потоки этих изданий направлялись в школы, клубы, библиотеки, книжные магазины, Дома культуры, Дома пионеров. Плакаты стационарно устанавливались в общественных местах (фойе кинотеатров, раздевалки катков, столовые, красные уголки, присутственные места). Радио, газеты, журналы (других СМИ тогда не было) постоянно вещали о захватывающей, полной открытий и приключений жизни изобретателей, инженеров, геологов, летчиков-испытателей, строителей подводных военных баз. Писатели и поэты создавали «соответствующие»

произведения. На селе пели песню о гармонисте, уходящем в институт. На собраниях всех уровней разъяснялась важность профессий инженера, ученого, подчеркивались особые условия их жизни и творчества.

До сих пор поражаюсь тому, насколько по-военному четко выполнялась эта работа. В каждую школу-десятилетку нашего маленького городка, каких в стране были тысячи, регулярно, примерно за полгода до выпуска, приезжали представители высших военных училищ. Они отбирали самых лучших учеников, беседовали с ними, направляли для прохождения медкомиссий в военкомат и, что было очень важно для родителей, т.е. вдов-матерей, гарантировали им полное гособеспечение при учебе и обеспеченное будущее офицера Советской Армии. Подавляющее большинство тех выпускников шуйских школ, которые продолжили свое образование в пятидесятые годы, поступили в военные училища и технические ВУЗы.

Так умело подготовленная и деятельно проведенная пропаганда сформировала в сознании большинства населения безусловные приоритеты военных и научно-технических профессий. Престиж профессии офицера, инженера, ученого резко возрос; одновременно упала популярность торговых, сельскохозяйственных, экономических специальностей. В эти годы были окончательно predetermined колоссальные достижения в области русской военной мощи и ... отсталость сельского хозяйства и всех видов мирных отраслей промышленности.

КЛАД КУПЧИХИ КУКУШКИНОЙ

Одна из старых жилищек нашего двухэтажного дома на Стрелецкой улице как-то рассказала нам, что этот дом был построен задолго до революции, и принадлежал богатой купчихе Кукушкиной. Будто бы жила купчиха наверху, нижний этаж сдавала, а во флигеле была баня и жила прислуга. Как раз в это время мы сообща читали «Приключения Тома Сойера», почему и решили, что в доме наверняка есть спрятанный богатой купчихой клад. Решено было этот клад отыскать. Поразмыслив, мы решили, что клад спрятан на чердаке дома и немедленно приступили к поискам. Чердак был, действительно, очень подходящим местом для клада. Весь пересеченный кирпичными дымоходами (всего в доме было восемь печей), стойками для кровли и бревнами поперечных креплений, он был средоточием строительных ниш, часто используемых нами для хранения самопалов, патронов, взрывчатки, пороха и других боеприпасов.

Сначала поиски мы проводили вдвоем, с Толей и Стасиком, потом к нам в качестве контролера присоединился мой старший брат. Когда друзьям надоело шарить голыми руками в пыльной и страшноватой темноте, им стало ясно, что клад изъяли чекисты сразу после революции. Они отступились, и я остался в одиночестве, правда, под неусыпным надзором брата, которому сама идея клада была симпатична. Поэтому все время, которое я проводил на

чердаке, он дежурил под лестницей, разгадывая свои любимые шахматные задачки.

Я решил последовательно прощупать весь периметр ниши, образованной стенами дома и наружной подшивкой под краями крыши. И вот на второй или третий день индивидуальных поисков мои исцарапанные руки наткнулись в полной темноте на маленький, лежащий под плотными слоями пыли, гладкий увесистый деревянный брусок. Брусок легко отделился от досок и при рассмотрении на свету оказался красивым, отполированным, красного дерева ящичком с аккуратным маленьким наружным крючком, удерживающим крышку. Размером он был с небольшую, но толстую книгу.

Взволнованный, все еще не верящий в успех, я спустился к брату; тот, ни слова не говоря, вырвал у меня из черных рук ящичек и побежал домой; я, с ревом, за ним. Когда я вбежал в комнату, брат, обиженно рассмеявшись, швырнул мне по столу раскрытый ящик: он был наполнен ржавыми швейными иглами. Я тоже расстроился, но ненадолго: когда находку увидела наша бабушка, она от радости... стала плясать! Иглы в нашем городе были в большом дефиците.

Целый день я тер кирпичи, а полученным порошком отчищал иголки от ржавчины. На другой день бабушка надела на мою тужурку две длинные, крест-накрест ленты, унижала их блестящими иглами и повела меня на барахолку. Там покупатели поштучно вытаскивали иглы из лент, я считал, а бабушка получала деньги. Иглы продавались очень хорошо, и мы с бабушкой получали приличные барыши. Каждый раз после торговли мы вместе съедали сразу по два мороженных.

Мороженое продавалось так: продавщица держала в одной руке приспособление с выталкивателем, а другой рукой обыкновенной столовой ложкой доставала заветную массу из 50-литрового бидона и укладывала ее на выталкиватель. Когда приспособление заполнялось, она выталкивала порцию мороженого. Никто из нас: ни я, ни мои приятели, ни бабушка - не сомневались, что продавщица при укладке мороженого придерживает мизинцем выталкиватель, уменьшая толщину порции - вопрос был в том, кому достанется самая толстая, самая близкая к полноценной порция этого восхитительного яства! Дело было накануне послевоенной денежной реформы 1947 года, в самые лютые для подмосковных областей времена.

КАК ДОБЫВАЛИ ОГОНЬ

В военные и послевоенные годы из-за отсутствия спичек каждый шуйский курильщик носил при себе следующий набор:

- кисет с махоркой (иногда с вышитой памятной надписью),
- многократно свернутый до размеров будущей сигарки кусок газеты,
- кусок кремнистого булыжника,
- кресало (например, обломок напильника),

- жгут из хлопковой пряжи толщиной с палец,
- металлическая гильза, одевавшаяся на один из концов жгута, например, опиленная гильза патрона от обычной трехлинейки.

Процесс закуривания происходил в следующем порядке. Курильщик отрывал от газеты полоску нужных размеров, насыпал на нее махорки, свертывал на свой вкус или сигарету, или «козью ножку», склеивал шов своей слюной и вставлял самокрутку в рот. Затем доставал жгут, сдвигал гильзу, приставлял конец жгута к булыжнику и ударял по нему кресалом, высекая искры. Искры попадали на пряжу, жгут начинал тлеть. Курильщик немного раздувал огонь на жгуте, от которого потом раскуривал самокрутку. Затем – внимание! – он тушил тлеющий конец жгута, надвигал на него гильзу и рассовывал свои курительные принадлежности по карманам. Если жгут был погашен не полностью, он продолжал тлеть и в кармане, а если его хозяин не замечал этого вовремя, загоралась одежда. По свидетельству моей мамы, работавшей в пошивочной мастерской шуйского Военторга, ремонт прогоревших галифе, кителей и особенно шинелей был самым обычным делом.

ВОЕНРУК

Так называлась специальность школьного учителя, преподававшего военное дело. Наш военрук был демобилизован по ранениям и контузии в самом конце войны в звании майора. Воевал в разведке. Про себя как-то сказал, что «был психическим, но потом поправился». Мы видели его летом на реке, - грудь, живот, ноги были в жутких шрамах.

Это был очень высокий, худой мужчина лет тридцати пяти. Одет он был всегда в длинный зеленый китель со следами погон, темно-синие галифе и хромовые сапоги. Низ правой полы кителя и правый карман галифе были аккуратно заштопаны: это были характерные следы маленького пожара, который время от времени случался с одеждой курящих мужчин, а у выпивавших – особенно (см. «Как добывали огонь»). Лицо его вытянутое, с черными горящими глазами, с гладко зачесанными назад волосами, было сурово и требовательно. По школе он ходил, как в строю, с учителями-коллегами особенно не знался, с учениками никаких «внестроевых» отношений не допускал.

Как-то раз в начале марта я случайно увидел его вечером в центре рыночной площади и был поражен совершенно новым для меня обликом этого строгого человека. Он был в длинной распахнутой шинели; на голове, одетая набекрень, была высокая, серого каракуля кубанка; из-под кубанки выбился черный чуб, свисающий на веселые глаза. Придерживая под руки двух таких же высоких, одетых в полувоенную форму, смеющихся молодцов, он во весь голос дал им команды: «Равняйся!», «В пивную шагом марш!» и «Запевай!». Шеренга из трех человек грянула на строевой лад «А ну-ка, дай жизни, Калуга! Шагай веселей, Кострома!» - и маршем двинулась на пивную.

Приблизившись вплотную, военрук оглушительным пинком распахнул дверь, и вся компания с песней ввалилась внутрь.

На другой день объявили о смерти Сталина; наш класс учился во вторую смену, а первым уроком было военное дело. Военрук вошел в класс, сел за стол, закрыл лицо руками и... вдруг зарыдал, как ребенок. Я сидел недалеко и видел, как слезы бегут по его рукам и капают на стол. Две девочки впали в истерику. Мы начали их успокаивать, но подойти к военруку так и не решились.

ВОЙНА

Дед моей жены, Алексей Тартин, крестьянин из деревни Хотеново, что близ Васильевского, был участником четырех войн: Первой мировой, Гражданской, Финской и Великой Отечественной. Так сложилось, что много времени мы прожили вместе с ним и с бабушкой в одной квартире. Когда же жили врозь, мы не упускали возможности повстречаться и пообщаться – мы их очень любили.

Несколько раз я спрашивал деда, что из всех этих войн запомнилось ему наиболее ярко? В ответ он рассказывал то один, то другой эпизод, но почти каждый раз заканчивал словами:

- Вот, помню, выбили мы фрицев зимой из большого села. Вошли. Вокруг огонь, вонь, гарь, дымище! А ребятишки с высоченной ледяной горки – и-их! – на мертвых немцах катаются! Уж больно много фрицев там, на горе, мы при артподготовке ухлопали. Никогда такого не видывал!

Если при этом рассказе присутствовал его сын Константин, прошедший всю войну рядовым, шофером, до самого Берлина, он непременно дополнял воспоминания отца не менее жутким случаем:

- В Румынии наш полк отправили на роздых и пополнение. Командир разведроты, майор, вместе со своими ребятами быстренько выменяли у каких-то цыган канистру со спиртным. Сразу же попробовали – вроде, зеленое (шуйское название водки), выпили как следует, и все – а их было девять человек – отравились. Привезли их в одну избу, положили на пол в ряд, вызвали из медсанбата, но поздно: начали сразу помирать. Майор лежал справа последним, а первыми умерли трое слева, будто по порядку, как лежали. Майор был еще в сознании, приподнялся немного, да как захохочет! У-у – говорит – вон до меня еще сколько осталось! Еще поживем! Все померли. А цыган этих как ветром сдуло.

ПРОШЕНИЕ О ПОМИЛОВАНИИ

(Документ без комментариев¹)

В Президиум Верховного Совета С.С.С.Р.

От з/к Горев Александра Федоровича
1922 года рождения, уроженца
Ивановской области, Шуйского района,
осужденного военным трибуналом
г. Челябинска по статье 58 п.8 и 10 ч. 1
приговоренного к 25 годам И.Т.Л.
и к поражению в правах на 5 лет,
в октябре месяце 1949 г.
Л.д. № 213118
Находящегося, для отбытия наказания
в И.Г.Л. Красноярского края,
поселок Норильск п/л "з" 224/2

Просьба о помиловании.

Я, Горев Александр Федорович, родился в 1922 году 4 сентября в Ивановской области, Шуйского района, в семье рабочего. Отец и мать до и после Октябрьской революции работали на производстве.

С семи лет я пошел учиться в начальную школу в г. Шуе, которую успешно окончил. В 1933 году пошел учиться в среднюю школу, где окончив восьмой класс, ушел учиться на поммастера в школу поммастеров. В 1939 году я поступил учиться на токаря на завод им. Фрунзе.

Где работал до призыва в армию. В 1942 году я был призван в армию и вскоре был отправлен на фронт. Под Сталинградом я был ранен и находился на излечении в полевом госпитале в хуторе Теркино Сталинградской области. После госпиталя меня направляют на курсы младших лейтенантов. Я еду в г. Анна Воронежской области. Курсы эти были от Степного фронта.

В 1943 году окончил курсы и получил звание младшего лейтенанта. И был отправлен в запасной офицерский полк 7-й гвардейской Армии. Там получил направление в дивизию, на передовую край, где и принял взвод. В составе этого взвода я штурмовал Харьков 23 августа 1943 года. 26 августа 1943 года был ранен тяжело, в живот и бедро левой стороны, в 12 км за Харьковом, под хутором Карачевка.

Оттуда был доставлен в полевой госпиталь, где меня отправляют в тыл, в город Кисловодск.

Лежал в санатории ЦК связи. По выздоровлении был направлен в Отдельную Приморскую Армию, уже в другую часть. Здесь я принимаю командование взводом, который находился на отдыхе на Таманском

полуострове. Вскоре высаживаемся на Крымский полуостров с Керченского пролива и занимаем Маяк, Капканы и Завод Войкова.

Здесь заняли оборону, временно.

Оборону занимали в 3 – 4 км от Завода Войкова. Днем я лег отдохнуть в блиндаже, с командиром второго взвода, т.к. ночью я дежурил по своей обороне. Противник начал обстрел. И нас завалило в блиндаже, снаряд пришелся как раз в угол.

Вскоре нас откопали, но сами передвигаться мы были не в состоянии, и нас отправили в сан. роту.

По пути к сан. роте попал я под бомбежку, где был основательно контужен. В тяжелом состоянии доставили в сан. бат. На другой день мне приходит радостная весть, повышение звания, за хорошую службу. Я хотел вернуться в свою часть с мед. сан. бата, но врачи отправляют меня в госпиталь, в Кубанскую колонку, номер госпиталя не помню.

Отсюда меня отправляют в госпиталь в г. Краснодар. А там отправляют в глубокий тыл, и я попадаю опять в г. Кисловодск в тот же госпиталь.

По выздоровлении был направлен в Волжский военный округ г. Горький. Оттуда получаем направление в московский военный округ, ул. Осипенко дом 3.

Мои боевые товарищи поехали по назначению, а я решил заехать домой, т.к. долго не виделся с родными. Пробыл там неделю и поехал в Москву, по назначению. Дорогой меня арестовывают, в Иванове, как дезертира и осуждают к 10 годам И.Т.Л.

И осенью 1944 года я был отправлен в И.Т.Л., на Дальний Восток, под Советскую Гавань. Зимой меня освобождают с лагеря и направляют в штрафную роту. В составе которой я попадаю на фронт, на передовую, в Восточную Пруссию, под Пиллау.

Вскоре был высажен десантом на косу Фриш-Гаф, под город Кальберггап. Там был ранен и контужен. Лежал в полевом госпитале, в г. Прейсишесколянд. В это время было водворено наше, красное знамя над Берлином. Закончилась Война.

По выздоровлении с меня сняли штраф, судимость, получил справку в руки и был направлен в этапно-заградительную комендатуру, в Польшу, г. Остроленко.

Под осень 1945 года нас перебрасывают в Восточную Пруссию, в г. Алленштейн. Где я командовал отделением, получил звание старшего сержанта. Был вскоре переведен из комендатуры, по моей просьбе, в военно-продовольственный пункт 105, который находился там же. Проработал там в качестве зав. столовой до марта 1946 г. В апреле месяце демобилизовываюсь с продпункта, еду на родину. Женился в 1945 году, будучи на продпункте.

С женой жил, после демобилизации в г. Шуя Ивановской области. Весной 1947 года переезжаем на родину жены, в Могилевскую область, Быковский район, деревня Короткие. Из-за семейной неурядицы я оставляю

жену, сам еду домой, к отцу. Откуда еду на Урал в г. Карталы. Здесь устраиваюсь работать на железную дорогу. Работал сначала простым рабочим, потом готовлюсь к сдаче на строй. мастера. Проработав сезон, закончив работу и сдав в эксплуатацию, нашу организацию перебрасывают в г. Барнаул. Я же беру расчет по собственному желанию и устраиваюсь работать в путь в г. Карталы. Работал в качестве путевого обходчика и ремонтного рабочего. Зимой под 1949 год женюсь снова, и с женой живем в казарме, на казенной квартире. У нас жил квартирант. И он на меня написал в М.Г.Б. Вскоре этого квартиранта арестовывают, за что я до сих пор не знаю.

Однако же после ареста квартиранта, 29 августа 1949 года арестовывают и меня, повода к этому я не знал и вины за собой никакой не чувствовал.

Но по прибытии в М.Г.Б. г. Челябинска, меня обвиняют по статье 58 – “8” через 17 и по 58 – “10” – ч – I.

Обвиняют меня в том, что я вел агитацию, всевозможные антисоветские высказывания.

Я стал вдумываться и действительно нашел в своей прошлой жизни места, где я, без задней мысли, говорил разную чушь. И будучи в нетрезвом состоянии высказывался по адресу Вождя Народов И.В. Сталина просто нехорошо. Что меня побуждало к этому я и сам не могу понять. Я ничем не был озлоблен на жизнь, на строй.

Но жизнь моя была не весьма блестяща, жил неважно. И иногда проскальзывали эти злые, ненужные слова. На следствии вел себя хорошо, отвечал на все вопросы. Признал себя виновным и говорил, что я готов нести кару за мои преступления, которые я сделал, даже неумышленно.

И в первой половине октября 1949 года меня судят по статье 58 – “8” через 19 и по 58 – “10” – ч. – I.

На суде я также признал себя виновным и был приговорен к 25 годам И.Т.Л. с поражением в правах на 5 лет. Для отбытия наказания я был отправлен в И.Т.Л. Челябинской области в г. Копейск.

Осужден я был Челябинским Военным трибуналом.

В Копейском лагере я честно трудился, не жалел своих сил, за что был несколько раз премирован и получал благодарности с занесением в личное дело от командования лагеря.

В 1952 году весной меня, как специалиста, отправляют в другой лагерь, в Челябинск, в I-е лаг. отделение, где я работал в качестве слесаря-монтажника.

Но вскоре был отправлен на этап, в поселок Норильск, Красноярского края, где нахожусь в настоящее время.

Здесь стал работать в шахте бурильщиком, на руднике 7/9. За хорошую и честную работу получал несколько раз премии и благодарности. А так же за хорошее поведение в быту и труде стал бригадиром той же бригады, где и был бурильщиком.

Первого апреля 1953 года бригада вышла работать в ночь. Придя на работу, я обошел все выработки на своем участке и напроцедился в перфораторную, чтобы подтолкнуть с заправкой буров, попал под электровоз, в следствие чего потерял левую ногу. И сейчас я инвалид, хожу на костылях. И никак не могу добиться заказа протеза. В настоящее время я еще не работаю, отдыхаю после болезни. Но надеюсь, что я со строя еще не вышел совсем и встану в ряд со всеми.

Вот уже пятый год, как я отбываю наказание, никуда не обращался, т.к. приговор мой окончательный. А сейчас я обращаюсь с просьбой о помиловании к вам, так как я осознал все свои ошибки, раскаялся в них полностью и раскаиваюсь, что впредь от меня ничего подобного к преступлениям не будет.

В ту пору я был слеп совсем, делал необдуманно, да и только стал вступать в жизнь.

Теперь же раскаиваюсь во всем, хочу стать честным, искренним гражданином и идти в ногу со всем советским народом к победе коммунизма.

Хочу стать полноценным гражданином и отдать все свои силы и знания на благо родины и нашей могучей партии Советского Союза.

Сейчас у меня дома мать и отец – старики, пенсионеры живут на пенсии.

Жена с сыном живет в Карталах. И я хочу увидеть уют семейный, воспитывать сына и помочь старикам своим.

Я достаточно был наказан за мои преступления, осознал полностью, что я виновен в этом, раскаиваюсь полностью и впредь обещаю за мной ничего плохого не будет, кроме хорошего. Я все силы, всю свою жизнь отдам на благо родины, на пользу народа.

Пусть я стал инвалидом, но к труду я способен и буду идти в ногу со всем советским народом к построению Коммунизма.

А поэтому прошу помиловать меня.

Прошу не отказать в моей просьбе.

Я нахожусь сейчас в Красноярском крае, поселок Норильск п/я “2” – 224/2.

15 сентября 1953 года².

К сему з/к (подпись)

¹ Документ предоставлен дочерью А.Ф. Горева В.А. Даниловой (г. Шуя). Печатается с рукописного подлинника с сохранением стиля и орфографии. Географические названия не уточнены.

² Прощение было удовлетворено Президиумом Верховного Совета СССР. Впоследствии А.Ф. Горев был реабилитирован, умер в г. Шуе в 1994 г.

Н.Н. КОРОТКОВА
(г. Черноголовка Московской обл.)

О ПОДВИЖНИКЕ КУЛЬТУРЫ ШУЯНИНЕ А.А. НЕВСКОМ

*Я хранитель (conservateur) музейных и
жизненных ценностей для будущего.
А. Невский*

В предлагаемых записках я хочу рассказать о своем знакомстве с замечательным шуянином Александром Арсеньевичем Невским (1898-1980) и его сестрой Ниной Арсеньевной (1895-1966). Их отец, Арсений Иванович Невский (1853-1906), происходивший из семьи дьякона церкви при Киселевской больнице и окончивший духовное училище, работал начальником железнодорожной станции Шуя. Мне кажется, что изучение жизни этих представителей старой русской интеллигенции, воспитанных и сформированных на шуйской земле в первые десятилетия XX века, может послужить освоению научных и культурных традиций, унаследованных еще из XIX века, на пользу настоящему – XXI веку. А также осознанию того, какой ценой эти традиции сохранялись в минувшем XX столетии.

Часть I. История знакомства. Сестра.

*Фортепиано движется на упорстве.
Н.А. Воловова (Невская)*

До 23-х лет я жила с родителями и сестрой в Иванове, проводя, однако, изрядную часть каникул и выходных в Шуе, у сестер своей мамы, живших на Костромской улице, - Галины Николаевны Яблоковой, учителя биологии школы № 1, и Татьяны Николаевны Забродиной, учителя начальной школы. А моя мама, Софья Николаевна Яблокова, проработала всю свою трудовую жизнь (а это более 40 лет) на фабрике Новая Ивановская Мануфактура им. Н.А. Жиделева, из них последние 25 лет в должности заведующей химической лабораторией этого предприятия. В 1968 г. я окончила Ивановский химико-технологический институт, и мне предстояло отправиться по распределению в город Новосибирск для самостоятельной жизни и работы. И вот – впереди последнее свободное лето. Незадолго до этого произошло одно поразившее меня событие – первая смерть в близком окружении. Умерла моя учительница музыки Нина Арсеньевна Воловова¹, в девичестве Невская.

Уроки наши проходили все 12 лет обучения на дому, так что наши отношения поневоле не были только формальными, и облик педагога естественно и глубоко запечатлелся в моей душе. Учительница моя обладала незаурядным музыкальным талантом. Впечатляло, однако, не только это, а и само отношение к труду профессиональному, которое, как, я потом убедилась, было семейной чертой Невских. Работать полагалось всегда, а не только согласно расписанию будничной недели. Болезнью считалось только то состояние, когда лежишь. Если можешь сидеть, значит, можешь и работать

– таково было требование. Школьные каникулы рассматривались как самое благоприятное время для усиленных занятий музыкой и углубленного чтения. Бывать «в концертах» классической музыки, которые проходили в Иванове в те годы регулярно, считалось обязательным. И Нина Арсеньевна, и особенно Александр Арсеньевич работали до последних лет и даже месяцев жизни, пока сохранялась физическая способность играть, держать в руке ручку и книгу. В молодости Нина Арсеньевна училась в Московской консерватории у выдающегося мастера Г.Г. Нейгауза, и именно из ее уст мне доводилось в детстве слышать почтительное «Генрих Густавович», а иногда и наблюдать, как, забыв об уроке, она углублялась в рассмотрение карандашных пометок, сделанных в нотах «рукою Генриха Густавовича». И только впоследствии я прочитала это имя в книгах его и о нем и много раз слышала по радио и в различных записях. Увлечение Ниной Арсеньевны фортепианным искусством было так сильно, что и выйдя замуж и вновь обосновавшись на ивановской земле, она продолжала ездить совершенствоваться к Учителю в Москву. Было это, правда, лет за 30 до нашего знакомства, а в годы моего детства и юности она, овдовев, жила в комнате коммунальной квартиры в четырехэтажном доме на улице Калинина, на которой жили и мы. Я и сейчас ясно вижу перед собой эту комнату, где стояло «старинное» пианино Hofliferant с бронзовыми подсвечниками, тремя педалями и модулятором слева от клавиатуры для регулировки силы звучания. На стене – два акварельных пейзажа среднерусской полосы с зелеными елями и березами. Рамок у акварелей нет, и они смотрятся любительскими работами.

Однажды мы вошли с мамой в эту комнату навестить серьезно заболевшую учительницу, и я увидела строгого седого человека, сидевшего у ее постели. Он оказался ее родным средним братом Александром, приехавшим из Ленинграда, чтобы ухаживать за больной сестрой. Посещение было недолгим, и от него мне запомнилось лишь то, как на обратном пути мама все удивлялась: «Выходит, у Ниной Арсеньевны есть еще один брат?! И столько лет скрывать! Никогда, ни единого слова!». Дело в том, что она знала учительницу и ее семью не один десяток лет и полагала, что уж состав-то семьи отлично известен. Во всяком случае о другом, младшем брате, Дмитрие Арсеньевиче, известном геологе, лауреате Государственных премий (который, кстати, тоже учился в Шуйской гимназии, как и Александр), все знакомые, в том числе и я, были хорошо наслышаны.

И вот у брата Александра, существование которого нужно было почему-то скрывать и который, быть может, так и не появился бы никогда в моей жизни, если бы не те печальные обстоятельства, она и умерла в Ленинграде спустя некоторое время. Он сообщил нам об этом в кратком письме, указав место захоронения на Северном кладбище, с точными номерами квартала, ряда и номера могилы (до того я не знала, что у могил могут быть такие подробные адреса). Ощувив какую-то странную растерянность при этом известии, я решила написать письмо

соболезнования почти незнакомому человеку, сделав в конце вежливую приписку: «Нельзя ли прислать что-нибудь из ее нот на память?». Через две недели была получена аккуратная бандероль с нотами нескольких пьес Грига с фотопортретом композитора, издательства L. Idzikowski, и «Карнавал» Шумана, издательства «П. Юргенсонъ въ Москвѣ». Я внимательно просмотрела ноты; увы, пометок Генриха Густавовича в них не было. В посылке были также две тщательно обёрнутые книги, «по которым покойная изучала историю французской революции в гимназии»² и сопроводительная записка, завершавшаяся неожиданным приглашением: «Не хотите ли Вы навестить могилу Нины Арсеньевны и заодно познакомиться с памятными местами Ленинграда?». Не хочу ли я?! В Ленинград?! Напомню, это было моё последнее «студенческое» лето. Шел 1968-й год.

Часть II. Продолжение знакомства. Брат.

Шуе я обязан широким общим образованием.

А. Невский

Через несколько дней после полученного приглашения я переступала порог просторной квартиры с видом на Неву на Большоохтинском проспекте. Вот он, тот строгий седой человек, встречает меня радушной улыбкой: «Вы наш гость как давняя ученица Нины Арсеньевны и как внучатая племянница Харитины Евлампиевны Яблоковой, у которой я жил на квартире в Шуе в 1916-1917 гг., будучи гимназистом выпускного класса и к тому времени уже круглым сиротой». Приятно удивляясь тому, что эти обстоятельства неожиданно приобрели вес, прохожу в кабинет, куда хозяин приглашает меня со словами: «Здесь будете жить Вы, а я на время перейду в другую комнату». Передо мной так знакомое пианино с подсвечниками, те же две зеленые акварели (выясняется, что их автор – хозяин кабинета), кресло, тахта и книги, книги в застекленных шкафах, целиком занимающие полторы стены от пола до потолка, аккуратно расставленные по разделам и темам. «Вы можете свободно пользоваться любыми книгами этой библиотеки», - слышу я за своей спиной, догадываясь, что буду всякую свободную минуту путешествовать по этому острову сокровищ, многие из книг мне видеть не доводилось ни разу в жизни.

Все прошедшие с тех пор три с половиной десятилетия я благодарю судьбу за то, что в ней так совпали встреча с неповторимым, великолепным городом и знакомство с удивительным человеком. Я до сих пор храню небольшой листок, исписанный изящным почерком и озаглавленный «План посещений». В нем – поездки и экскурсии на каждый день моего пребывания, с пометками «Библиотека» для некоторых из них. В эти дни Александр Арсеньевич уходил с утра работать в библиотеку, а я оставалась в его кабинете, среди книг библиотеки домашней. После обеда мы отправлялись в одно-два из намеченных мест – в Петропавловскую крепость, Исаакиевский собор, Казанский собор, Летний сад, Смольный, Кикины палаты, Таврический сад и так далее. Некоторые посещения, например, Русский

музей, Ломоносов-Петродворец отнимали по целому дню, с утра и до вечера. Благодаря стараниям добрейшей Ирины Геннадьевны³ забот о пропитании не было никаких, так что две чудесных недели я всецело предавалась новым впечатлениям. Как вскоре выяснилось, только так и можно было изучать город под руководством А.А. Невского.

Теперь я могу только сожалеть о том, что большая часть фактических данных, услышанных мною от Александра Арсеньевича в ходе экскурсий, в памяти не сохранилась. Отдельные эпизоды, фрагменты рассказов, некоторые фразы, а главное, отрадное чувство – оно живо и сейчас – будто шагаешь рядом с неутомимым сдержанным человеком, слушаешь его строгую речь, удивляющую обилием точных деталей, и думаешь, чего же здесь больше – преданности предмету или щедрости человеческой, доброжелательности к единственному слушателю? Не припомню, чтобы в этих поездках мы прибегали к помощи экскурсовода. В этом не было никакой необходимости, ибо Александр Арсеньевич Невский мог свободно рассказывать не только о любом из известных мест, но, казалось, о каждой улице и каждом памятном здании, связанных с историей и культурой. («Он каждый камень в городе знает», - заметила Ирина Геннадьевна.) Для меня было тогда необычно, что он мог поведать даже о том, чего уже вообще не существовало. Мог, например, показать на заасфальтированную площадку с клумбой посередине: «А вот на этом месте стоял храм – памятник славы русских моряков, погибших в войну с японцами в 1904-05 годах. В двенадцатом году освятили, а потом взяли да и снесли. Сколько прекрасного зря уничтожили!».

Нередко в музеях и на улицах к нам присоединялись посторонние люди, стояли, слушали. Один эпизод запомнился мне особенно. Это было в отделе древнерусской иконы Русского музея. Когда мы вошли в полупустой зал, там в тишине рассеянно бродили немногие посетители. Подойдя к иконе Николая-чудотворца, мой гид успел только показать детали одеяния святого и произнести несколько фраз об их значении для определения времени создания иконы, как его уже буквально облепила толпа людей, меня оттеснили далеко назад, так что ничего уже нельзя было увидеть и как следует расслышать. Пришлось идти в вестибюль и дожидаться, пока он не выходил, все еще окруженный людьми, со словами: «Каков дух творящий? Древние мастера отнюдь не лаптем щи хлебали! Между прочим, религиозная живопись Запада намного безвкусней древнерусской!». Было яснее ясного, что и эту область мой новый знакомый знает великолепно.

В залах художественных музеев он бывал более лаконичен: «Французский живописец фламандского происхождения. Рубеж XVII-XVIII веков, воспитывался на Тенирсе и Рубенсе. Любуйтесь», - и отходил в сторону. Однако картин и залов было такое множество, что спустя несколько часов мне было не до искусства из-за страшной усталости и голода. Но не так-то просто, а вернее невозможно было в присутствии моего спутника нарушить посторонним словом это мерное движение от шедевра к шедевр, от зала к залу, пока он не произносил примерно следующее: «Ну, раз уж

время обеда все равно прошло, захватим сегодня заодно французское искусство XIX-XX веков и английское XVII-XIX веков, так что к ужину поспеем». Я вглядывалась в его спокойное лицо, думала о том, что ему 70 лет (неужели это возможно) и шагала дальше, навсегда, кажется, усвоив этот урок: узнавая и постигая, нужно идти и идти, не думая о еде и питье и вообще ни на что не жалуясь и не отвлекаясь, а только со вниманием смотреть и слушать, слушать. И кое-что запоминать.

Еще одним открытием для меня явилось посещение кладбищ. Поначалу я просто не поняла, зачем ездить на кладбища, где у тебя лично никто не похоронен? Моё недоумение было немедленно посрамлено: «В земле Александро-Невской лавры похоронено много деятелей русской культуры, начиная с Ломоносова и кончая композитором Глазуновым, останки которого были перевезены из Парижа по его завещанию. А начиналась она с захоронения в Лазаревской церкви царевны Наталии Алексеевны, любимой сестры Петра I. Она, между прочим, основоположница театральных зрелищ в Петербурге». И вот на кладбищах становилось так же интересно, как и в музеях. Известные писатели, актеры, издатели оказывались Иванами Дмитриевичами и Елизаветами Павловнами, жившими там-то и там-то, состоявшими в родстве с теми-то и оставившими такой-то след в культуре. Понятие «лично моё» незаметно смещалось в сторону «лично наше». Помню своё сожаление на могиле физиолога Ивана Петровича Павлова о том, что не было с собой бумаги и ручки: высокая белая плита была сплошь заполнена текстом «Заветы молодежи», который хотелось переписать себе.

Впоследствии вдова Невского рассказывала, что он до самой своей кончины посещал могилы своих учителей. Наводил справки, разузнавал, кто из бывших ленинградских профессоров, некогда учивших его, где похоронен. А я находила прочувственные записи в его дневнике, сделанные после этих посещений. Здесь подробные даты рождения и смерти, научные кредо (и это было новостью для меня!) и другие памятные надписи. Эта черта ученого удивила и взволновала меня; я просто не встречала в жизни такого глубокого проявления благодарности. Мне открылась еще одна семейная черта сестры и брата Невских — хранившееся всю жизнь благоговейное чувство признательности учителям и не только им. «Да будет благословен каждый человек, когда-либо накормивший меня хлебом духовным!» — записал Александр Арсеньевич в конце 1959 года, вспоминая профессоров Лопатина, Челпанова и особенно любимого им Шпета, лекции которых слушал в Московском университете более 40 лет назад.

Закljučая свой рассказ, я коснусь эпизода, проливающего свет на вопрос, — почему же всё-таки Нина Арсеньевна так боялась, что окружающие узнают о существовании у неё брата Александра? Однажды солнечным утром, на пути в местечко Куоккала, бывшее имение художника Репина «Пенаты», Александр Арсеньевич показал на мрачноватое здание из красного кирпича и изрек нечто совершенно неожиданное, на что я не знала не только что сказать, но и как вообще отреагировать: «Вот отсюда, в 1936-м меня, раба

Божия Александра, повезли, как беспартийную сволочь, на север, в исправительный лагерь». Тут последовала очень длинная пауза, после которой мы пошли дальше, не проговорив ни слова. Теперь, спустя 35 лет, я понимаю, кажется, что означала эта пауза. Во-первых, Невский был внимательным и ненавязчивым собеседником, чувствующим, какую дозу информации способен «переварить» его слушатель. Во-вторых, он не стал ничего добавлять и разъяснять еще и потому, что у него вообще отсутствовало столь распространенное желание «описать этот ад, чтобы люди знали». И он не рассказывал никому и никогда, а если и упоминал, то в связи с чем-нибудь прочитанным или изученным там. «Он просто не мог», — как потом объяснила мне его жена. И не считал настолько важным, важнее своих научных интересов и изысканий, добавлю я теперь.

Всем обликом это был настоящий ученый. «Наверное, профессор-искусствовед и историк, или писатель», — думала я. Так думала не только я, а и люди, куда больше меня смыслившие в специальных областях знания и настоящие профессионалы. А вот о том, чего стоило сохранить этот облик, я тогда не подозревала. Да и сейчас, осмелюсь ли предположить, что знаю этому цену?

И все же был в ходе этой первой встречи эпизод, расхлывшийся с моим представлением о профессорском облике. В тот день мы прошагали по паркам и музеям Пушкина и Павловска без воды и пищи с утра часов до четырех дня, когда, наконец, раздалось долгожданное: «А теперь будем перекусывать». Но что это был за перекус! Стакан чая с тощим бутербродом, остатки которого, к моему немалому удивлению, мой спутник быстро завернул в салфетку и как-то очень проворно сунул в карман со словами: «Русский музей еще не закрыт, на обратном пути успеем посмотреть в зале номер таком-то несколько вещей, интересных в живописном отношении». А у меня не выходило из головы: «Зачем было прятать эти корки? Нести домой, где нет никаких домашних животных?». Да, о лагерных пайках и о тех следах, что оставляет в людях борьба с голодом, я ничего не знала.

Так кем же все-таки был этот человек? В день приезда я спросила Александра Арсеньевича о его специальности. Вместо привычного «окончил такой-то ВУЗ», последовало целое повествование с упоминанием Шуи, Москвы, Ленинграда, философии, филологии, живописи, психологии, фольклора, православной иконографии — помню, что завершилось все этнографией. Здесь уместно вспомнить о том, что жизнь подчиняется логике не всегда. Правда, в которую отказывались верить слушавшие Невского люди («не может быть!»), состояла в том, что этот многогранный высококлассный ученый-гуманитарий был безвестным и в то время безработным пенсионером, отработавшим, согласно записи в трудовой книжке, 22 года техником и инженером-геологом в отделении шахтной геологии предприятия «Интауголь».

Вдова А.А. Невского потом рассказывала, что после смерти Сталина сестру Нину вызывали, кажется, уже не в первый раз, в органы, как тогда

говорили, и в резком тоне допрашивали: «У Вас есть брат?». «Да, Дмитрий», - отвечала она. «Нет, другой. Не пытайтесь скрывать».

И, хотя речь далее шла о реабилитации, она была страшно перепугана. После этого следователь из Ленинграда ездил в Инту и допрашивал А.А. Невского об истории его ареста, но уже в вежливой форме.

Ну, а моя жизнь тогда только начиналась. Мама купила мне большую папку для нот и привела в уже знакомую нам комнату, где никогда, даже в самых доверительных беседах, не упоминалось имя брата Александра.

Часть III. История одной книжной разведки в Шуе.

Я искал хороших, глубоких книг ... источников подлинного знания. И теперь продолжаю искать книги, утраченные мною в результате ареста и заключения.

А. Невский

Покидая Ленинград, я думала о том, как отблагодарить Александра Арсеньевича за свалившееся на меня счастье. Подарить ему какую-нибудь необходимую книгу? Но какую? Лишь однажды, в его отсутствие, мне удалось заглянуть в оставленную в кабинете раскрытую книгу, и я прочла: «Пусть каждый даст другому то, чего тому не достает, и лишь тогда общий Дух прозреет». Я невольно остановилась. Между книгами, которые окружали меня и которыми были завалены прилавки магазинов, и этой книгой лежала целая пропасть. Нечего было и думать о том, чтобы встретить что-либо подобное в каком-то другом месте, кроме кабинета А.А. Невского. Вообще в то время большинство стоящих книг приходилось искать и с усилиями доставать, а в свободной продаже была в основном литература идеологическая и научно-техническая. А когда еще не знаешь, что доставать...

Но вот вскоре, уже в Новосибирске, мне попала книжка «Африка еще не открыта», содержащая этнографические очерки загадок черного континента. Я помнила слово «этнография» как одну из специальностей А.А. Невского и решила отослать эту книгу ему в подарок. В ответ он писал (3.08.68): «Спасибо за книгу и за готовность Вашу доставать для меня с И.Г. нужные книги. ...Приезжайте, и мы сходим с Вами в Петропавловку, съездим в Гатчину, посетим музеи, которые Вы не успели охватить в этот Ваш приезд. К 1.09. я оканчиваю долгую штудию труда на французском языке по христианской иконографии⁵ - и словно перехожу на следующий курс спроектированного мною для себя специального вуза».

А уже в следующем письме (от 30.11.68) поступил первый заказ: «Ирина Геннадьевна очень хотела бы иметь «Библейские сказания» Зенона Косидовского, а я прозевал и второе издание этой книги. Нет ли ее у Вас в Новосибирске?» Этот заказ мне удалось выполнить, и тут мне стала приоткрываться сфера настоящих книжных интересов ученого. Из письма от 31.12.68: «Моя библиотека пополнилась рядом интересных поступлений -

помимо двух Ваших книг у меня появились еще: «Месяцеслов» 1840 г., толщиной в 4 пальца; «Монастыри в России и на Афоне», толщиной в 3 пальца; «Иконография Богородицы, II том», Н.П. Кондакова, в 3 пальца; «Славяне и Русь» - сборник в честь акад. Рыбакова, а также гостит отданная на неопределенный срок Библия на русском языке. Т.о., библиотека моя, наконец, округлилась. Приезжайте - посмотрите!»

А далее произошло счастливое и, казалось бы, маловероятное событие: на 71 году жизни А.А. Невский возобновил свою работу в Музее, который он создавал еще в 1932 году. Как это случилось, расскажу в следующий раз, а сейчас для нас важно то, что в этот момент ему и понадобились некоторые книги начала века XX, найти которые он затруднялся. И думал он искать их не в Ленинграде, а в Шуе! Вот что он писал в письме от 19.04.1969 г.: «Как это ни странно, я, кажется, вхожу в моду: приглашен консультантом по иконографии древнерусской живописи в Музей истории религии и атеизма [в Казанском соборе - Н.К.]. В связи с этим у меня будет к Вам просьба. Нуждаясь в справочных пособиях, я запросил старых шуян о книгах, которые могли у них сохраниться от старых времен, а именно:

- 1) Хрестоматия по древнерусской литературе и народной словесности Ф.И. Булаева (употреблялась в гимназии).
- 2) История христианской церкви Смирнова.
- 3) Руководство к богослужению православной церкви.
- 4) Катехизис и др. руководства по догматике и христианской этике.

Если Вы будете писать в Шую, не сочтите за труд спросить, не найдется ли этих книг в каких-нибудь частных руках. За книги заплачу, конечно. Вот какие иногда бывают странные нужды у людей!»

Письмо было получено перед майскими праздниками, на которые я как раз собиралась погостить домой. Сейчас не припомню, кто направил меня в Шую к Виктору Федоровичу Никонову, но сам визит запомнился прекрасно. Дверь большого деревянного дома в начале улицы Ленина открыл человек преклонных лет и пригласил меня сначала в гостиную, где стоял открытый черный рояль, а затем в маленькую комнату с книжными полками, очевидно, рабочий кабинет. Рассказал, что окончил Шуйскую гимназию, мехмат Московского университета и музыкальное училище, что поет в церковном хоре села Мельничное и что недавно сжег свою математическую библиотеку. Встретив мой вопросительный взгляд, повторил: «Да, сжёл. Предлагал, но раз никому не надо...». Затем я познакомила Виктора Федоровича со списком нужных А.А. Невскому изданий, а он стал выбирать с полок книги и складывать их на стол. Собрав целую стопку, сказал: «Запишите - 70 рублей за все книги»⁴. Привожу список этих книг.

- 1) Протоиерей Петр Смирнов. История христианской церкви, 1896.
- 2) Неизвестный автор. История христианской церкви.
- 3) Протоиерей Петр Смирнов. Священная история Нового Завета, 1906.
- 4) Протоиерей Павел Городцов. Учение о богослужении христианской православной церкви, 1907.

- 5) Священник А. Невский. Уроки пространного православного христианского катехизиса, 1908.
- 6) Священник Березин. Православно-христианское нравоучение.
- 7) Ф. Буслаев. Русская хрестоматия для средних учебных заведений, 1909.

Переписав все названия, я поблагодарила хозяина дома, и мы расстались. Список был тут же отправлен мною в Ленинград; А.А. Невский ответил немедленно (10.05.1969): «Вы для меня прямо какая-то «палочка-выручалочка»! Большое спасибо Вам за книжную разведку в Шуе! Я уже отправил туда своему близкому товарищу по гимназии Ник. Влад. Лебедеву письмо с просьбой зайти к В.Ф. Никонову и договориться о приобретении для меня 4-х книг... Зеленая молодежь в Музее мало знает из той области, которой я посвятил себя, - поэтому всякое мое замечание получает вес и встречается с благодарностью. Мне предстоит консультировать экспозицию православия и просмотреть с точки зрения иконографии музейный фонд икон (а икон там более 5000). Работа большая, но она чрезвычайно полезна для меня, поскольку я принялся за работу «Из истории христианских религиозных образов». Таким образом, я опять выплыл на стержень и подхвачен течением».

Спустя несколько месяцев, из письма от 3.10.1969, я узнала о смерти В.Ф. Никонова: «В Шую я еду по срочному вызову: 23.09 умер Никонов, и я хочу у его наследников достать те книги, которые Вы для меня в его библиотеке развели весной». Уже через неделю, 9.10.1969, А.А. Невский сообщал из Шуи: «Пишу Вам от Антонины Михайловны Александровой, которой когда-то Вы доставляли книгу по языкознанию. У Никоновых я вчера приобрел почти все те книги, которые весной отыскивали. Еще раз спасибо Вам за произведенную Вами книжную разведку! Может быть (это выяснится сегодня), мне удастся еще приобрести у наследников В.Ф. Никонова одну нужную мне книгу - «Жития святых» в одном томе. Тогда я буду прямо счастлив: это так пригодилось бы мне в работе. Хочу также пересмотреть в библиотеке покойного Никонова все 35 альбомов с фотографиями, освещающими настоящее и прошлое города Шуи и его окрестностей. Делаю и другое дело, за которым приезжал, - восстанавливаю памятник на могиле родителей. С 20-х годов могила стояла без памятника (старый памятник - металлическая часовенка - был уничтожен в годы разорения кладбищ в первые годы революции). Будучи на кладбище, видел и свежую могилу В.Ф. Никонова за красной кирпичной сторожкой. Пока моя поездка (я должен побывать еще в Иванове и Москве) складывается довольно удачно. Только вот сегодня льет дождь с ночи, и я не знаю, как я пойду с улицы Вихрева на Советскую к Никоновым. Надеюсь на наличие зонтика у Антонины Мих., которая еще не встала с постели (пользуюсь ранним утром, чтобы написать Вам это письмо)».

А следующее письмо от 24.10.1969 было уже из Ленинграда: «Что касается моей поездки, то она удалась мне как нельзя лучше. Посудите сами: 1) я восстановил памятник родителям на Шуйском Троицком кладбище, о

чем мечтал давно; 2) у семьи покойного В.Ф. Никонова приобрел все нужные мне книги, в том числе однотомник житий святых, который, вероятно, Никонов при жизни мне бы не отдал - и всё за назначенные им 70 рублей. Очень я Вам признателен. В Иванове я виделся со своими однокашниками по гимназии. В Москве приобрел 2 альбома древнерусской живописи: Третьяковской галереи и Музея Рублева. Побывал в Успенском соборе Московского Кремля, в церкви Троицы в Никитниках (фрески XVII века!), в Центральных художественно-реставрационных мастерских, в Архангельском (б. имени кн. Юсуповых), в Зеленограде, в Скорбященской церкви на Большой Ордынке, где наслаждался прекрасным хором, присутствуя за архиерейской службой (в эту церковь ходил народный художник Павел Дм. Корин!). Конечно, навещал также своих родственников и друзей... Моя библиотека закружилась таким образом, что, кажется, больше уже как будто ничего и приобретать не нужно. Как консультант, я теперь вооружен до зубов! На сколько времени у меня хватит «второго дыхания», конечно, неизвестно, но хотелось бы еще пожить и поработать».

Итак, моё поначалу казавшееся несбыточным желание помочь А.А. Невскому с приобретением каких-нибудь необходимых книг сбылось. Пусть мне самой эти книги казались давно отжившей и малопонятной древностью. Ведь всё описанное произошло в эпоху «господствующего атеизма», когда церковь «навсегда прекратила свое существование». Храмы стояли заколоченными, либо оскверненными и полуразрушенными. Иконы можно было увидеть только в отдельных залах музеев, куда мало кто заглядывал. В эту пору я познакомилась с человеком, который в одиночку вставал на защиту попорченной духовности и разгромленной культуры. Изгнанный из общества узник ГУЛАГа, у которого была сломана вся жизнь, ослабевший от голода и цинги, превратил себя в кладезь знаний и живую память. Чтобы эти знания не погибли, он неустанно и добросовестно передавал их людям, даже если это был один слушатель и адресат. Много раз в последующие годы мне помогали слова Александра Арсеньевича, встреченные мною в его дневниковой тетради: «Всё надо понимать иначе». Он много раз возвращал и теперь возвращает меня на родину, чему я очень рада.

¹ Н.А. Воловова - пианистка-педагог, преподавала фортепиано в музыкальном училище г. Иванова. Первоначальное образование получила в 1901-1909 гг. в прогимназии княжны Кропоткиной г. Нерехта, отличавшейся высоким уровнем преподавания музыки и пения. Ее муж, Воловов Владимир Андреевич, текстильный инженер, работал в Серде, Шуе, Иванове. Умер в 1953 г.

² 1) Токвиль. Старый порядок и революция. Москва, 1905;

2) Минье. История французской революции. СПб., 1906.

³ И.Г. Языкова (1903-1995), жена А.А. Невского. Родилась в Костроме, где училась в Григоровской женской гимназии - первой женской гимназии в России. Преподаватель немецкого языка.

⁴ Зарплата молодого специалиста с высшим образованием составляла тогда 98 - 120 р. в месяц.

⁵ Rea'n. «L'icographie de l'art chrétien». 6 томов.

СОДЕРЖАНИЕ

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

- Ставровский Е.С.
Шуйское фиаско архитектора Маричелли 3
- Красницкая Т.А.
Церковная школа в Шуйском уезде: как это было 6
- Монякова О.А.
«Поучительно всякое влияние на нравственность народную» 11
- Муравьева Г.П.
Ивановские крестьяне-старообрядцы Головины,
проходящие по делу о пойманных иноках (1855 год) 15
- Мозгова Г.Г.
«Пилигрим к прогрессу», «Владимирская незабудка» и другие 19
- Куприяновский П.В.
Неопубликованное письмо К.Д. Бальмонта к М.А. Лохвицкой 28
- Добрынина А.М.
Из жизни провинциальных обществ трезвости Владимирской губ. 31
- Балдин К.Е.
«Крамола» в стенах Иваново-Вознесенской женской гимназии 35
- Добычина Т.А.
Благословение святителя 39
- Иванов Ю.А.
Династический юбилей 1913 г. в Шуйском уезде 42
- Переверзев О.К.
«Благопристойный житель благопристойного города» 45
- Молчанова Н.А.
К истории одного стихотворения К.Д. Бальмонта 54
- Дубровский П.С.
Истоки творчества советского Палеха 57
- Розанова Л.А.
Некрасовы, Закревские, Смирновы..... 61
- Батырева Л.П.
О сколках, вязонках, ожерёлках..... 67

СОДЕРЖАНИЕ

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

- Зудина И.Н.
«Хлестаков» в Ковровском уезде 72
- Закаменная Е.Н.
Как в Плесе про Левитана вспомнили 74
- Подурец А.М.
Дети комиссара Шмидта 80

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

- Куратов О.В.
Мои записки 85
- Прошение о помиловании 96
- Короткова Н.Н.
О подвижнике культуры шуянине А.А. Невском 100

НАШ АНОНС

Уважаемые коллеги!

Шуйский историко-художественный и мемориальный музей и Шуйский государственный педагогический университет приглашают Вас принять участие в Чтениях по региональной казуальной истории «Уездная старина».

Мы ждем от Вас материалов, связанных с историей Шуи и Шуйского уезда как в границах Владимирской губернии, так и в границах Шуйского района Ивановской области в период с конца XVIII в. до 20-х гг. XX в. Нас интересуют сообщения о любопытных фактах, случаях, событиях (возможно, анекдотических, но достоверных), биографические материалы о забытых незаурядных людях.

Нам интересны аналогичные материалы об уездной жизни во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях в указанный период.

Ждем от шуян документальных свидетельств о жизни в городе в прошедшем XX веке.

Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. III. – Шуя, 2003. – 112 с.

Научный редактор: Ю.А. Иванов (докт. ист. наук, доцент ШГПИУ)
Технический редактор: Е.В. Ставровская

ЛР № 020079 от 19.02.1998 г.

Подписано к печати 05.08.2003.

Формат 60x84 1/16. Печ.л. 7,0. Усл.печ.л.7,33. Тираж 200.

Отпечатано в частном предприятии «Полиграфия-Центр»
155900 Шуя, ул. Свердлова, 5. Тел.: (09351)